

А. Флиер

Культура как репрессия

Флиер А. Я.

Культура как репрессия. — М.: «ООО Издательский дом «Диagramma», 2006 г., 320 с.

В книге описывается культура, не как средство создания выдающихся произведений искусства и интеллекта, а как инструмент управления обществом. В отличие от политики и идеологии — это очень тонкий инструмент, никого ни к чему не принуждающий силой, но постоянно манипулирующий заученными с детства стереотипами сознания и поведения людей, нормами социальной приемлемости тех или иных поступков, приличиями, этикетом, моралью и нравственностью и т.п. На первый взгляд, культура создает художественные шедевры, а фактически — нормативные эталоны того, как нам жить, думать, оценивать происходящие события. На основании соответствия этим эталонам мы подвергаемся общественному одобрению или осуждению, репрессиям, изгоняемся из общества и т.п.

Книга написана, прежде всего для ученых-гуманитариев, но будет интересна и широкому кругу читателей, интересующемуся тем, каким образом нами управляют.

ISBN 5-901706-23-4

© Флиер А. Я.

© Издательский дом «Диagramma»

Электронное оглавление

Электронное оглавление	3
Введение	4
Культура как власть	6
Культура как идеология	13
Культура как тюрьма	18
Культура насилия	26
Культура как обман.....	33
Культура как сексуальная репрессия.....	43
Культура как фактор национальной безопасности	50
Культурные последствия информационной революции	56
Культура как виртуальная реальность.....	64
Страсти по глобализации	70
Массовая культура	76
Женщина как культурный текст.....	84
Имеет ли культура отношение только к человеку?.....	90
Постмодерн как поиск новой культуры.....	96
Социокультурный прогноз на XXI век	102
1.	102
2.	105
3.	106
Оглавление.....	108

Введение

Мы все привыкли к традиционному словосочетанию «культура и искусство», как правило, не задумываясь над его происхождением и смыслом. А здесь все очень интересно. Это типичное порождение культурной политики сталинских времен, имеющее чисто административное происхождение, возникшее тогда, когда потребовалось идеологически обосновать подчинение всей художественной жизни страны Министерству культуры.

Сама же культура — это прежде всего метод управления обществом. Такой же, как политика, идеология, экономика, религия и т.п. Просто политика управляет средствами насилия или угрозой таковых, идеология — средствами манипуляции общественным сознанием, экономика — нашими материальными интересами, а культура (в узкоотраслевом ее понимании) — путем манипуляции заученными с детства стереотипами социального поведения и миропонимания (т.е. манипуляцией воспоминаниями о детстве, о принципах полученного воспитания и образования). Искусство имеет к этому отношение лишь в том, что демонстрирует нам эталонные образцы, на которых нас воспитывали и учили, и напоминает:

4 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

вот как нужно жить в соответствии с установленными эталонами.

Предлагаемая вниманию читателя книга как раз и посвящена разрушению идеологической мифологемы: «культура и искусство». Никакой «культуры и искусства» на самом деле нет. А есть просто культура, с ее специфическим набором социальных функций, и искусство, обладающее совершенно иным набором функций. То, что здесь названо «культура как репрессия», на самом деле является основной социальной функцией культуры, исполняемой далеко не всегда в репрессивной форме, но реально бывает по всякому — вспомним сожжение М. Лютера, М. Сервета, протопопа Аввакума, расстрел Н. Гумилева, гибель П. Флоренского, С. Михоэлса, миллионные жертвы религиозной резни и национальных погромов — кто они, жертвы войны или культуры? Шедевры литературы и искусства нередко выступают как объекты апелляции в ходе реализации репрессивных задач культуры («вот Шекспир и Пушкин про это не писали, так и ты не смей делать что-либо, неописанное такими авторитетами»). Парадокс заключается в том, что и гильотина и симфония Бетховена являются феноменами культуры в равной мере. Только применяются в разных случаях. Бетховен — для тех, кого еще можно в чем-то убедить, гильотина — для тех, кого уже не переубедишь ни в чем.

И еще один существенный момент. Исторически сложилась традиция описывать культуру только в ее положительных проявлениях, как высшее достижение человеческой практики и интеллекта, как то, что выгодно отличает человека от животного. Но культура — это не более, чем человеческая практика — материальная, социальная, интеллектуальная, художес-

Введение 5

твенно-образная и, кстати, биологическая. Хождение в туалет — такое же социальное действие, как и хождение в театр, и тоже осуществляется в пределах определенных культурных норм. Причем при посещении туалета уровень нашей окультуренности нередко проявляется гораздо явственнее, чем при хождении в театр.

Но всякая социальная практика имеет две стороны: эстетическую и социальную. Для того, чтобы не замечать последнюю, мы сами для себя создаем мифологему о том, что культура — это только собрание литературных и художественных шедевров, и восторженно описываем их в учебниках, монографиях и т.п., уверяя самих себя в том, что этим и исчерпывается наша культура. Но это — не более, чем сказка. Культура включает в себя шедевры Шекспира и Пушкина, но так же и наше с вами повседневное поведение, хождение в туалет, утреннее умывание, отношение к людям и практические формы взаимодействий с ними, нашу совесть и тот набор приличий, который мы считаем удобоваримым и необходимым. Но в том числе, конечно, и наши интеллектуальные и эстетические предпочтения.

Не стоит намеренно зарывать голову в песок. Культура — эта вся социальная практика человечества, вся совокупность норм, обычаев и нравов. И каннибализм жителей Андаманских островов, как часть их религиозного ритуала, — это такое же явление культуры, как и творчество Леонардо да Винчи. С наших европейских позиций Леонардо — это гораздо лучше; а если спросить жителя Андаманских островов, что ему больше нравится? Согласно взглядам современной науки, культура — это набор «социальных конвенций», то есть разделяемых правил, гласящих, что и как мож-

6 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

но делать, а что и как нельзя, и выражаемых в традициях, нравах обычаях, законодательстве,

этикетке, приличиях и т.п. каждого народа.

Кстати, и в искусстве действуют такие же «социальные конвенции», что и в остальной культуре. Например, если взять скрипку за гриф и бить ею по железной крыше, то звук получится очень громкий. Но это не будет называться «игрой на скрипке», ибо на этот счет существует набор исторически сложившихся правил, определяющих, как играть на скрипке.

Итак, культурность той или иной акции зависит от ее соответствия действующим конвенциям. Скажем, убийство в подъезде — явное нарушение норм социального общежития, а вот публичное сожжение на площади по приговору Святейшей инквизиции — акт культуры, поскольку полностью соответствует обычаям своего времени. Но почему же его никто не описывает как культурное событие? Просто нам далеко не все нравится в культуре прошлого.

Кроме того, любая национальная культура делится на множество социальных субкультур (элитарную, буржуазную, крестьянскую и т.д.), в число которых входит как обязательный элемент — криминальная субкультура. Тут тоже все делается по правилам, согласно обычаям и нормам, принятым в данной среде. И нередко с большим искусством. Ведь существует понятие «криминальный талант». Скажем, карманный вор — не меньший мастер-манипулятор, чем эстрадный фокусник. Проститутки, как правило, честнейшие люди, никогда не обкрадывающие своих клиентов. Во всем действуют свои культурные нормы.

Так почему же мы обходим своим научным вниманием эту часть культуры? Потому что она не похожа на полотна Леонардо? Но и наша обыденная жизнь тоже

Введение 7

на них не похожа (особенно в антураже туалета), но мы же себя не презираем за это.

Предлагаемая книга посвящена именно той социально-нормативной стороне организации нашей жизни, которую мы мысленно стараемся не связывать с культурой. Между тем все описанные явления представляют собой несомненные феномены культуры, в современном научном понимании этого слова.

Книга состоит из глав, в чем-то повторяющих друг друга. Но что уж тут поделаешь. Повторение — мать учения. Или отец? Тоже вопрос культуры.

Хотя большинство глав снабжено сносками, это делается в расчете на читателя-специалиста, культуролога. В целом книга рассчитана на самую широкую аудиторию и написана в доступной публицистической манере.

Культура как власть

Мы привыкли к тому, что понятие «культура» в обыденном словоупотреблении отражает по преимуществу гуманитарную и художественную составляющие человеческой жизни. Такова была установка, целенаправленно реализовавшаяся Идеологическим отделом ЦК КПСС, определявшего культуру, преимущественно как инструмент пропаганды коммунистических идей средствами искусства. Так оно и осталось по сей день.

Между тем искусство, будучи самой яркой манифестацией культуры, является функционально не более значимым ее феноменом, чем язык, философия, наука, образование, охрана культурно-исторического наследия, социальная организация и практика людей; и акцент на тождестве культуры и искусства — типичный атавизм минувшей эпохи.

Могу привести показательный пример. Около десяти лет назад я вел беседу со своим английским коллегой, профессором-славистом из Кэмбриджа и, рассказывая про наши дела, упомянул о том, что видные

12 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

деятели российской культуры — писатели, музыканты, художники — обратились с открытым письмом к президенту по какому-то поводу. У бедного англичанина от удивления глаза вылезли из орбит. «Но писатели, художники и музыканты — это деятели искусства — совершенно автономной сферы. На Западе деятелями культуры считаются ученые-гуманитарии, работники образования, музеев и библиотек».

Конечно, это крайняя точка зрения. Искусство, несомненно, входит в систему культуры, являясь ее своеобразным органом пропаганды, в то время как содержательную основу культуры составляют нравы, обычаи, стереотипы сознания и поведения, теоретическую — философия, гуманитарное и социальное знание, организационную — система образования. Но почему-то образование у нас административно отделено от культуры, хотя, по большому счету, содержание общего и гуманитарного образования — это и есть культура (а что же еще преподают детям в средних школах, студентам на исторических, филологических, этнографических, культурологических факультетах, как не историю культуры в разных ее аспектах?).

Впрочем, тут многое зависит от ракурса взгляда на проблему. С точки зрения современной теории, культура — это прежде всего порядок — способ упорядочения, организации и систематизации процессов человеческой жизни и деятельности, организации межличностной и межгрупповой коммуникации и взаимодействия¹. С позиций синергетики — это один из процессов самоорганизации материи в упорядоченные структуры, только протекающий на уровне человеческой деятельности (практической, интеллектуальной, художествен-

¹ См., например: Хантингтон С. Политический порядок в меняющемся мире. — М., 2004.

Культура как власть 13

ной). Ведь люди действуют и творят, думают и говорят отнюдь не хаотично, а, подчиняясь определенным закономерностям, направленным на достижение большей упорядоченности того мира, в котором они живут, его более глубокого и масштабного познания и составления более систематизированных представлений о нем¹. Недаром структуралисты и семиотики изучают культуру на основе языка — наиболее систематизированного средства передачи информации. М. С. Каган в своей последней работе убедительно доказывает, что и искусство является таким же способом упорядочивания художественно-образных представлений о мире, как религия и философия — инструментами упорядочивания мировоззрения, традиции — инструментом упорядочивания обычаев и нравов, образование — инструментом упорядочивания рациональных знаний и т.п.².

Конечно, порядки бывают разными. Еще в XIX в. философами-эволюционистами было показано, что исторический прогресс — это не улучшение, а усложнение мира человеческого бытия, переход от более примитивных порядков и структурной организации к более сложным³. Доминирующая сейчас в Европе и Америке философия постмодернизма эпатирует публику призывами к деконструкции текстов культуры⁴; но любому здравомыслящему человеку понятно, что речь идет не о разрушении порядка как такового, а о переходе к более сложной, более дифференциро-

¹ Подробнее об этом см.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — СПб., 1994.

² Каган М.С. Введение в историю мировой культуры, в 2 тт. — СПб., 2003.

³ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. — Минск, 1998.

⁴ См., например: Derrida J. De la Grammatologie. — Paris. 1967; Derrida J. Difference // Bulletin de la Societe francaise de philosophie, LXII, 1968, №3; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — М.-СПб., 1998 и др.

14 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ванной, но и более универсальной системе упорядоченности в культуре, миропонимании, организации социальной практики, учитывающей и сложноупорядоченные, и совсем не упорядоченные явления (точнее те, которые мы с позиций нынешних научных методологий еще не можем упорядочить)¹.

В этой связи отдельную тему представляет собой вопрос о месте творчества (научного, технического, художественного) в этой системе порядков. Конечно, каждый творческий акт, каждая инновация несут в себе потенциал разрушения существующего порядка (в той или иной избранной области). Но при этом предлагается более совершенная модель упорядочивания. Каждая научная теория, техническое изобретение, художественное произведение — это маленький шаг вперед в деле улучшения (хотя и одновременного усложнения) существующей системы порядков (объяснительных, технических, художественно-стилевых) в науке, технике, искусстве — в целом — в сознании и социальной практике людей.

Конечно, сведение культуры только к вопросу о порядке было бы некоторым упрощением проблемы. В культуре существуют и относительно свободные поля для творчества и импровизации. Просто в одних областях они сравнительно широки (искусство, наука, формы межличностных отношений), в других, напротив, очень ограничены (сфера социального поведения или допустимая зона применения насилия).

¹ В этой связи нельзя не упомянуть о волнах уничтожительной критики, обрушивающейся на постмодернизм со стороны отечественных философов «классической школы», свидетельствующей об их очевидной некомпетентности даже в позитивизме XIX века, формальной антитезой которого выступает постмодернизм (а на самом деле — одним из направлений преодоления упрощенности и однозначности его позиций, т.е. радикального усложнения позитивистской картины мира).

Культура как власть 15

Но в принципе они имеют место практически в каждой области жизнедеятельности человека.

Кроме того, существует и территория беспорядка. Точнее не территория, а категория людей, живущих, нарушая культурные порядки. Разумеется, нарушаются не все порядки — это просто технически невозможно, тем более, что многие культурно обусловленные действия мы совершаем в «автоматическом режиме», усвоенном еще в раннем детстве. Но какие-то культурные порядки вынужден нарушать любой человек, адаптируясь к той или иной жизненной ситуации. Люди, которых мы называем «дикарями» (скажем, аборигенное население Океании или бассейна Амазонки), вовсе не злостные нарушители порядка. Просто они живут по нормам (в системе порядков) другой культуры, которая нам непонятна и представляется дикостью. Но есть люди, принадлежащие к культурам развитых цивилизаций, для которых нарушение определенных культурных порядков (обычно публичное, эпатирующее) является формой их личностного самовыражения (обычно их называют оригиналами или маргиналами), протестной формой поведения или претензией на художественную оригинальность (вспомним дадаистов и футуристов начала XX в.), иногда — вынужденным образом жизни (например, бомжи, нищие)¹.

Но и в сфере, далекой от культуры (в ее традиционном художественном понимании), существует

категория правонарушителей или преступников, живущих в режиме нарушения законов. Поскольку законопослушание — это тоже одна из культурных норм поведения, любой правонарушитель или пре-

¹ Флиер А.Я. Социальные основания массовой культуры — в этом издании.

16 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ступник одновременно является и культурным маргиналом. Существует и другая точка зрения (которой придерживаюсь и я), согласно которой криминал и маргинальность — это особая субкультура, столь же жестко упорядоченная, как и любая другая, только на основе иных порядков, которые чужды нашим ценностным нормам¹. Современные тенденции мультикультуральности подталкивают власти и общественное мнение постиндустриальных стран к большей терпимости и толерантности к проявлениям иной культуры. Примеры того, как на основе подобной культурной толерантности в США оправдывались судами даже тяжкие уголовные преступления, приводит в своей книге С. Бенхабиб².

Таким образом, упорядоченность сознания и поведения, формы которой определяются доминирующей культурой, — это есть культурная норма, случаи нарушения которой, вовсе не отменяют значимость самой нормы. Другое дело, что мы можем дифференцировать нормы на императивные, конвенциональные, статистические, эталонные и пр., но в любом случае всякая норма — это есть институционализированное выражение упорядоченности нашего мира и представлений о нем.

Но здесь по цепочке возникает следующая проблема. Установление и поддержание порядка — это по большому счету — осуществление власти. Функции любой власти именно в этом и заключаются — в установлении и поддержании социального порядка в обществе. Вопреки распространенной модели «трех властей» — законодательной, исполнительной и судебной, я полагаю, что реальная власть в обществе распределя-

¹ Флиер А.Я. Культура насилия — в этом издании.

² Бенхабиб С. Притязания культуры. — М., 2004.

Культура как власть 17

ется совсем другим образом, хотя тоже в тернарной системе. Разумеется, это лишь одна из многих возможных точек зрения на проблему структуры власти, но, в конечном счете, допустима и такая. Итак, я полагаю, что верховная власть над обществом делится между государством, деньгами и культурой. Государство (в лице центральных и региональных органов власти, системы отраслевых министерств, и силовых структур) осуществляет власть над социальным поведением граждан и функционированием разнообразных структур и институтов, короче — над содержанием деятельности людей; деньги (точнее система распределения социальных благ, которая ныне наиболее полно воплощается деньгами) осуществляют власть над процессами, происходящими в обществе, т.е. — над динамикой человеческой деятельности; а культура (как доминирующее в обществе представление о правильном и неправильном, иерархии ценностей и т.п.) осуществляет власть над сознанием людей, их мироощущением, мотивацией активности, адекватностью, лояльностью и пр., в конечном счете — над избираемыми формами деятельности.

Каждая из этих властей наводит порядок в подведомственной ей сфере, транслирует этот порядок от поколения к поколению и пропагандирует необходимость именно того порядка, за который она отвечает. *Conditio, sin non quo*¹, в данном случае является то, что и государство, и деньги, и культура в современном обществе не могут существовать и действовать отдельно друг от друга. Но сферы их компетенции жестко разделены. А главное — ни одна из этих властей не должна доминировать над другой (другими).

¹ Условием, без которого невозможно (лат.)

18 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Когда государство пытается подменить своим авторитетом деньги (т.е. систему социальных благ), это приводит к социально-экономическому застою, а затем и к политическому краху. Потому что политическая власть и социальные блага — вещи принципиально разные; власть апеллирует к репрессиям, а блага — к интересам. Еще никому не удавалось отсутствие социальных благ компенсировать репрессиями. В истории такое случалось: Иван Грозный однажды попытался — с известным результатом; при всей авторитарности Петра I и Сталина, даже они не решились на такую авантюру. А судьба СССР в послесталинский период — наглядный пример торжества воинствующего дилетантизма (или волюнтаризма, за что справедливо сняли Хрущева, но почему-то оставили Брежнева — по существу такого же дилетанта), приведшего к полному разложению господствующей идеологии и всей государственной системы в отсутствие эффективной и справедливой системы распределения социальных благ (нашей знаменитой уравниловки, при которой зарплата почти не зависела от уровня квалификации, а качество жизни — от размеров зарплаты).

Примеров тому, чем кончается рассогласованность государственной политики и культуры общества, в истории масса: от гибели Римской империи до распада СССР и Югославии. Подобный постоянный кризис государственной системы был характерен для аграрных обществ, политика которых определялась только культурой аристократии и не принимала во внимание культуру большинства населения (что как-то уравнивалось репрессивным характером господствующих религий). Ныне это особенно характерно для многонациональных государств, где державные инте-

Культура как власть 19

рессы доминирующего этноса просто не могут быть согласованы с культурами многочисленных нацменьшинств. Обратным примером — высокой степени опосредованности государственной политики культурой большинства населения — служит Китай — на протяжении всей его истории.

Коллизию, когда социальные блага (деньги) начинают подминать под себя культуру, мы можем наблюдать своими глазами на примере современного Запада, где позиция культурной элиты все меньше и меньше влияет на состояние и интересы общества. Недаром нынешнюю ситуацию в западном интеллектуальном мире многие называют «поминками по Просвещению»¹, отмечая, что время господства либеральной демократии уже истекло; в условиях глобализации она стала экономически неэффективной² и не в состоянии адекватно ответить на вызов религиозного фундаментализма и терроризма.

Ситуацию, когда культурная традиция довлеет над государством, наглядно олицетворяет современный исламский фундаментализм. Вспомните, каких успехов в модернизации достиг Иран при шахе (Мохаммеда Резу Пехлеви недаром сравнивали с Петром Великим и Кемалем Ататюрком) и как в считанные недели все это было сметено исламской революцией, вернувшей страну в средневековое состояние. Мы часто забываем о том, что религия — это тоже часть культуры, и она во все века являлась активным стимулом к насилию (в силу имманентно заложенной в ней нетерпимости ко всему чужому). Вчера — в виде Крестовых пох-

¹ Грей Д. Поминки по просвещению. — М., 2003; Бауман З. Индивидуализированное общество. — М., 2002.

² Валлерстайн И. После либерализма. — М., 2003; Гидденс Э. Ускользающий мир. — М., 2004; Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. — М., 2004.

20 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

дов или деятельности Священной инквизиции, сегодня — в форме исламского фундаментализма, завтра — найдутся и другие формы¹.

Таким образом, рассогласованность в политике государства, распределении социальных благ и культурных оснований взглядов и поступков людей всегда кончается плохо. Достижение согласования возможно только на основе категорического невмешательства в чужую сферу ответственности. А это означает, что культура не может быть объектом государственного управления, а только — очень осторожной регуляции. Показательные примеры активного государственного вмешательства в сферу культуры нам продемонстрировали СССР и нацистская Германия². Чем все это кончилось, мы хорошо знаем. Культура отвернулась от государства и не стала поддерживать его в кризисной ситуации.

Где же выход? В разумном сотрудничестве всех трех властей. Мы допустили гигантскую утечку капиталов за границу, и вовсе не по злонамеренности олигархов, а по глупости и продажности государственных чиновников. Чиновник — вот он вечный враг России, поскольку его выдвижение на пост и дальнейшее продвижение по иерархической лестнице в нашей стране, как правило, зависит не от уровня профессиональной компетентности, а от степени политической лояльности (сочтем это особенностью нашей национальной ментальности).

Очень сложные отношения нынче у государства и культуры. Очередная чиновничья глупость — отдать Министерство культуры в руки работников искусства, которые даже и не знают, что такое культура (в совре-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М., 2003..

² Моссе Дж. Нацизм и культура. — М., 2003; Паперный В. Культура Два. — М., 1996.

Культура как власть 21

менном ее научном понимании) и каковы ее общественные функции. И это при том, что в стране работают десятки блестящих ученых-культурологов, обществоведов, социологов, которые, по крайней мере, понимают задачи культуры в национально-государственном масштабе.

Я не берусь утверждать, что Министерство культуры нужно упразднить вообще. Конечно, культурой управлять невозможно (как и художественным творчеством). Развитие культуры, как и всякое общественное развитие, — это более или менее стихийный процесс, и с этим фактом рано или поздно придется считаться. Главная задача министерства — быть каналом связи между государством и культурой, органом согласования политических интересов государства и социокультурных интересов общества. В этом и заключаются достоинства профессионально выстроенной культурной политики.

Я полагаю, что наиболее эффективным министром культуры может быть крупный ученый-обществовед. Философ, историк, этнограф, социолог. Но уж никак не музыкант или театровед. Это уже из другой епархии. Все равно, что военного священника назначить министром обороны.

Но священника министром обороны все же не назначают. Значит в этом что-то понимают. А вот заведомо некомпетентного человека — министром культуры — всегда, пожалуйста. Кто у нас только не побывал на этом посту: и ткачиха, и инженер-путеец, теперь настала очередь деятелей искусства — наверное, замечательных специалистов в художественной сфере, но — увы — совершенно некомпетентных в вопросах культуры как явления общественной жизни. Все это свидетельствует о том, что и на самом верху

22 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

господствует откровенно дилетантское представление о том, что такое культура и каковы ее созидательные функции в обществе.

Оглядываясь назад, следует отметить, что до XVIII в. ни одно государство вообще не вело никакой культурной политики и никак не поддерживало развитие культуры материально. Культура существовала автономно от государства. Но всякий разумный государь безропотно подчинялся тем культурным «правилам игры», которые доминировали в обществе. И это было актом согласования, компромисса. Но тогда культура (в частности религиозная) во многом определяла и политические интересы государства. Со времен становления основных наций Европы и Америки (в XVIII-XIX вв.) государство взяло в свои руки и формирование национальных культур, начало вводить общенациональные стандарты образования, литературного языка, норм поведения в общественных местах и т.п. С этого периода и начался непрерывный кризис взаимоотношений между государством и культурой. Причина кризиса в том, что государство и культура — это равностатусные компоненты общественного устройства, и они не могут быть в подчинении друг у друга.

В СССР, где Коммунистическая партия была и Богом, и царем, и отечеством одновременно, естественное саморазвитие культуры было зажато в жесткие государственные тиски. Справедливости ради следует отметить, что в первое послереволюционное десятилетие в области культуры было сделано много полезного (но тогда и в Политбюро большинство составляли образованные люди).

С приходом к власти Сталина «поезд» отечественной культуры «пошел под откос». Это не значит, что в сталинское время не создавалось выдающихся произ-

Культура как власть 23

ведений, не развивались образование и национальные культуры в республиках. Все это было. Но культурная политика государства вошла в противоречие с объективными законами культурного саморазвития. Культуру превратили в инструмент идеологии, и она с каждым десятилетием все больше и больше слабела в своих собственно культурных (социально и интеллектуально упорядочивающих) функциях. Если Сталин еще избирательно поддерживал каких-то деятелей (и столь же избирательно уничтожал), то ситуация с культурой заметно деградировала при Хрущеве и Брежневе, которые вообще не испытывали интереса к этой сфере и не понимали ее значимости в процессе общественного развития. Так или иначе, но советский опыт взаимоотношений государства и культуры наглядно показал абсолютную нелепость самой идеи возлагания на культуру политико-идеологических функций и централизованного государственного управления ею.

Культура — это неизбежная сумма всех идеологий, наличествующих в обществе, а управляет ей только процесс социального развития, т.е. История. Культуре необходимо подчиняться, поскольку она такой же орган власти над сознанием и интересами людей, а соответственно — мотивацией их поведения и избираемыми формами деятельности, как государство — орган власти над содержанием и направленностью социальной активности населения.

Как орган власти над обществом культура должна располагать определенными технологиями и инструментарием по осуществлению этой власти. Основные технологии — это принятие или неприятие обществом той или иной культурной новации, санкции в отношении нарушителей действующих культурных норм и межпоколенная трансляция этих норм, ценностей,

24 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

стереотипов сознания и поведения. Что касается инструментария, то его можно распределить по нескольким блокам.

1. Функциональные подсистемы культуры:

- социальные и познавательные интересы людей, выполняющие функцию инициации их деятельностной активности;
- мораль и ценностные ориентации, выполняющие функцию регуляции и нормирования допустимых форм этой активности;
- язык, выполняющий функцию обеспечения коммуникации между людьми и фиксации культурных содержаний в форме культурных тестов;
- »- воспитание и образование, выполняющие функцию социализации и инкультурации личности,

трансляции исторически накопленного социального опыта, воспроизводства культуры в следующих поколениях.

2. Отраслевые подсистемы культуры (как системы власти над сознанием и мотивацией деятельности):

- ▶ мифология,
- ▶ религия,
- ▶ философия,
- ▶ социальные и гуманитарные науки,
- ▶ просвещение¹,
- ▶ искусство,
- ▶ средства массовой информации,
- ▶ законы, традиции, нравы, обычаи.

¹ В отличие от образования, под просвещением имеются в виду формы инициативного культурного саморазвития человека: посещение музеев и библиотек, художественных и зрелищных мероприятий, клубов, чтение книг, культурный туризм и т.п.

Культура как власть 25

В каждой из этих подсистем культура присутствует целиком (в своем полном составе), но подвергается неизбежной отраслевой интерпретации и в таком интерпретированном виде (т.е. «одетой в специфический отраслевой костюм») подается публике.

3. Культурные подсистемы других отраслей деятельности:

- ▶ культура хозяйственной деятельности,
- ▶ культура политической деятельности,
- ▶ культура правовой деятельности,
- ▶ культура научной и технической деятельности,
- ▶ культура информационно-коммуникативной деятельности,
- ▶ культура физического воспроизводства человека,
- ▶ культура здравоохранения,
- ▶ культура физического саморазвития человека,
- ▶ культура восполнения энергозапаса человека и его отдыха,
- ▶ культура психической реабилитации и релаксации человека,
- ▶ - культура смерти и погребения¹.

Не следует забывать и о том, что культурные установки относительно подвижны. Каждый раз со сменой живущих поколений происходит и определенная модернизация культурных установок, хотя в культуре каждого народа остаются элементы, имеющие многовековую историю. Межпоколенное обновление культуры обычно не касается ее глубинных оснований и традиций, а проявляется только в некоторых поверхностных фактах (например, в переменах в моде на

¹ Я полностью солидарен с моделью морфологии культуры, разработанной Э.А.Орловой (см. Морфология культуры. Структура и динамика. — М., 1994), а здесь привожу экспериментальную интерпретацию ее модели.

26 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

одежду, смене харизматических кумиров и т.п.). При серьезных социальных изменениях (скажем, при переходе на более высокую стадию социокультурного развития), перемены в культуре становятся уже более глубокими и стратегическими, хотя и в этом случае меняются далеко не все доминирующие культурные установки, а степень радикальности изменений весьма разнится у различных социальных страт. Обычно, она более заметна в субкультуре элиты и очень постепенно перетекает в субкультуры социальных низов.

Поскольку культура — это не более, чем понятийная категория, объединяющая совокупность процессов упорядочивания человеческого сознания, мотивации и избираемых форм поведения, возникает вопрос: кто является носителем и исполнителем той власти над умами, интересами и потребностями, нормами и ценностями, мотивацией деятельности, о которой шла речь. По всей видимости, все общество в целом (в форме общественного мнения) и какая-то неформальная интеллектуальная элита, пользующаяся непререкаемым авторитетом в обществе (или, по крайней мере, в образованных его слоях). Я полагаю, что общенациональным авторитетом может пользоваться только харизматический лидер. В его отсутствие у каждой социальной страты выдвигаются свои авторитеты, но и они подчиняются доминирующему общественному мнению.

Возникает и другой вопрос: каким образом культура осуществляет эти свои властные полномочия? Что заставляет людей думать и действовать именно так, а не иначе? Органом надзора и применения санкций является само общество. А необходимые установки передаются человеку посредством воспитания и обуче-

Культура как власть 27

ния, традиций, нравов и обычаев, средств массовой информации и социальных контактов, а так же

многого иного, что объединяется в понятии «социализация и инкультурация личности». Человек — дитя культуры и ее воспитанник, хотя, скажем честно, далеко не всегда — самый прилежный ученик.

Но плохим ученикам дорога определена — на помойку социальной системы. Плохо освоить культурные нормы общества — это далеко не то же самое, что плохо выучить таблицу умножения. Социальная цена такой небрежности будет самая высокая: перспективы маргинала или преступника. Вот этого почему-то не понимают даже на самом верху и потому столь небрежны в назначении руководителей культуры как отрасли. Впрочем, я уже писал об этом в свое время¹.

Разумеется, культура постоянно входит в конфликт с государством, чьи политические интересы гораздо подвижней, чем установки культуры. Человек постоянно разрывается, стремясь сохранить и лояльность государству, и верность своей культуре. Иногда это кончается плохо. Ведь органы насилия и право его применять — в руках у государства. Как справедливо заметил Никлас Луман: «К насилию прибегают ввиду нехватки власти»². Это означает, что государство постоянно испытывает дефицит власти и компенсирует его насилием. А вот деньги и культура к насилию не прибегают, поскольку их власть неограниченна.

Единственная санкция, которую может применить культура, — общественное осуждение. Это не всегда очень страшно для отдельного человека, но для государ-

¹ Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности — в этом издании.

² Луман Н. Власть. — М., 2001. — С. 19.

28 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ства это фактическая социальная катастрофа. Это означает потерю лояльности пусть меньшинством, но наиболее влиятельным и активным меньшинством и индифферентность со стороны большинства. Вспомните, сколько людей пришлось мобилизовать большевикам, для того, чтобы захватить власть в 1917 г. (практически весь Балтийский флот, множество запасных полков, дислоцированных в губернских центрах, рабочих многих крупных предприятий), и сколь незначительная группа людей (чуть больше половины делегатов Съезда Советов) принимала практическое участие в их свержении? Потому что общественное мнение (или точнее поддержка интеллектуальной элиты) было уже не на их стороне.

В 1991 г. произошла действительная революция, поскольку в тот момент культура победила государство. А через год-полтора культуру победили деньги. Сейчас государству удалось вернуть утраченные позиции и «правила игры» опять диктует оно. Говоря иначе, мы вернулись к советской ситуации, когда государство замещает собой Историю и пытается выполнять ее функции (это еще одна черта национальной ментальности). Культура опять в проигрыше, и опять культурная политика подминается государственной идеологией¹, а культурная практика — деньгами (социальными благами).

Конечно, государство может разрушить культуру и приостановить историю. (В качестве примера вспомним деяния испанских конкистадоров в Америке: они разрушили культуру и остановили историю аборигенного населения за три-четыре десятилетия; а для формирования новой латиноамериканской культуры по-

¹ Подробнее об этом см.: Флиер А.Я. Культурная политика и идеология — в этом издании.

Культура как власть 29

требовалось целых четыре столетия.) Но государство не может управлять ни культурой (процессом использования накопленного социального опыта), ни историей (процессом социального развития общества). Оба процесса подчиняются собственным законам, неподвластным государству. Государство может лишь понять направленность этих процессов и корректировать их интенсивность. Но для этого требуются руководители выдающейся компетенции. Пока что власти России не в состоянии найти таких руководителей для культуры. Судя по всему, не там ищут...

Культура как идеология

Прежде всего, я хотел бы отметить то, что в данном контексте буду употреблять термин «культура» не в его широком общенаучном смысле — как совокупность всех осознанных и целеориентированных поступков людей и актов их интеллектуальной деятельности, — а только в ее узкоотраслевом значении. Т.е. речь пойдет о специфической сфере общественной жизни, связанной с созданием, накоплением и распространением предметов, идей, произведений, имеющих неординарное социальное значение, а так же особенную морально-нравственную, интеллектуальную, эстетическую и иную духовную ценность, а так же сбор, реставрация и хранение исторических и художественных раритетов, продуктов издательской деятельности, управление чем поручено Министерству культуры. В последнее время в его функции было введено так же управление кинематографией и средствами массовой информации.

Это позволяет мне выделить и «идеологию» как такого же рода специфическую сферу деятельности, пред-

34 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ставляющую собой разработку и внедрение в массовое сознание теоретико-мировоззренческих оснований текущей актуальной политики властных структур, формальное управление которой обычно относится к высшим сферам государственной власти (в советское время это был Идеологический отдел ЦК КПСС, который по негласной иерархии считался первым среди других отделов; ныне, предположительно, эти функции выполняет одно из подразделений Администрации Президента).

Всем понятно, что культура (в ее узкоотраслевом понимании) и идеология — категории сравнительно близкие; поскольку и идеология тоже создает свою систему ценностей, во многом аналогичных культурным, только служащих другим целям: не поддержанию и развитию нравственных традиций и устоев общества, а оправданию властных амбиций и политической практики правящих слоев. Более того. Когда речь идет об обществах, которые можно назвать «маниакально идеологизированными» (по типу средневековой Европы или тоталитарных режимов XX века), для них характерна очевидная контаминация, подмена или смешение понятий «культура» и «идеология» или, как минимум, культура рассматривается в качестве гуманитарной составляющей идеологии. Характерно, что и органы управления в области культуры и идеологии при подобных

режимах, как правило, не разделялись: в эпоху Средневековья это была Церковь, в тоталитарных странах XX столетия — Идеологические подразделения правящих партий.

Такое смешение в принципе легко объяснить; для идеологизированных режимов культура — это неотъемлемая часть политической идеологии, агитации и пропаганды, призванная к формированию, воспитанию и поддержанию требуемого уровня политической лояльности граждан. В этой связи хочу заметить, что

Культура как идеология 35

рейхсмаршал Герман Геринг был глубоко не прав, когда хватался за пистолет при слове «культура». Если бы нацисты не поставили себе на службу всю богатейшую немецкую культурную традицию, уровень политической терпимости населения Германии к их режиму был бы существенно более низким.

К сожалению, в России отмеченная контаминация культуры и идеологии имела место на протяжении практически всей ее истории. Я не буду сейчас вдаваться в анализ причин этого явления, но хочу напомнить в качестве примера, что идеология — это еще и «правильная» подача истории. По этой причине со сменой власти история страны, как правило, переписывается заново, расставляются новые акценты, вчерашние герои становятся негодяями и наоборот. Следует отметить, что историю нашей страны неоднократно переписывали не только в период Советской власти (при смене вождей), а при каждом новом царствовании. Фактически не осталось ни одной средневековой летописи, не «перелицованной» под диктовку того или иного князя в поисках дополнительной аргументации его политическим притязаниям. Это типичный образец использования культуры в интересах идеологии и, разумеется, такого рода примеров можно привести множество. Конечно, подобное встречалось и в Европе (например, скандальная история с фальшивым Миланским эдиктом императора Константина, продуктом которого до сих пор остается папский Ватикан как самостоятельное государство¹), но не в таких масштабах и не с такой наглой откровенностью как в России.

Подобное положение дел привело к тому, что размежевание понятий «культура» и «идеология» в России со-

¹ Хроника христианства. — М., 1999.

36 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

хранилось лишь на уровне обыденного сознания населения; в сферах государственного управления культура явно или латентно воспринимается как органичная составляющая идеологии. И это не случайно. Хотя культура и идеология обладают собственными имманентными социальными функциями, эти функции в целом ряде аспектов (формировании единого национального мировоззрения, в социализации и инкультурации личности, в манипуляции общественным сознанием и пр.) настолько близки в обеих сферах управления общественной жизнью, что трудно представить себе общество, в котором культура находилась бы в явной оппозиции господствующей идеологии; такое общество просто утратило бы социальную устойчивость. Наглядным примером тому служит деградация советской идеологии в 70-80-е годы, когда культурное развитие общества далеко оторвалось от архаичных идейных установок КПСС.

К сожалению, определенные признаки повторения этой ситуации мы можем наблюдать и в сегодняшней России, только в данном случае наша культура (или, по крайней мере, культурная политика) оказалась в положении катастрофически отстающей от демократически ориентированной государственной идеологии.

Так или иначе, но приходится отметить, что у нас не сложилось интеллектуальной традиции четкого размежевания понятий «культура» и «идеология», привычки временами задумываться о принципиально различных социальных функциях этих сегментов общественной практики.

Суть проблемы заключается в том, что культура (даже в узкоотраслевом ее понимании) — это прежде всего совокупный исторический опыт совместного проживания и деятельности тысяч и миллионов людей, составляющих тот или иной народ. Так, по край-

Культура как идеология 37

ней мере, считают ведущие науки о культуре — культурология и этнография¹. Этот опыт формирует национальный язык, обычаи, нравы, обряды, традиции, психологию, ментальности, нормы социального поведения, принципы межличностных отношений и пр. Разумеется, культура не может обходиться и без эталонных образцов демонстрации своих принципов; эту функцию обычно выполняют религия, искусство и разнообразные церемониальные формы поведения. Далее задачи культуры сводятся к накоплению социального опыта, его селекции, систематизации, сохранению, а главное — его трансляции следующим поколениям в виде всего массива культурного наследия, традиций, национального культурного своеобразия². Последнюю функцию, называемую в науке «социализацией и инкультурацией личности», выполняют преимущественно воспитание и образование. Должен заметить, что произошедшее в России организационное объединение общего и профессионального образования представляется мне стратегической ошибкой, свидетельствующей о

капитальном непонимании социальных целей образования в общенациональных и общекультурных масштабах всего государства. Я полагаю, что выделение образования в самостоятельную отрасль имеет смысл лишь в специализированных сферах (т.е. как образования именно профессионального). Что же касается общего образования и воспитания — это зона компетенции прежде всего отрасли культуры, во всей ее содержательной полноте; содер-

¹ Семенов Ю.И. *Философия истории*. — М., 1999. — С. 31; Флиер А.Я. *Культура и история: потребность в переживании социального опыта коллективной жизни людей* // Флиер А.Я. *Культурология для культурологов*. — М., 2000. — С. 19-33.

² Флиер А.Я. *Культурология как образование: проблема формирования культурной компетентности личности* // Там же. — С.88-116.

38 А. Я. Флиер. *Культура как репрессия*

жание общего образования и воспитания — это и есть сама культура, не расчлененная на предметные поля и дидактические единицы педагогических подходов. К сожалению, нашим узкоспециализированным чиновникам даже не приходит в голову задуматься над тем, каким образом образование и культура (как отрасли) могут согласованно работать, а порой и практически сливаться в единых общенациональных интересах.

Точно так же, как физическое размножение людей ведет к биологическому воспроизводству человеческой популяции, межпоколенная трансляция культуры представляет собой аналогичный процесс социального воспроизводства общества, точнее локальных конкретно-исторических сообществ во всей глубине и своеобразии их национальной культурной специфики. Всестороннее содействие и помощь этому процессу — это и есть основная задача культурной политики всякого государства. Образно говоря, культурная политика — это «акушерка», помогающая рождению нового поколения носителей национальной культуры. Когда еще не было государств, эту функцию успешно выполняли народные традиции и обычаи, которые смело можно назвать культурной политикой догосударственного периода истории.

Я уже предвижу вопросы читателя: а где же в этой схеме искусство — святая святых и основа основ всякой культуры? Отвечу вопросом на вопрос: а с чего вы это взяли? Почитайте классические труды мировых корифеев наук о культуре: философов, культурологов, антропологов, этнологов. К своему удивлению, вы обнаружите, что понятие «искусство» встречается в их текстах крайне редко. Почему? И вот здесь мы опять возвращаемся к оппозиции понятий «культура» и «идеология», с чего я начал свой очерк.

Культура как идеология 39

В своем существовании всякое произведение искусства переживает несколько стадий, которые хорошо изучены современной наукой. Среди этих стадий нас сейчас интересует этап рождения явления искусства: т.е. появление социального заказа на новое произведение (этот заказ может быть политическим, общественным, индивидуальным) и ранний период, когда только созданное и опубликованное произведение в течение какого-то времени остается остроактуальным в политико-идеологическом отношении. Разумеется, во многих случаях этот социальный заказ может иметь настолько закамуфлированные формы, что художник искренне полагает, что он активно борется с режимом, фактически действуя по его команде. На этой стадии новое, только созданное автором и осваиваемое обществом произведение реально еще не является феноменом культуры, а лишь явлением актуальной политической идеологии, как того и требовал от него социальный заказ¹. Должно пройти немало лет, пока это произведение прочно займет свое место на стенах музея или в библиотечных собраниях, перестанет вызывать политические эмоции и идеологические споры, и только тогда мы с полным основанием сможем судить о нем как о явлении культуры и степени его культурной ценности. Т.е., чтобы стать явлением культуры, произведение должно обрести статус элемента культурного наследия; памятника пусть совсем недавней, но все-таки уже прошедшей и потерявшей политическую и идеологическую злободневность эпохи. Только с этого момента идеология перерождается в культуру, т.е. в социальный опыт коллективного бытия людей; и рассматриваемое произведение ста-

¹ Флиер А.Я. *Культурогенез*. — М., 1995.

40 А. Я. Флиер. *Культура как репрессия*

новится одним из образцов соответствующего опыта своей эпохи.

На мой взгляд, одной из капитальнейших ошибок современной культурной политики в нашей стране является то, что она по давней, еще советской привычке постоянно вмешивается не в свое дело: в политическую борьбу на ниве создания культурных ценностей, в текущее художественное творчество и т.п. К примеру, сегодняшнее творчество Никиты Михалкова или Михаила Шемякина может восхищать или раздражать Президента страны — как политика и главного идеолога нашего общества; но для Министра культуры (как руководителя специальной отрасли) и Михалков, и Шемякин могут стать профессионально интересными лишь после того, как для политической элиты

эти имена уже утратят идеологическую актуальность. Только тогда они станут актуальны для культуры.

Я хорошо понимаю, что многие деятели искусства с этим тезисом не согласятся. Им хочется славы при жизни. Но я надеюсь, что никто не заблуждается в том, что это будет слава не корифеев культуры, а активистов политической или идеологической борьбы. Как говорят в народе: «Пушкиными» рождаются, а до «Ждановых» дослуживаются. Хотя я и не отношусь к числу ярких приверженцев А.И.Солженицына как носителя историософской идеи цивилизационной специфичности России, я не могу не восхищаться его позицией принципиального отказа от идеологической игры с властями. Деятель искусства может быть или «Пушкиным» или «Ждановым»; иного не дано.

Из всего сказанного вовсе не следует, что органы управления культурой не должны принимать участия в художественной жизни страны. Напротив, им следует взаимодействовать с искусством самым тесней-

Культура как идеология 41

шим образом (особенно в вопросе подготовки кадров), так же, как и с религией, средствами массовой информации и т.п. Только при этом нужно не забывать о том, что и искусство, и религия, и средства массовой информации являются органами актуальной политической идеологии, а культура и образование — органами сохранения и трансляции социальных и культурных ценностей нации. Отсюда и социальные задачи этих сфер духовной жизни общества принципиально разнятся, как и государственная политика в отношении их.

Не менее серьезным вопросом является тема взаимоотношений «высокой» культуры с массовой. В принципе массовая культура является преимущественно информационной подсистемой экономики, комплекса бытовых услуг и престижных форм досуга. Даже сам термин «массовая культура» представляется не вполне корректным, ибо эта «культура» не производит никаких новых специфических ценностей, не транслирует никакого социального опыта; она только рекламирует и продает то, что имеет шанс быть проданным. В конечном счете, в этом нет никакого криминала, но не нужно впадать в иллюзии по поводу социального потенциала «массовой культуры». Речь идет не о культуре в собственном смысле, а о современных изощренных формах информационного прессинга со стороны экономики. Отсюда и апокалиптические стоны о том, что западная массовая культура полностью вытеснит отечественную культурную традицию, представляются плодом откровенной профессиональной некомпетентности. Подчеркиваю: экономика по определению не может вытеснить культуру. До сих пор вся научно-техническая мощь Запада не смогла справиться даже с культурой африканских готтентотов. А, главное, она и не собиралась этого

42 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

делать. Так что все дальнейшие вопросы об угрозах подавления чьей-либо (в том числе нашей) национальной культуры в условиях глобализации или мультикультурации относятся к компетенции врачей-психиатров, и комментарии культуролога здесь излишни.

Другое дело в том, что в мировом культурном процессе явно прослеживается тенденция к формированию транснациональных культурных явлений, одной из форм которых со временем может стать то, что мы называем «массовой культурой». Думаю, что сопротивление этому объективному процессу развития постиндустриальной эпохи, по меньшей мере, бессмысленно; а вот найти способ вписаться в этот процесс, «не потеряв собственного лица», — я полагаю, — это достойная стратегическая задача для нашей культурной политики. Не бороться с Историей, а конструктивно взаимодействовать с ней — вот задача общества, еще не потерявшего шансов на будущее или, говоря иначе, еще не утопившего эти шансы в омуте махрового традиционализма.

Отсюда проблема видится в ином. Состояние современной государственной культурной политики в России можно определить как проблемное, что детерминировано расхождениями: во-первых, между национально-государственной идеологией и фактически осуществляемой культурной политикой и, во-вторых, между деятельностью институтов управления культурой и актуальной потребностью в трансформации их функций. Это приводит к тому, что активность государства в сфере культуры не соответствует реальной социокультурной ситуации, запросам общества, а заявленные процессы модернизации тормозятся инерционностью в деятельности самих культурных институтов, разрывом между политическими целями, социальными задачами и их практическим осуществ-

Культура как идеология 43

лением. Преодоление этого кризиса представляется невозможным без разработки целостных и непротиворечивых концептуальных оснований современной культурной политики и деятельности культурных институтов.

В соответствии со всем сказанным можно поставить вопрос о наиболее актуальных задачах государственной культурной политики на современном этапе, которые видятся в следующем:

1. Культурная политика является одной из наиболее эффективных форм реализации национально-государственной идеологии. Это осуществляется путем целенаправленной регуляции процессов культурной жизни в обществе и воспитанием граждан средствами культуры в русле политической лояльности, мировоззренческой и социальной адекватности, а также культурной компетентности, соответствующих официальным идеологическим установкам государства.

2. В условиях демократии, как объектом, так и субъектом культурной политики является само общество. В качестве объекта оно выступает в виде тем или иным образом организованного населения, а в качестве субъекта — заказчиком необходимых форм, уровня и динамики культурной жизни в стране. Этот социальный заказ реализуется полномочными представителями общества: государством и его культурными институтами, а также различными негосударственными структурами, работающими на ниве культуры.

3. В современных российских условиях наблюдается серьезный культурный конфликт между обществом и государством. В его основе лежат три фактора:

► более высокий уровень идеологической и культурной компетентности руководителей и части

44 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

работников государственных управленческих структур по сравнению с основной массой населения, не привыкшей к плюральности культурных форм открытого общества и испытывающей ностальгию по культуре советских времен;

► значительное социальное расслоение и национальное многообразие населения России, что ведет к значительной неравномерности распределения культурных запросов и потребностей среди граждан страны, удовлетворение которых оказывается непосильным для государства;

► несоответствие манифестируемой национально-государственной идеологии, апеллирующей к общемировым демократическим стандартам, что требует значительных инвестиций в сферу культуры, и реальной культурной политики, проводимой государством с крайне ограниченными материальными возможностями.

4. Последний из перечисленных факторов в существенной мере связан с тем, что часть чиновников, работающих в органах управления культурой, под давлением старшего поколения населения страны создает ситуацию искусственной стагнации культурной жизни и стремится к постепенному возврату к императивным принципам культурной политики, характерной для советского периода. Между тем, объективная ситуация социальной эволюции России требует существенно большей плюрализации культурного пространства, нежели это имеет место сейчас. Только это, а не единый стандарт официальной культуры, может радикально разрядить напряженную обстановку вокруг проблемы поиска путей культурного развития.

Культура как идеология 45

5. Несмотря на многообразие видов различных учреждений (институтов) культуры, что подтверждается даже отсутствием единого Положения об учреждении культуры, их объединяет целый ряд универсальных социальных функций: идеологическая, социализирующая и инкультурирующая, просветительская, гуманитаризирующая, культуроохранная, креативная и ряд иных, менее значимых. Эти функции в разных учреждениях проявляются в различных комбинациях и пропорциях, но наличие всего комплекса перечисленных функций является атрибутивной чертой любого учреждения культуры. Разумная и целенаправленная эксплуатация государством этих универсальных свойств учреждений культуры может стать весьма эффективным инструментом реализации государственной культурной политики как части национальной идеологии.

В свое время Уинстон Черчилль заявил, что вложение средств в культуру — это самая рентабельная и дальновидная форма размещения капитала¹. Великий политик был как никогда прозорлив. Ибо развитая культура страны — это, во-первых, очередная генерация культурно компетентных, социально адекватных и профессионально конкурентоспособных граждан (управление которыми требует минимальных усилий со стороны полиции, юстиции и т.п.)² и, во-вторых, — что самое важное, — это национальный престиж, который гораздо дороже любых золотовалютных резервов, военно-экономической мощи и т.п.

Но, видимо, чтобы понять это, следует родиться Черчиллем, что, как известно, случается далеко не с каждым.

¹ Уткин А.И. Черчилль. — М., 1997. — С. 557.

² Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Флиер А.Я. Культурология для культурологов. — М., 2000. — С. 436.

Культура как тюрьма

Рассматривая феномен культуры, специалисты, как правило, выделяют только положительные аспекты этого изобретения Homo sapiens, ставшего своеобразной модальностью нашей жизни. Но помимо положительных аспектов можно выделить и немало сомнительных, чем в последние десятилетия занимаются ученые, придерживающиеся постмодернистского направления¹. Впрочем, начнем с начала.

К числу древнейших мифов человечества, видимо, можно отнести и мифы о космогенезе, т.е. процессе создания упорядоченного мира (Космоса) из неупорядоченного субстрата (Хаоса)². Жизнь в упорядоченном мире оказывается гораздо удобнее по таким причинам, как:

- такой мир гораздо удобней познавать;
- такой мир гораздо более предсказуем;

¹ Кристева Ю. Силы ужаса. — М., 2003; Фуко М. История безумия в классическую эпоху. — СПб, 1998; Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. — М. 1998.

² Топоров В.Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. — М., 1988. Т 2.

50 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

- в таком мире удобнее действовать и взаимодействовать с социальным окружением;
- его удобней перестраивать, делая более комфортным для проживания и т.п.

Следует сказать, что, возможно, это стремление к большей упорядоченности мира является врожденной чертой человеческой психологии и генетически заимствовано человеком от его животных предков. Только практические возможности животных, разумеется, гораздо скромнее: они ограничены в основном упорядочением социальных отношений в популяции и очень незначительным упорядочивающим воздействием на среду (защита территории и создание искусственных жилищ). В остальном животным приходится приспосабливаться к тем условиям, какие даны им природой. Но хотя бы событийный ряд обстоятельств их жизни в существенной мере предсказуем (за исключением природных катаклизмов), ибо диктуется тем более или менее устойчивым состоянием среды, в которой живет та или иная популяция.

Человек в процессе своей биологической эволюции и последующей истории создал гораздо более эффективный инструментарий и набор способов по упорядочению мира (разумеется, в технически посильных масштабах; расположение звезд на небе еще никто не пытался менять даже из высоких эстетических соображений). Этот комплекс средств получил название «культура». Обратите внимание, что главное, чего добивается культура, — это:

- упорядочивание территорий проживания или их технического использования;

- познание мира и упорядочивание представлений о нем (наука, философия, религия, мифология);

Культура как тюрьма 51

- упорядочивание способов деятельности и взаимодействия, процессов создания необходимых вещей (технологии деятельности и взаимодействия);

- упорядочивание коллективных отношений между группами людей, их культурная локализация (социальная, этническая и политическая организация);

- упорядочивание межличностных бытовых и коммунальных отношений между людьми (этикет, нравы, обычаи);

- упорядочивание процессов и способов коммуницирования и форм хранения информации (языки, искусство, культурные институты, СМИ);

- упорядочивание процессов и способов накопления и межпоколенной передачи социального опыта (традиции, воспитание, образование и другие формы социализации и инкультурации личности);

- прогрессивное развитие в социальной, интеллектуальной, научно-технической, образовательной, нравственной и прочих областях жизни и т.п. (преимущественно путем более дробной дифференциации и углубления специализированности различных сфер деятельности).

Нельзя не отметить и то, что более упорядоченный мир одновременно становится и более комфортным для проживания, более дифференцированным в социальном плане, более специализированным и систематизированным в плане форм деятельности и образования, более организованным социально, этнически, политически и т.п. Объем личных энергозатрат и преодолеваемых бытовых трудностей на проживание в та-

52 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ком мире уменьшается соразмерно росту его упорядоченности и соответственно продлевается средняя длительность человеческой жизни (от 30 лет в первобытном обществе до 70 в постиндустриальном). В результате культура, как способ упорядочивания жизни и ее составляющих, ведет к понижению энтропии в окружающем нас мире и, напротив, увеличивает негэнтропийный потенциал человечества¹, что выражается в увеличении его культурного многообразия. А это, в свою очередь, ведет к возрастанию устойчивости биологической жизни на Земле, вопреки прогнозам «катастрофистов», утверждающих, что научно-технический прогресс неминуемо ведет к исчезновению жизни на планете².

Все, о чем говорилось выше, образует так называемое нормативное поле культуры, которое и есть та самая зона упорядоченной жизни людей и мира, упорядоченного их усилиями.

Культурные нормы не одинаковы по своему характеру и их можно дифференцировать на:

- императивные, навязанные распоряжениями «сверху» (это, как правило, законы, указы, религиозные каноны и т.п.);

- конвенциональные, рожденные в процессе добровольного согласия большинства членов общества поступать именно так, а не иначе (такие нормы обычно называют традициями);

- статистические, которые просто количественно стихийно преобладают над иными способами решения той или иной проблемы, может быть,

¹ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. — М., 1983.

² Алексеенко В.Л. Новейшие теории биотической устойчивости как отражение кризиса мировоззрения // Общественные науки и современность, 1999. № 3.

Культура как тюрьма 53

потому, что являются наиболее простыми технологически и наиболее экономными с точки зрения энергозатрат (они обычно составляют корпус нравов и обычаев данного общества);

- эталонные, т.е. наиболее рекомендуемые к исполнению с ориентацией на образцы (в основном — художественные или религиозные).

Как правило, все четыре типа норм сосуществуют в жизни общества параллельно и своим функционированием никак не мешают друг другу. Но, разумеется, нарушение разных типов норм ведет к различным последствиям:

- нарушение императивных норм — к каким-то организованным санкциям со стороны властей, наказанию;

- нарушение конвенциональных норм — к публичному общественному осуждению;

- нарушение статистических и эталонных норм, обычно, не ведет ни к каким формальным последствиям, ибо их исполнение или неисполнение является якобы добровольным для каждого человека; но фактически такое нарушение создает вокруг человека незримую ауру неодобрения, портит отношение к нему со стороны окружающих.

Следует сказать, что по числу предписаний и запретов, содержащихся в нормативном пласте культуры, она не имеет аналогов в Бытии. Культура — это одно из наиболее тоталитарных явлений в

социально-исторической жизни людей. В отличие от законов природы, которые просто не дают нам иного выбора, кроме безоговорочного им подчинения, в культуре дело поставлено так, что человек вроде бы свободен в своем выбо-

54 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ре, но пусть он только попробует поступить вопреки культурным предписаниям. Мало не покажется.

Ни у одного народа нет такого свода законов, который бы запрещал и предписывал столько, сколько запрещает и предписывает его культура. Я бы даже назвал ее «тюрьмой народов», поскольку каждый народ по определению заключен в тюрьму (систему нормативов и предписаний) собственной национальной культуры, а каждый из нас персонально «сидит» по причине личной принадлежности к какой-то культуре. Можно поменять культуру (страну проживания), но это станет только сменой тюрем.

Почему, здороваясь, следует протягивать только правую руку? Почему корова пишется только через «о»? Почему стул называется стулом а стол — столом? И еще тысячи подобных «почему» я мог бы задать, но не хочу утомлять читателя. Так сложилось исторически. «А почему исторически сложилось именно так?» — спрошу я, как маленький ребенок. То, что дважды два равняется четырем тоже не вызывает восторга, но это, по крайней мере, доказуемо. А вот почему так сложилось исторически, как правило, не имеет объяснений. Я возьму на себя смелость дать объяснение этому. Потому что так захотелось (или показалось) человеку, который описывал или истолковывал это, а нам потом преподносили его частное суждение, как объективный закон истории.

Я никоим образом не являюсь поклонником господина Фоменко и его новой хронологии, но не могу не признать то, что его глупости столь же бездоказательны, как и очень умные суждения глубоко уважаемого мной В.О. Ключевского. А главное, и тот и другой базируются на одних и тех же средневековых источниках. Просто по-разному их интерпретируют. А кто доказал,

Культура как тюрьма 55

что средневековые летописи сообщают нам чистую правду? Ведь у каждого летописца был свой начальник, который и диктовал, что писать, а что нет и т.п. Летописец ведь тоже хочет жить, тем более, что знает, что за каждое написанное слово — отвечать лично ему.

Ну да Бог с ними с летописцами. Они тут совсем не причем, поскольку общеизвестно, что практически вся известная широкой публике история придумана писателями XIX века. Мы не знаем ни слова правды о королеве Марго, а только субъективную точку зрения Александра Дюма (совершенно противоречащую собственноручным запискам королевы). Впрочем, насколько правдивы и ее записки? Мы не знаем ни слова правды о Пугачеве, а лишь весьма сомнительное описание его Александром Пушкиным в «Капитанской дочке» (сделанное в лучших традициях романтической прозы — рассказа о благородном разбойнике — русском Робин Гуде). Так или иначе, но подавляющая часть того, что якобы сложилось исторически (и является базовым основанием нашей культуры), ведет свое происхождение из литературы XIX века. А писатели того времени отнюдь не были дотошными исследователями, а преимущественно фантазерами-романтиками.

Так что то, что корова пишется через «о», отнюдь не сложилось исторически, а, скорее всего, в какой-то момент было приказано каким-то начальником, которому так захотелось (начальству ведь все время чего-то хочется) или показалось, что так будет правильно. Получается, что культура, в объятиях которой мы существуем и которая суммирует, систематизирует и обучает нас социальному опыту, накопленному в истории, одновременно является и суммой бесконечных предписаний, имеющих совершенно субъективные (или случайные) основания.

56 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Я думаю, что такого рода ориентированность культуры на различные ограничения и предписания в разных проявлениях социальной практики сложилась стихийно на основе двух причин. Во-первых, социального опыта, в котором сосуществуют и объективные установления, сложившиеся на основании статистики жизненных коллизий, но есть и немало установок, имеющих случайное и статистически необоснованное происхождение. Не будем забывать, что социальный опыт складывается преимущественно посредством Мифологизации коллизий из жизни какого-то авторитета и придания им сакрального статуса (чем на протяжении веков поддерживались традиции и нравы). Недаром древнейшей формой культурной регуляции было *табу* — запрет на что-либо, как правило, не разъяснявший своих причин, а опиравшийся на авторитет лица, это табу объявившего. Во-вторых, в основе многих культурных ограничений лежит принцип экономии усилий. Запретить и отследить соблюдение запрета технически проще, чем разрешить что-либо на определенных условиях, а затем постоянно проверять то, насколько эти условия соблюдаются.

Я понимаю, что совсем без запретов и предписаний нельзя — наступит социальный хаос. Но полагаю, что непосредственно социально обоснованных запретов и императивов в этом списке очень немного. Например, не убий или не укради, т.е. то, что определенно нарушает правила социального

общежития. Остальные сложились исторически совершенно случайно, и нет никакой социальной или политической необходимости в том, что бы корова писалась именно через «о».

Культура — это поддержание порядка ради самого факта порядка, и в большинстве случаев никаких соци-

Культура как тюрьма 57

альных и антропологических оснований за тем, чтобы этот порядок был именно таким, а не каким-то иным, не стоит. Подтверждением тому служит многообразие культур на Земле и столь же необъятное многообразие предписаний и запретов, которые они содержат. И, тем не менее, сотни народов живут, соблюдая совершенно разные порядки, и все они (порядки) оказываются вполне приемлемыми для поддержания жизни. Доля универсальных предписаний, распространенных в культурах большинства народов, совершенно незначительна.

Современная антропология все чаще выражает неуверенность по поводу того, что «дезанимализация» человека, ограничение всех его биологически унаследованных свойств животного — это правильный путь¹. А ведь с этим и связано большинство запретов и ограничений, диктуемых нам культурой. Это, в свою очередь, вызывает следующий вопрос: а культура — это вообще «правильный путь»?

Конечно, в числе культурных предписаний есть и некоторый процент объективно обоснованных экологическими, социальными или политическими причинами. Но это только небольшой процент. В остальном, по моему мнению, преобладает полный произвол, базирующийся на том, что однажды при каких-то конкретных обстоятельствах случилось вот так, и эта коллизия была возведена в ранг традиции (сакрализована) и исполняется независимо от обстоятельств. Очень показательны то, что мифы, лежащие в основе многих традиций, нравов и обычаев, никогда не объясняют то, почему нужно действовать или оценивать ситуацию именно так, а не как-либо иначе. Мифологиче-

¹ См., например: Никонов А.П. Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. М., 2004; подробнее см. Флиер А.Я. Культура как сексуальная репрессия — в настоящем издании.

58 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ские предписания строятся только на авторитете самого текста.

В основании всего этого находится лишь естественное стремление всякого общества максимально унифицировать и стандартизировать культурные нормы поведения и сознания своих сограждан, ибо это существенно упрощает процедуру управления ими. А так все очень просто. Все нельзя. А то, что можно, — не просто можно, а обязательно должно. Вот вам и вся культура.

Короче, тюрьма. Причем, отличающаяся максимально упрощенным механизмом поддержания порядка. Все, что не запрещено, — обязательно. И никаких объяснений. Так сложилось исторически, такова национальная традиция, а она — как известно — священна. И после этого попробуйте написать корову через «а».

В мире сейчас насчитывается около полутора тысяч национальных, социальных, конфессиональных культур; стало быть, и соответствующее количество тюрем. Рассуждения обществоведов о том, что мир развивается от традиционного состояния к либерально-демократическому¹ означает только, что режим культурного контроля за человеком меняется; он становится более утонченным и изощренным, но от этого не менее императивным.

Например, на чем основывается императивность правил правописания русского языка? Почему бы не перейти к более либеральному варианту «как слышишь, так и пишешь»? В некоторых европейских странах о таком эксперименте уже задумываются. Конечно, унификация написания способствует и унификации понимания. Но столь ли велика опасность массового

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М., 2004.

Культура как тюрьма 59

непонимания вариативно написанного текста? Ведь мы же без труда разбираем каракули малограмотного человека, который не только корову пишет через «а», но и такое, что при дамах неприлично рассказывать.

Кстати, о приличиях. Как известно, русский язык — единственный в мире, где существует деление на нормативную и ненормативную лексику. Это деление было введено в свое время по настоянию Церкви, но не по причине неблагозвучия мата, а потому, что содержательно он сосредоточен на теме сексуальных отношений, а любые разговоры на эту тему (в любой лексике) считались греховными. Вместе с тем, любой филолог вам расскажет, что по числу местных диалектов русский язык является одним из самых богатых в мире. Отъезжайте на 100 километров от Москвы и поговорите с местным деревенским населением. Уверяю вас, что кроме мата, вы ничего не поймете. Т.е. мы стоим перед парадоксальным фактом того, что ненормативная лексика является главной общенациональной формой русского языка. Я отнюдь не сторонник мата, но как научить русский народ другому общенациональному языку?

Таким образом, культура может рассматриваться в качестве своеобразного антипода *свободы*, и

чем более высококультурен человек — тем более он несвободен в своих действиях, суждениях и пр., тем больше он регламентирован установками культуры общества проживания. Эта несвобода — не является плодом чьего-то злого умысла, а порождением социальной практики (которую не следует путать с историей; история подчиняется определенному набору закономерностей, а социальная практика — сугубо казуальна, т.е. определяется случайным стечением обстоятельств). И не стоит забывать, что до эпохи Просвещения лю-

60 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

бые, даже самые гуманитарные нововведения или акции упорядочения вводились только средствами насилия. Соответственно и культура, волей-неволей, являлась одним из стимулов применения насилия.

Вспомните причины большинства войн. Конечно, случались войны и по экономическим, и по территориальным притязаниям. Но большинство войн было вызвано культурным (или религиозным) непониманием и неприятием соседа и стремлением заставить его жить по «нашим правилам», которые, естественно, лучше, чем «ихние». Собственно и вся национальная (и любая иная) идентичность строится на том, что «мы» лучше, чем «они» и «наш» образ жизни, нравы, обычаи и т.п. по определению, лучше, чем «ихние». Говоря иначе, режим содержания в «нашей тюрьме» лучше, чем в «ихней», поскольку для нас он более привычен. И даже, если мы и они верим в одного и того же Бога, все равно мы верим «правильнее» (православнее), чем они. Вывод? Всегда есть причина подраться и заставить их жить «по-нашему» (т.е. навязать им нормативы нашей культуры — режим нашей тюрьмы).

И это вовсе не нравы глубокой древности. Вторая мировая война — самый яркий пример войны по причинам культурной несовместимости трех культурных типов — нацизма, коммунизма и либеральной демократии. А после победы над нацизмом она немедленно переросла в холодную войну между коммунизмом и демократией. Борьба США с Саддамом Хуссейном или «Аль-Кайды» с западным миром — типичная культурная несовместимость. И, судя по всему, культурный раскол между западной демократией и миром ислама будет только нарастать¹.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М., 2003.

Культура как тюрьма 61

Разумеется, культура не исчерпывается только нормативным полем: есть еще и зона неупорядоченного поведения, преступность, и, наконец, мир творчества, которые в принципе противостоят нормативному засилью. По крайней мере, так кажется на первый взгляд, хотя на самом деле творчество в определенных вопросах тоже является высоко нормативной формой деятельности, определяемой заказом, стилем, традицией, модой, уровнем развития технологий, так же как и криминальная деятельность, которая строится на довольно жестких нормативных принципах. Можно сказать, что творчество — или, по-научному говоря, инновативная деятельность — является одним из своеобразных, но очень важных компонентов нормативного поля культуры. Творчество отвечает за развитие, адаптацию, прогресс в интеллектуальной, социальной и технической сферах. Норма — это гарантия стабильности, инноватика — гарантия адаптивных возможностей и развития, хотя и является по сути лишь вариантом проявления нормативности в особых условиях.

И вот здесь мы находим ту нишу, которая позволяет, не нарушая тюремного режима, постоянно уклоняться от его буквального соблюдения, что можно условно назвать «виртуальным побегом из тюрьмы». В данном случае интересно аналитически сопоставить культурную норму, как императив, и импровизацию (или вариацию) на тему той или иной нормы, поскольку именно вариация представляется наиболее распространенной формой уклонения от буквального исполнения императивных предписаний культуры¹.

Конечно, вариативно-импровизационный тип исполнения культурных норм имеет под собой и объект-

¹ Флиер А.Я. Культурогенез. — М., 1995.

62 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

тивные основания, поскольку сплошная культурная инноватика — это слишком расходный способ существования культуры. Гораздо экономичнее варьирование уже существующих культурных образцов и их адаптация к меняющимся обстоятельствам.

Хочу напомнить, что культурная инноватика — это не только процесс создания новых вещей, технологий, культурных текстов, структур социальной организации, художественных произведений, нравов, традиций, образцов поведения, образов жизни, картин мира, слов языка и т.п., еще не имевших места в данном обществе (или, по крайней мере, не сохранившихся в его исторической памяти и социальном опыте), но и процесс перерождения этих приобретений в новые нормы¹. Если новая форма не интегрируется в культуру как новая норма, срок ее социальной жизни будет очень коротким. Одним из законов культурной динамики является то, что исторически устойчивыми являются только образцы и установки, имеющие нормативный статус². Все остальное — однодневки.

Причиной, вызывающей к жизни такого рода инновации, могут быть адаптация к изменившимся внешним обстоятельствам, разрешение внутреннего функционального конфликта, в каких-то случаях — чей-то заказ или личная инициатива талантливого человека. Так или иначе, но каждая инновация, которую можно назвать новой культурной формой, создается при каком-то совершенно конкретном стечении обстоятельств. Если эта новая культурная форма не является уникальным по своей сути шедевром (художественным произведением, религиозным текстом, научным открытием и т.п.), а предназначена для массового вос-

¹ Там же.

² Там же.

Культура как тюрьма 63

производства в тех или иных масштабах, то условия, при которых происходит каждый акт подобного воспроизводства, уже отличаются от условий, при которых было осуществлено первоначальное изобретение, личные вкусы исполнителя уже могут серьезно отличаться от вкусов первого автора и, кроме того, новые условия или пожелания заказчика могут потребовать и некоторого усовершенствования изначальной формы (при сохранении ее основных атрибутивных характеристик).

То есть новый объект станет вариацией или импровизацией на тему исходной формы, повторяя ее по сути, но уже чем-то отличаясь от нее. Такой объект, полученный в процессе вариативного или импровизационного воспроизводства уже имеющейся в арсенале культуры формы я назвал артефактом культуры¹. Наглядный пример артефакта: мы можем несколько десятков раз в течение дня сказать «Здравствуйте» разным людям; и каждый раз в зависимости от ситуации и нашего отношения к тому или иному человеку мы поздороваемся с ним по-разному, с разной интонацией голоса, разной мимикой лица и т.п. Практически вся известная нам культура (разумеется, за исключением художественных, интеллектуальных и иных шедевров, которые не предназначены для вариативного воспроизводства, а в лучшем случае — для механического тиражирования: печати, репродуцирования, создания технических копий и пр.) — это и есть собрание миллионов артефактов тех десятков тысяч культурных форм, которые специально создавались для массового потребления и исполнения (например, поведенческие нормы или язык и т.п.).

¹ Флиер А. Культурогенез.

64 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Поскольку ни один артефакт никогда не повторяет исходную форму в точности, а является ее вариацией или импровизацией, культура в целом (за исключением упомянутых шедевров, составляющих ничтожный, хотя и невосполнимый процент культурных форм) реально существует только в виде вариаций и импровизаций той или иной нормы. Сто судебных решений по одной и той же статье закона являются сотней вариаций этой статьи применительно к обстоятельствам того или иного дела.

Не следует забывать, что варьирование и импровизация присутствуют не только при практическом воспроизводстве какой-либо культурной формы, но в еще большей мере в процессе суждений о ней, ее оценки, рассуждений о ее качествах, профессиональной или бытовой критике и т.п. Здесь несовпадение вкусов и предпочтений проявляется гораздо больше и в гораздо большем диапазоне значений.

То есть культурная норма идеально существует как незыблемый канон, а социально — только в виде вариативных и импровизационных артефактов, реально или рефлексивно воспроизводящих эту норму.

Интересной темой является и вопрос о происхождении вариаций и импровизации как особых форм деятельности. Известно, что адаптивными возможностями обладает весь животный мир¹, причем уровень сложности изменения поведения в адаптивных целях возрастает по мере повышения биологического таксона, к которому принадлежит данное животное². Примерно то же самое наблюдается и у детей человека. Чем старше ребенок, тем большим набором вариаций

¹ Моррис Д. Голая обезьяна. Человек с точки зрения зоолога. СПб., 2001.

² Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М., 2004.

Культура как тюрьма 65

и импровизаций при исполнении каких-либо действий он обладает¹. Совершенно очевидно и то, что по мере исторического развития человеческих сообществ расширялись и права человека на большую вариабельность и импровизационность в исполнении культурных установлений. В более традиционных сообществах репертуар и права людей на вариативность и импровизационность в поведении и суждениях гораздо скромнее, чем в обществах модернизированных, либерально-демократических.

Разумеется, при этом наличествует и трудноразличимая грань, за пределами которой та или иная вариация или импровизация исходной формы фактически превращается в новую форму, по своим

сущностным признакам уже не являющуюся вариацией прежней. Выявление этой грани и оснований, составляющих ее базу, крайне сложно. Возможно, в каждом конкретном случае требуются новые основания. На мой взгляд, единственным критерием, по которому можно различить вариацию на тему прежней культурной формы или создание новой, является ее узнаваемость населением. Т.е. всякая новая культурная форма становится *новой* в социальном смысле преимущественно конвенционально; если большинство членов общества атрибутирует ее как новацию.

И вот здесь мы сталкиваемся еще с одной очень сложной проблемой, относящейся к социальному аспекту данного вопроса. Речь идет о признании частью общества (скажем, какими-то социальными группами) за той или иной формой статуса нормативной и исполнении ее в качестве таковой и непризнанием всего этого какими-то другими социальными группами. Очень

[†] Там же.

66 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

часто случается так, что в одном и том же обществе часть населения признает какое-то новое культурное установление нормой, законом, традицией, а какая-то часть — нет. Как правило, это детерминировано разным социальным статусом и положением обеих групп. В качестве примера вспомним отношение населения к нововведениям ельцинского периода. Расхождения в их оценке до сих пор остаются крайними (впрочем, как и оценка результатов реформ Петра Великого). Но по существу позиция непризнания является одним из проявлений того самого «виртуального побега из тюрьмы». В данном случае — уклонения от новой культуры и стремления продолжать жить по установкам прежней.

Тоже самое можно сказать и о допустимых пределах вариации или импровизации на тему какой-то формы. Они столь же конвенциональны и социально неоднородны. Обратимся к истории религиозных ересей. Для кого-то новая трактовка священного текста являлась вполне приемлемой, а для кого-то — преступной. Например, в исламе и иудаизме понятия «ересь» просто нет. Любое истолкование священных текстов тем или иным имамом или раввином считается допустимым. То же самое можно сказать про буддизм и индуизм. В то время как вся история христианства шла под лозунгом борьбы с вариациями тех толкований Нового Завета и сочинений Отцов Церкви, которые сложились после VIII века. Все позднейшее считалось ересью (разумеется, до возникновения реформатских церквей, которые в XVI веке провозгласили, а ко второй половине XIX века реально вернулись к идейному демократизму раннего христианства). В конечном счете, и признание той или иной формы нормой, и допустимые пределы ее варьирования детер-

Культура как тюрьма 67

минированы различиями в социальном опыте разных людей и особенно их солидарных групп.

Т.е. культурная норма и пределы ее варьирования — сугубо социальные. И в той же мере — историчны. Ведь по ходу времени статус и функция той или иной культурной формы может меняться, она может вообще выйти из употребления, забыться или может радикально измениться ее смысловое наполнение, название.

Вместе с тем подобный вариативно-импровизационный подход к культурным нормам является самой распространенной формой уклонения от буквального исполнения этих норм, определенной мимикрией собственной культурности, т.е. «побегом из культурной тюрьмы». Конечно, существуют и другие способы «побега». Это смена культур, осуществляемая в форме эмиграции, ухода в религию (или перемены религий), в маргиналы и т.п. Но, как уже говорилось выше, это будет только сменой тюрем.

Более эффективным способом представляется вариативно-импровизационный подход к культуре, позволяющий, с одной стороны, не нарушать порядка поведения и суждений, диктуемых данной культурой, но зато исполнять все это в довольно свободном режиме самостоятельных импровизаций на заданную тему.

И, наконец, самоочевидна и зависимость репертуара вариаций и импровизаций от степени инкультурированности того или иного субъекта. Речь идет о масштабах общекультурной эрудированности человека во всех аспектах той культуры, к которой он принадлежит. По этому признаку интеллигент-гуманитарий, безусловно, является лидером по сравнению с представителями других социальных страт (в первобытном обществе такими лидерами, очевидно, были шаманы

68 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

и старейшины — хранители социального опыта племени). Большая культурная эрудированность, естественно, существенно расширяет репертуар и изощренность форм вариативности и импровизационности в действиях человека.

Таким образом, самые перспективные «беглецы» и «уклонисты» — это наиболее культурно эрудированные люди. Это естественно. Для того, что бы эффективно нарушать режим, нужно его хорошо знать. Но эти же люди являются и наиболее перспективными участниками инновационной деятельности, т.е. творчества. Маловероятно, чтобы безропотные исполнители всех императивных

установок режима (в данном случае культурного) были способны на какие-либо открытия, изобретения и иные творческие акты.

Следует заметить, что вариативная и импровизационная деятельность присутствует, как в нормативном, так и в инновативном пластах культуры. Но если в инновативном пласте вариации и импровизации являются лишь одной из форм творчества (причем далеко не самыми распространенными), то в нормативном пласте они являются преобладающими формами реализации культурных норм, преследующим две цели: адаптации к имеющимся условиям при исполнении предписаний и одновременно — способом уклонения от их буквального исполнения, т.е. культурной мимикрией (конечно абсолютно латентной; практически никому не приходит в голову, что импровизируя в чем-то, он тем самым нарушает культурный императив).

Другой вопрос, не является ли подобная мимикрия, разрушением негэнтропийного потенциала, заложенного в культуре в целом? Работы корифеев постмодернизма, разрабатывающих теории деконструкции куль-

Культура как тюрьма 69

туры, в какой-то мере свидетельствуют именно об этом¹. Но не будем забывать старый принцип архитектуры. Ничто не разрушается ради создания пустого места. На месте разрушенного обязательно строится что-то новое. Я думаю, что и деконструкция, которой занимаются постмодернисты, относится преимущественно к познавательной и мировоззренческой парадигме конца эпохи Просвещения, в рамках которой мы живем и по сей день и которая уже не удовлетворяет сознание эпохи постиндустриального общества². Здесь требуется что-то новое и гораздо более сложное. И надо надеяться, что культура не оставит это место пустым...

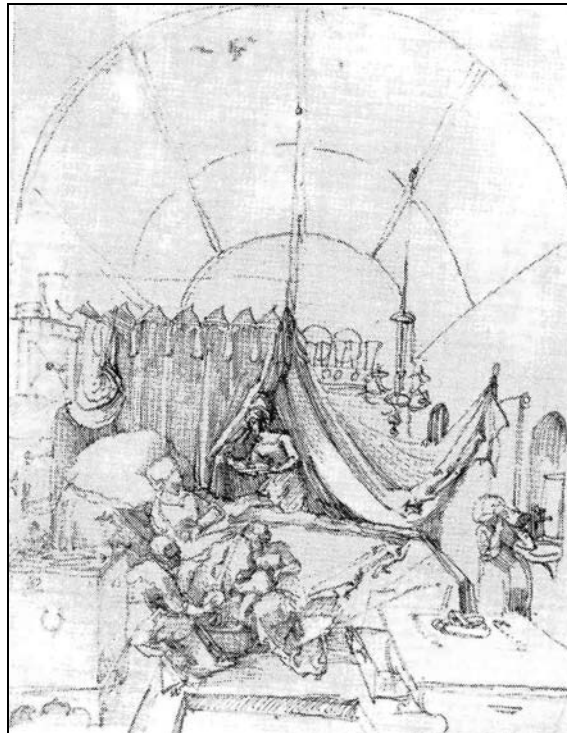
А мы?

Как всегда мимикрируем. Благо есть способ, разработанный еще тысячелетия назад. Так что «побег из виртуальной тюрьмы» продолжается. Следите за новостями...

¹ Гурко Е. Тексты деконструкции. Derrick J. Difference. — Томск, 1999.

² Грей Д. Поминки по Просвещению. — М., 2004.

Культура насилия

Предлагаемая вниманию читателя небольшая глава, конечно, не претендует на всесторонний анализ этой очень непростой темы. Я ставлю своей целью лишь наметить пути и основные проблемы для будущих капитальных исследований столь актуальной для культурологии темы, почти не изведанной в данной науке до сих пор.

Поскольку насилие является весьма распространенной формой целеориентированной и осмысленной человеческой деятельности, оно, безусловно, относится к перечню форм человеческой культуры. Сразу же оговорюсь, что я понимаю под «насилием», под «культурой» и что в таком случае представляет собой «культура насилия».

Под насилием я понимаю действия, предпринимаемые в отношении человека и общества, но против их воли. В понятие «насилие» включаются в основном шесть видов действий:

- ▶ убийство человека или нанесение вреда его физическому и психическому здоровью (это может касаться как одного человека, так и большой группы людей);
- ▶ отъем, кража, уничтожение или порча имущества (частного или государственного);
- ▶ ограничение свободы передвижения и видов деятельности человека;
- ▶ принуждение к занятию какой-либо деятельностью и исповеданию какой-либо идеологии против воли человека;
- ▶ насильственное изменение политического режима и социально-экономического порядка, господствующих в обществе;
- ▶ насильственное изменение этнической, социальной, политической, конфессиональной идентичности человека, осуществляемое против его воли.

Разумеется, это деление имеет сугубо условный характер. В социальной практике, как правило, встречаются события, в которых некоторые из перечисленных деяний совершаются одновременно или по цепочке одно влечет за собой другое. К тому же некоторые виды насилия могут приводить к разным последствиям. Например, сексуальное изнасилование — это принуждение человека к занятию, которым он в данный момент не хочет заниматься, но это же может привести к нанесению вреда его физическому и психическому здоровью. Заключение в тюрьме — это ограничение свободы передвижения и общения человека, но одновременно и принуждение его к образу жизни, который не является его добровольным выбором. Изменение политического режима неизбежно ведет к навязыванию новой идеологии, разделяемой далеко не всем населением. Ограбление часто невозможно совершить без убийства ограбляемого и т.п.

Понятие «культура», на мой взгляд, означает социальный опыт, обретенный человечеством или отдель-

Культура насилия 75

ным народом на протяжении его истории¹, отселектированный и отрефлексируемый в культурных текстах (вербальных и невербальных) — законах, традициях, обычаях, нравах, системах ценностей, комплексе знаний о себе и об окружающем мире, учебниках, доминирующих формах социальной организации общества, иерархии статусов и социальных ролей, допустимых технологиях создания чего-либо и атрибутивных чертах продуктов этой деятельности, формах и языках социальной коммуникации, преобладающих формах социализации и инкультурации личности (т.е. ее воспитания и образования), в художественно-образном мировосприятии мира и т.п., короче — всем тем, что обобщается в понятиях «образ жизни» и «картина мира» того или иного общества и передается от поколения поколению².

Естественно, что каждый народ обладает своим уникальным социальным опытом и неповторимой исторической судьбой, определяющими своеобразие черт его культуры. Кроме того, разные народы находятся на разных уровнях развития. Сегодня Землю заселяют этносы, принадлежащие практически ко всем известным этапам социально-культурного развития от каменного века до постиндустриальной стадии³. Поэтому, когда я употребляю слово «культура» вообще, без конкретной этнической или социальной привязки, это выражение является условным, в данном случае суммирующим общие элементы социального опыта наиболее развитых народов (т.е. относящихся к индустриальному и постиндустриальному уровням разви-

¹ Флиер А.Я. Культурология для культурологов. - М., 2000 (2002).

² White L.A. The Concept of Culture//American Anthropologist. — Wash., 1959. Vol.61.

³ Флиер А.Я. Культурогенез. — М., 1995.

76 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

тия) и его культурной элиты (т.е. социальной страты наиболее образованных и культурно эрудированных людей), хотя, по возможности, я стараюсь охватить взглядом культуру всего человечества на всю ее историческую глубину.

Таким образом, культура насилия — это тот набор допустимых норм совершения насильственных действий в отношении человека или общества (допустимых самими субъектами, осуществляющими насилие, или властью, по приказу которой они действуют, перечень действий см. в начале статьи) и культурных текстов, регулирующих эти действия, разрешающих или запрещающих какие-то формы, устанавливающих процедуру исполнения насилия и определяющих отношения между самими субъектами насилия, субъектами и объектами, субъектами и обществом, а так же семиотика форм, символизирующих насильственные действия или факт принадлежности человека к соответствующей группировке.

Есть все основания для предположения о том, что свой генезис насилие ведет еще от животных предков человека, многие из которых были хищниками, включая и семейство приматов, от которых произошли гоминиды (здесь можно говорить о смешанном пищевом рационе, в котором пища животного происхождения дополняла преобладавшую растительную)¹. Т.е. насилие поначалу имело трофический (пищевой) характер и осуществлялось только по отношению к представителям других видов, бывших охотничьей добычей. (Кстати, охота — как у людей, так и у животных — почему-то не относится к формам насилия, что представляется нелогичным. Если лев бросается на лань

¹ Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). — М., 1994.

Культура насилия 77

с целью поесть, то и грабитель убивает свою жертву отнюдь не ради познавательных или образовательных интересов).

В ходе антропогенеза, по мнению многих специалистов, смена отсталых видов гоминид более развитыми нередко носила характер планомерного уничтожения их как конкурентов в борьбе за территорию и ресурсы. Ведь рацион питания и австралопитеков, и питекантропов, и неандертальцев, и кроманьонцев (людей современного вида) был примерно одинаков. Трудно сказать что-либо определенное о причинах исчезновения австралопитеков и питекантропов. Но, по крайней мере, уход неандертальцев с исторической сцены, как предполагается, был преимущественно насильственным (грубо говоря, их просто съели высококультурные *Homo sapiens*)¹. Не будем забывать, что одновременно с возникновением вида *Homo sapiens* несколько изменился и рацион питания — в сторону наращивания доли пищи животного происхождения². Т.е. навыки охотника — убийцы намеченной добычи явно получили развитие, вплоть до изобретения технологий затравливания и убийства таких крупных зверей как мамонты, пещерные медведи и пр.

Когда начались столкновения между локальными сообществами самих людей, сказать трудно. Очевидно, единичные случаи убийства встреченного чужака имели место всегда (впрочем, как и случаи приема его в свою общину). Вместе с тем расселение верхнепалеолитических общин кроманьонцев было сравнительно редким, и борьба между ними за территорию

¹ Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Синергетика общественного прогресса. — М., 1995.

² Аникеева Л.Ш. Культура питания // Историческая культурология. Энциклопедия под ред. Э.А.Шулеповой и А.Я.Флиера. — М., 2007 (готовится к выпуску).

78 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

и ее ресурсы в тот период навряд ли была остроактуальной. Внутривидовые конфликты, видимо, участились в эпоху мезолита, когда большие родовые коллективы, жившие более или менее оседло, разбились на небольшие группы бродячих охотников, что повышало вероятность их встреч. Но настоящий перелом в данном вопросе произошел уже в эпоху неолита, с переходом к производящему хозяйству и сопутствовавшему этому быстрому демографическому росту. Людей стало слишком много (по возможностям тогдашних технологий добывания пищи), а примерно 10 тыс. лет тому назад ойкумена современного расселения людей была уже в основном заполнена¹. С этого времени факт близкого соседства разных коллективов (племен) и конкуренции между ними (по началу за территорию кормления, а потом уже и политического владения) стал элементом социальной повседневности.

Эта перемена в структуре расселения и существенное увеличение ее плотности открыли новую эпоху в истории человечества — эпоху борьбы «за место под солнцем». Завоевательные войны с этот периода стали обычными в практике народов, что и явилось одной из причин возникновения государств — органов управления, насилия и защиты, а также профессиональных или мобилизуемых армий. Создание многонациональных, а в новое время и колониальных империй (так же как и их распад) можно рассматривать как одну из форм этого процесса. Другой формой стал геноцид — полное физическое истребление целых этносов, а также ассимиляция мелких этносов в составе более крупных. Но это были войны

¹ Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. — М., 2004.

Культура насилия 79

преимущественно за территорию и ресурсы (в том числе и человеческие).

Следующий этап начался с возникновением мировых религий, в частности христианства и ислама. Появился новый повод для войн — идеологический, борьба за насильственное внедрение «нашей» религии и уничтожение местного язычества. Очевидно, первым масштабным событием такого рода стало грандиозное военно-политическое и религиозное завоевание Передней, Средней и Южной Азии, Северной Африки и даже Испании исламским халифатом. Позднее по этому же пути пошел и христианский мир: христианизация большей части Европы Карлом Великим и его потомками, затем крестовые походы, затем колонизация и христианизация Америки и т.п.¹ Надо сказать, что такого же рода столкновением не совместимых культур и социокультурных порядков — нацизма, социализма и либеральной демократии — была и Вторая мировая война, а также ее «мирное» продолжение — «холодная война» второй половины XX века. Как мы уже знаем, окончательная победа в этом противостоянии уже на рубеже тысячелетий осталась за либеральной демократией.

Одним из вариантов войн, основанных на культурной несовместимости, являются национально-освободительные (антиколониальные) восстания или, например, современный арабо-израильский конфликт. Впрочем, в войнах идеологического типа скоро проявился и внутренний аспект — борьба с ересями (столкновения между иконоборцами и иконопочитателями в Византии, альбигойские, а позднее гугенотские войны во Франции и др.). Т.е. культурно-идеологическая несовместимость разделяет не только

¹ Подробнее об этом см.: Флиер А.Я. Страсти по глобализации — в настоящем издании.

80 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

государства, но и разные группы в рамках одного и того же народа, что является источником революций и гражданских войн, о которых речь пойдет ниже.

И, наконец, хронологически третий тип войн: войны за изменение политического режима. Очевидно, только в XVIII веке такие войны стали межгосударственными. Наиболее ранний пример: европейские коалиционные войны против Французской революции и режима Бонапарта (напомню, что Франция не была империей, и Наполеон имел парадоксальный титул императора Французской республики), а так же войны самой Франции в конце XVIII — начале XIX вв. против большинства ее соседей, приводившие к созданию новых государств — аналогов самой Французской республики. Надо сказать, что подобный «экспорт» революции, как и международная интервенция с целью подавления революции, с тех пор стали общепринятой нормой. В XX веке типичные примеры: иностранная интервенция против Советской России сразу после революции, советско-польская война 1920 г. за свержение режима Пилсудского (и советизацию Польши, проигранную нами с самым разгромным счетом, когда в польском плену чуть было не оказались Сталин и Буденный, за что мы ответили такой расправой над польскими военнопленными — и особенно с офицерами, цветом польской интеллигенции, что никаким нацистам такое и не снилось. После этого мы еще удивляемся, а почему это поляки нас не любят?). Далее революция в Испании, раздел Польши между СССР и Германией в 1939 г., оккупация республик Прибалтики, советско-финская война 1940 г. за создание

социалистической Финляндии (которую мы тоже позорно проиграли в военном отношении, хотя географически отыграли некоторые территории

Культура насилия 81

в Карелии, — а потом поставили виновников этого позора командующими на основных западных фронтах, что и обернулось нам 1941 годом и его миллионными жертвами). В первое десятилетие после Второй мировой войны — формирование «красного пояса» вокруг СССР в Европе и на Дальнем Востоке, революция в Китае, а также превращение Германии, Италии, Японии и Южной Кореи в страны либеральной демократии проамериканского типа и войны корейская и франко-вьетнамская. В дальнейшем — это чехословацкие события 1968 г., американско-вьетнамская и советско-афганская войны, война стран НАТО против Югославии за свержение режима Милошевича, а уже в XXI веке — афганская антиталибская кампания американцев, война США и Великобритании с режимом Саддама Хусейна в Ираке.

Хочу специально подчеркнуть: советская внешняя политика была менее профессиональной, но нравственно вполне адекватной политике западных демократических держав. Так что наши провалы — только в непрофессионализме (не вовремя уничтожили ту когорту интеллигенции, которая была профессионалами во всем), а не в моральной безнравственности. В этом Запад (после смерти Вильсона — последнего романтика в политике) от нас уже ничем не отличался. Впрочем, то же самое можно сказать и о дипломатии гитлеровской Германии.

Совершенно очевидно, что предшественниками этих войн были социальные революции, а еще раньше — восстания угнетенных классов. Однако до XVIII века это были войны исключительно гражданские и до Французской революции они не преследовали целей смены политического режима. И Нидерландская, и Английская буржуазные революции решали

82 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

в основном экономические задачи, а к смене режима правления в принципе не стремились (замена короля Карла Стюарта лордом-протектором Оливером Кромвелем, почти не ощущалась как смена режима; в отличие от короля Кромвель практически не был стеснен парламентским контролем, к тому же он оказался человеком, гораздо более жестким и своенравным, чем король). Тем более, это же можно сказать о народных восстаниях.

До сих пор я не упоминал особый вид насилия — криминальную деятельность, которая по идее осуществляется не государствами, а группировками бандитов и воров, наркокартелями, революционными организациями, группами хулиганствующей молодежи, а так же и отдельными гражданами (в их числе, как известно, очень большой процент людей с психическими отклонениями)¹. В этот перечень следует включить и организованный терроризм, хотя, как известно, он — порождение и ответвление революционной деятельности (известные исключения: израильские зелоты времен римского владычества и средневековые исламские ассасины, тоже преследовавшие в основном политические цели). Определить хронологические рамки появления этого типа насилия очень трудно. Судя по всему, он был всегда и может быть тоже унаследован нами от животных (в среде приматов случаи откровенно хулиганских акций и агрессивного поведения, явно не преследующего никаких утилитарных целей, описаны в социобиологической литературе последних лет)².

¹ Диденко Б.А. Цивилизация каннибалов. М., 1996; Дубягин Ю.П. Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. — М., 1998.

² Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции. — Новосибирск, 1990.

Культура насилия 83

Поскольку все описанные примеры и типы насильственных действий являются фактами из социальной практики людей, то согласно законам коллективного существования они должны каким-то образом регулироваться нормами, законами, традициями и прочими социальными конвенциями, суммирующими социальный опыт данной деятельности, накопленный в истории; т.е. должны базироваться на основаниях определенной профессиональной культуры насилия¹.

Однако мои попытки вывести основные универсальные параметры этой культуры насилия привели меня к заключению, что на самом деле речь идет о двух культурах насилия: государственной и криминальной, с весьма различающимися параметрами регулятивных установок.

Для культуры насилия, осуществляемой государством с помощью соответствующих силовых структур, характерны следующие черты:

- ▶ применение насилия должно быть минимально необходимым;
- ▶ собственные потери в живой силе должны сводиться к минимуму;
- ▶ противником в этой борьбе являются только вооруженные формирования, оказывающие активное сопротивление;
- ▶ - гражданское население и его имущество должны по возможности не нести ущерба от боевых действий или этот ущерб должен быть минимальным;

► беспрекословное подчинение младших приказам старших, которые несут всю ответственность за отданные приказы;

¹ Орлова Э.А. Социальная (культурная) антропология. — М., 2004.

84 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

► взаимодействие со СМИ предельно ограничено; всю правду о войне знает только высшее военное командование и политическое руководство страны, а для населения это необязательно;

► большинство современных государств являются участниками международных договоров, регулирующих судьбу военнопленных, устанавливающие принципы обращения с гражданским населением, разрешающих или запрещающих использование тех или иных видов оружия, запрещающих проявления особой жестокости и т.п., или участниками двусторонних соглашений такого же рода.

Но главное это то, что воюющие государства, как правило, придерживаются известной сентенции Бисмарка, гласящей, что после войны все равно наступит мир. И победителю придется жить бок о бок с побежденным. Так стоит ли унижать и ожесточать побежденного до такой степени, чтобы мирное время было омрачено бесконечными враждебными отношениями с соседом и акциями по типу партизанских¹?

Выше сказанное вовсе не означает, что все государства во всех случаях неукоснительно придерживались этих принципов (тем более, что эти взгляды наращивались исторически). Далеко не всегда соперничающие страны собирались оставить противника в качестве самостоятельного субъекта отношений и поэтому дальновидно не стремились слишком ожесточать его. Не говоря уже и о том, что в армиях любых стран существуют особые элитные подразделения, на деятельность которых обычные ограничения не распространяются (разумеется, негласно). Но в основном именно эти принци-

¹ Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. — М., 1946. Т.1.

Культура насилия 85

пы или культурные установки лежат в основе действий вооруженных сил современных цивилизованных стран.

Следует заметить, что, в отличие от армии, полиция и службы безопасности, фактически ведущие гражданскую войну против своего народа (в тоталитарных государствах — против всего, кроме узкого круга приближенной элиты, в демократических — против его криминального компонента), хотя по закону и обязаны придерживаться этих же установлений, на практике стараются уклониться от этого. Однако здесь уже многое зависит от того, насколько центральное правительство в состоянии контролировать деятельность собственной полиции и структур безопасности, или, наоборот, это они контролируют правительство, как это было во многих странах с тоталитарными режимами.

Но все-таки культура применения насилия государством в цивилизованном мире в основном подчинена описанным выше принципам.

Необходимо отметить, что помимо войн и прочей деятельности силовых структур государство осуществляет насилие над обществом, и не причиняя кому-либо непосредственного вреда по линии угрозы жизни, здоровью или имуществу. Я имею в виду государственную политику и идеологию в целом, которые заставляют людей вести определенные образ жизни и декларировать определенное мировоззрение и политическую лояльность, которые нередко не соответствуют подлинным пожеланиям и взглядам людей. Все это навязывается средствами законодательства, идеологии, религии, системы воспитания и образования, органами массовой информации и т.п. Более того, и искусство, ангажированное властями и пропагандирующее политически актуальные взгляды и образцы поведения, по существу является таким же средством насилия над психикой и волей людей.

86 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Впрочем, это особая тема, связанная с проблемой разнообразия социальных притязаний и ценностных ориентаций разных групп (социальных, этнографических, конфессиональных и пр.), которые государство пытается свести к единому национальному стандарту и использует для этого очень широкий арсенал средств: от грубого насилия, до закамуфлированного давления на психику. Эта тема требует специального рассмотрения. У нас же речь идет о насилии в его откровенно грубой и вооруженной форме.

Криминальный вариант культуры насилия радикальным образом отличается от государственного варианта. В частности для него характерны такие установки:

► поставленная цель достигается любой ценой и с применением любых доступных средств;

► размеры потерь не имеют значения ни в рядах противника (объекта нападения), ни среди своих, ни тем более среди посторонних прохожих;

► принцип иерархической подчиненности, как правило, действует и здесь, но он дополняется постоянным соперничеством среди командиров среднего звена, что часто доходит до внутренних

конфликтов (в том числе и вооруженных);

► скрытность операции важна только для классических криминальных групп и партизан. Для террористических, революционных, национально-освободительных и тому подобных организаций требуется максимальное внимание прессы и детальная подробность в публичном освещении наиболее жестоких моментов происходящего. На этом держится весь имидж этих организаций;

► естественно, подобные организации не являются участниками каких-либо международных огра-

Культура насилия 87

ничительных соглашений. Для них нет военнопленных, а только заложники, нет гражданского населения, а только свидетели и дополнительные объекты для уничтожения и т.п. В основе психологии участников криминального насилия лежит принцип, гласящий, что, войдя в дело, выйти из него уже нельзя. Мирного времени уже быть не может. Поэтому никто и не думает о том, как жить в это мирное время и как поддерживать нормальные отношения с социальным окружением. Отсюда такая изощренная жестокость и безжалостность даже к людям, непричастным к событиям.

Хочу еще раз подчеркнуть, что такого рода культура насилия лишь условно названа криминальной. Фактически подобными установками пользуются все террористы, революционеры и партизаны. Более того, государственная полиция и спецслужбы, если позволяет обстановка (т.е. мала вероятность разоблачения) тоже ориентируются на эти принципы (это уже чисто тактический прием: позволять себе то же, что позволяет противник).

Очень интересным, как мне представляется, было бы исследовать профессиональную культуру палачей. Те материалы на эту тему, которые мне были доступны, в основном относились ко временам Средневековья и были сосредоточены главным образом на принципах, которыми палач должен руководствоваться в своих действиях, и способах, которыми он должен был добиться нужного следствию признания¹. Матери-

¹ Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. — М., 1990; Григулевич И.Р. Инквизиция. — М., 1976; Ли Г.Ч. Инквизиция. — СПб, 1999; Барбер М. Процесс тамплиеров. — М., 1998; Плейди Дж. Испанская инквизиция. — М., 2002.

88 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

алы позволяют восстановить культуру насилия, применявшегося в ту эпоху в ходе допроса и казни. В основе этой культуры лежало слепое повиновение исполнителя инстанции, ведущей следствие, очень высокое техническое мастерство исполнения своего дела и полное отсутствие каких-либо угрызений совести. Ни о какой жалости к жертвам при этом не могло быть и речи; фактически было запрещено всякое человеческое отношение к истязаемому. Да и сам палач рассматривался не как человек, а как техническое средство истязания и убийства (по типу кнута или топора).

Мемуары бывших нацистских палачей по большому счету повторяют этот же набор средневековых установок. Тексты воспоминаний подчеркнуто безлики, эмоционально и интеллектуально выхолощены. Эти люди, как правило, не помнят ни количества жертв, ни мест, ни дат событий. Они даже не считают, что они кого-то убивали. Они выполняли порученную им работу, а за ее последствия пусть отвечает тот, кто это им поручил¹.

Еще менее доступны материалы советских времен. Во всяком случае, из того, что я читал на эту тему, мне удалось понять, что советская система приведения в исполнение смертных приговоров не стремилась причинить приговоренному особые физические муки, но зато на его психике отыгрывалась до конца, доводя человека до полного помешательства от ужаса².

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. — М., 1996; Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. Аппарат насилия нацистской Германии (1933— 1945). — М., 1987; Холокост. Материалы, свидетельства, воспоминания. — Иерусалим, 1975 (на русском языке).

² Trotsky L. Les crimes de Stalin. — Paris., 1957, v.I; Булдаков В.П. Красная смута. — М., 1997; Авдеенко А. Наказание без преступления. — М., 1991; Викторов В. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. — М., 1990; ВЧК-ГПУ. — N.Y., 1989 (на русском языке); Мельгунов С. Красный террор в России. — N.Y., 1991 (на русском языке); Раппопорт Р. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. — М., 1988.

Культура насилия 89

И, наконец, последний вопрос. Есть ли какая-то культура насилия у преступников одиночек? Те материалы, с которыми я знаком, свидетельствуют, что в большинстве своем это шизоидальные типы, ведомые одной идеей-фикс¹. В этом смысле я вынужден согласиться (в основном) с теориями Ламброзо и Фрейда, считавшими преступность одной из форм психической девиации. Естественно, что подобные преступники даже и не слышали о том, что применение насилия может регулироваться какими-то принципами, установками, разрешениями и запретами, о том, что даже у насилия есть своя культура.

Осталось кратко рассмотреть такие культурные аспекты насилия, как его символика и семиотика.

Хорошо известно, что люди добившиеся успеха (в том числе и в насилии), особенно, если этот

успех дался им в тяжелой борьбе, любят отмечать этот успех какими-то символическими акциями. Это может быть водружение своего флага над взятым городом, осквернение тела убитого, испражнение в обворованной квартире (но Чапеку), «загул» после успешно проведенного дела, а так же многочисленные памятники, парады и другие юбилейные мероприятия. Содержательно подобная символика успеха может быть самой разнообразной, даже экстравагантной, но любовь людей, причастных к насилию, к самим процедурам их символического отмечаия хорошо известна².

К числу форм символизации могут быть причислены многочисленные описания побед в научной и ху-

¹ Диденко П.А. Указ. соч.

² Любопытным исключением из этого правила является государство Израиль, где не сооружено ни одного памятника по поводу многочисленных побед над арабами, не проводятся военные парады и даже дети не играют в войну.

90 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

дожественной литературе и создание художественных произведений на эту тему в рамках других видов искусств, многочисленные интервью и мемуары участников событий и даже детские игры, имитирующие тут или иную войну. Одной из форм символизации успеха является раздача наград или дележ дивидендов.

Сложнее вопрос с семиотикой насилия, т.е. с языком, обозначающим и описывающим случившееся (вплоть до лексики обычного рассказа). Мне представляется, что в мире нет единого универсального семиотического кода для выражения этой темы. Может быть, выделяются только официальные воинские церемонии, которые более или менее однотипны повсюду. Но уже в вопросах рефлексий военной тематики царит полный разноречивый. Даже художественный язык памятников победам резко различается в разных странах и в разные эпохи; совершенно несравнимы мемуары участников (и по целеустановкам и по лексике); даже в детских играх в войну у разных народов делается акцент на различных аспектах разыгрываемого. Это ведет к тому, что, например, всякий роман или художественный фильм о Второй мировой войне встречает много критики. Просто каждый человек видит все это своими глазами и даже говорит об этом на своем индивидуальном языке.

Меньшим разнообразием отмечается семиотика криминального насилия (по крайней мере, в нашей стране). Хотя существует множество языковых штампов и даже специальный блатной язык этой среды (я не знаю, существуют ли аналоги этому в других национальных языках, но, видимо, в каких-то пределах в каждом языке распространена специальная «профессиональная» лексика преступников), а также «тюремная лирика» песенного творчества. Это позволяет без

Культура насилия 91

особого труда имитировать блатную лексику в книгах, фильмах и иных произведениях на эту тему. То же самое можно сказать и о семиотике поведения, нравах, обычаях и т.п. Здесь царит классический «закон джунглей»: кто более вооружен и защищен, тот и занимает более привилегированное положение.

Таким образом, в культуре насилия существенно различаются ее государственная и криминальная составляющие: и по «правилам игры», и по символике и даже по семиотике.

К сожалению, в современной России фактически разрушена историческая военная культура и традиция, происходит откровенное сращивание правоохранительных структур с преступностью и полный беспредел в разгуле последней. Т.е. культура насилия утрачивает свои традиционные формы и превращается в культурно нерегулируемый пласт социального поведения. Опасность развития этой тенденции очевидна для всех.

Конечно, подобные факты можно встретить не только в России; любая революция или гражданская война в своих насильственных формах культурно нерегулируема; то же можно сказать и о терроризме. Есть основания для утверждения о том, что в течение последнего века насилие в целом (в мировом масштабе) начало утрачивать свою специфическую культуру, выработанную веками истории (военной и криминальной), которая хоть как-то регулировала его формы и масштабы. Может быть, на смену прежней вырастет какая-то новая культура насилия или принуждения (трудно сомневаться в том, что социальная потребность в каких-то формах принуждения у человечества будет всегда). А если нет? Если в тенденциях развития форм насилия возобладают социально не-

92 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

регулируемые начала? Во многих фантастических романах и фильмах о будущем нам демонстрируют именно такой вариант развития событий. Но я боюсь, что при таком сценарии действительность окажется во много раз страшнее, чем это могут вообразить писатели и кинематографисты...

Тем хуже для нас.

Культура как обман

С точки зрения теории социальных коммуникаций, обман — это передача заведомо ложной или непроверенной в своей подлинности информации. На самом деле вариантов, при которых поступающую информацию трудно считать достоверной, гораздо больше. Для того, чтобы иметь какие-то критерии для решения спорных случаев, предлагаю условиться в том, чтобы считать обманом информацию:

- ▶ заведомо ложную;
- ▶ выдуманную, фантастическую, т.е. не имеющую реальных воплощений в бытии;
- ▶ не имеющую достаточных доказательств или корректного числа свидетельств своей подлинности;
- ▶ предполагаемую без достаточных оснований на то;
- ▶ субъективно проинтерпретированную в той мере, что исказились как сущность, так и атрибутивные признаки сообщаемого.

С точки зрения современной теории культуры (в ее постмодернистской трактовке) обман — это вообще

96 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

передача какой-либо информации от человека человеку или от одних людей другим людям. Ибо вся культура есть обман, иллюзия, миф, фантазм, симулякр и т.п. Я согласен с этим и постараюсь доказать это ниже.

Хотя людям довольно часто приходится прибегать к преднамеренному обману с целью реализации каких-то своих интересов или в каких-то еще целях, сразу же хочу отметить, что подавляющая часть обманов совершается не намеренно. Люди часто даже не подозревают, что информация, передаваемая ими, является ложью или только полуправдой, а еще чаще — правдой, подвергшейся субъективной интерпретации (т.е. существенному искажению) либо самим транслятором информации, либо кем-либо еще до него, что сместило все акценты и в большей или меньшей мере исказило смысл данного сообщения.

Сразу хочу построить типологию обмана на основании намерений обманщика. Обман бывает:

- ▶ преднамеренным (ложь, розыгрыш, мистификация, дезинформация, утаивание правды и т.п.);
- ▶ непреднамеренным (когда сам корреспондент не знает подлинной правды);
- ▶ фантазией (основанным на авторском воображении творчеством или игрой);
- ▶ гипотезой (основанным на научном предположении прогнозе, бездоказательной «спекулятивной философией»);
- ▶ интерпретацией (всякий рассказ о чем бы то ни было или исполнение художественного

произведения, субъективно интерпретирующие сам предмет рассказа или исполняемое произведение). Подобный рассказ (о чем угодно, от Ромео и Джульетты до прогноза погоды на завтра) в современной науке получил название нарратива.

Культура как обман 97

Более того. Хотя мне неизвестна специальная статистика на этот счет (да ее наврядли можно составить на основании сколь-либо объективных данных и критериев), но с учетом упомянутого многообразия форм и мотивов обман составляет, безусловно, подавляющую часть информационного потока, доходящую до каждого из нас тем или иным образом.

Возникает вопрос: а где же правда? Неужели все, что мы знаем об окружающем нас мире, является ложью? Это зависит от того, каким путем пришла к нам та или иная информация. Сравнительно точными являются результаты естественнонаучных исследований, экономические расчеты и технические проекты. Но лишь сами результаты исследований, расчетов и проектирования. А вот уже авторский комментарий к ним — это типичный нарратив, т.е. субъективная интерпретация полученных данных. Сравнительно точным является и то, что мы видим своими глазами (если это не созданный кем-либо текст или рисунок), слышим своими ушами (если это не рассказ) или чувствуем. Я в данном случае даже не касаюсь вопроса об адекватности понимания того, что мы видим, слышим или чувствуем. Неадекватное понимание — это уже отдельная тема, относящаяся к области психологии. Но увиденное, услышанное или прочувствованное является правдой лишь в случае, если мы сами являемся живыми свидетелями этого или если мы это чувствуем сами. Если же нам это рассказывают или показывают (скажем, по телевизору или в документальном кино), то это уже является текстовым или видовым нарративом. Точно так же, как, если мы кому-либо рассказываем о том, что видели, слышали или чувствовали. Этот рассказ будет уже очень далек от того, что мы на самом деле видели, слышали или чувствовали; он явится нашей субъективной интер-

98 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

претацией увиденного, услышанного или прочувствованного, тем более далекой от правды, чем необычной будет сам предмет рассказа. Ложь родилась вместе с языком, хотя другие методы обмана, видимо, еще старше.

Правдой является природа, вещи с которыми мы имеем дело, события, которые мы наблюдаем. Но лишь сама природа как таковая, вещи в их вещественной подлинности и события в их наблюдаемом состоянии. Но не наш (или чей-либо) рассказ о природе, вещах и событиях. Это уже нарратив — т.е. субъективная интерпретация увиденного, прощупанного или познанного каким-то еще непосредственным способом.

На самом деле здесь все очень сложно. Для примера возьмем учебник по сопротивлению материалов. Разве он сообщает нам неправду? В принципе — правду (о сопротивлении материалов), но в субъективной интерпретации данного автора. А другой автор проинтерпретировал бы это несколько по-иному, расставил бы другие акценты и т.п. Иной пример с учебником по истории. Мало того, что он является субъективной авторской интерпретацией самой истории, но он и основывается на документах, которые сами по себе являются такими же субъективными точками зрения их древних авторов. Еще ужасней ситуация с учебником по истории искусств. Здесь наложение нарративов может достигнуть уже десятка: субъективных намерений автора рассматриваемого произведения и его заказчика, количества смысловых напластований (и тех, которые нам понятны, и тех, которые уже утрачены по ходу истории), аллюзий и ассоциаций, которые это произведение вызывало в разные эпохи, разных вариантов интерпретации этого произведения у его современников, классиков мировой эстетической мысли, нынешних исследователей и, наконец, субъективная позиция автора

Культура как обман 99

данного учебника. Как видите, даже учебник — формально наиболее объективный источник информации — на самом деле является собранием бесконечного числа субъективных интерпретаций (нарративов).

Еще сложнее с произведениями искусства. Роман Толстого «Война и мир» описывает эпоху наполеоновских войн и русскую аристократическую культуру того времени. Подобная констатация — единственная правда, которую по этому поводу можно сказать. Ни одного слова правды в тексте самого романа нет. Впрочем, там нет и очевидной неправды. Просто текст излагает субъективную и искаженную эмоциональным отношением писателя интерпретацию событий, о которых он и сам знал, главным образом, понаслышке, в виде чьих-то субъективных рассказов и воспоминаний.

Где гарантия, что мемуарные источники, на которые опирался Толстой, были правдивыми и точными? Где гарантия, что даже документы из архивов, которыми он пользовался, были правдивыми? Шла война, люди несли ответственность за свои решения и действия и мало ли как они могли слухавить, даже составляя официальные рапорты и отчеты. Толстой же не занимался проверкой истинности сведений о потерях, о тех или иных передвижениях войск и т.п., сообщаемых в документах. Не говоря уже об описании исторических персонажей романа. Они тем более

произвольны и отражают главным образом личное эмоциональное отношение самого Толстого к каждому из них.

Субъективность в произведениях искусства и литературы — это общеизвестный факт. Вспомним знаменитое пушкинское «Полумилорд, полукупец, ... полуподлец и есть надежда ...». А ведь это написано об одном из самых выдающихся героев войны 1812 года — генерале графе Воронцове, непосредственно за-

98 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

претацией увиденного, услышанного или прочувствованного, тем более далекой от правды, чем необычной будет сам предмет рассказа. Ложь родилась вместе с языком, хотя другие методы обмана, видимо, еще старше.

Правдой является природа, вещи с которыми мы имеем дело, события, которые мы наблюдаем. Но лишь сама природа как таковая, вещи в их вещественной подлинности и события в их наблюдаемом состоянии. Но не наш (или чей-либо) рассказ о природе, вещах и событиях. Это уже нарратив — т.е. субъективная интерпретация увиденного, прощупанного или познанного каким-то еще непосредственным способом.

На самом деле здесь все очень сложно. Для примера возьмем учебник по сопротивлению материалов. Разве он сообщает нам неправду? В принципе — правду (о сопротивлении материалов), но в субъективной интерпретации данного автора. А другой автор проинтерпретировал бы это несколько по-иному, расставил бы другие акценты и т.п. Иной пример с учебником по истории. Мало того, что он является субъективной авторской интерпретацией самой истории, но он и основывается на документах, которые сами по себе являются такими же субъективными точками зрения их древних авторов. Еще ужасней ситуация с учебником по истории искусств. Здесь наложение нарративов может достигнуть уже десятка: субъективных намерений автора рассматриваемого произведения и его заказчика, количества смысловых напластований (и тех, которые нам понятны, и тех, которые уже утрачены по ходу истории), аллюзий и ассоциаций, которые это произведение вызывало в разные эпохи, разных вариантов интерпретации этого произведения у его современников, классиков мировой эстетической мысли, нынешних исследователей и, наконец, субъективная позиция автора

Культура как обман 99

данного учебника. Как видите, даже учебник — формально наиболее объективный источник информации — на самом деле является собранием бесконечного числа субъективных интерпретаций (нарративов).

Еще сложнее с произведениями искусства. Роман Толстого «Война и мир» описывает эпоху наполеоновских войн и русскую аристократическую культуру того времени. Подобная констатация — единственная правда, которую по этому поводу можно сказать. Ни одного слова правды в тексте самого романа нет. Впрочем, там нет и очевидной неправды. Просто текст излагает субъективную и искаженную эмоциональным отношением писателя интерпретацию событий, о которых он и сам знал, главным образом, понаслышке, в виде чьих-то субъективных рассказов и воспоминаний.

Где гарантия, что мемуарные источники, на которые опирался Толстой, были правдивыми и точными? Где гарантия, что даже документы из архивов, которыми он пользовался, были правдивыми? Шла война, люди несли ответственность за свои решения и действия и мало ли как они могли слухавить, даже составляя официальные рапорты и отчеты. Толстой же не занимался проверкой истинности сведений о потерях, о тех или иных передвижениях войск и т.п., сообщаемых в документах. Не говоря уже об описании исторических персонажей романа. Они тем более произвольны и отражают главным образом личное эмоциональное отношение самого Толстого к каждому из них.

Субъективность в произведениях искусства и литературы — это общеизвестный факт. Вспомним знаменитое пушкинское «Полумилорд, полукупец, ... полуподлец и есть надежда ...». А ведь это написано об одном из самых выдающихся героев войны 1812 года — генерале графе Воронцове, непосредственно за-

100 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

щищавшим Багратионовы флешы под Бородиным и первым вошедшим в Париж в 1814 г. Конечно, Пушкин был влюблен в его жену, а сам Воронцов не проявлял никакого интереса к поэту, что обижало Пушкина. Но это еще не основание так оскорблять человека, ставшего живой легендой в глазах современников.

Но искусство — это фантазия или фантастическая трактовка исторических событий. В американском кинематографе сложилась традиция показывать Римскую империю государством, гораздо более страшным, даже чем нацистская Германия; особенно, когда дело касается римской Иудеи и Страстей Господних... Даже в Дахау, пожалуй, не было такого, что показывают в американских фильмах о Христе.

Впрочем, Бог с ним, с искусством; оно, наверное, и есть вершина всякого обмана. Вернемся к

нашей типологизации.

Сначала определим варианты обмана с точки зрения его объектно-субъектного существования. Можно выделить обман:

- ▶ межличностный (когда один человек обманывает другого);
- ▶ личностно-групповой (когда один человек обманывает группу, коллектив или целый народ; например, в публичном выступлении, в книге и т.п.);
- ▶ коллективно-личностный (когда, напротив, группа обманывает одного; например, коллектив работников — своего начальника, а народ — своего президента или монарха);
- ▶ обоюдокolleктивный (когда один коллектив людей обманывает другой коллектив, скажем, на войне, применяя хитрость, или в межпартийном соперничестве).

Культура как обман 101

Среди средств, с помощью которых осуществляется обман или дезинформация, можно выделить:

- ▶ обман вербальный (устный, письменный или переданный каким-то иным вербальным в своей основе кодом);
- ▶ обман посредством ложного изображения, чертежа или карты, в) обман путем возведения ложного сооружения или внешнего изменения очертаний ландшафта (в военной сфере это применяется очень часто);
- ▶ обман с помощью ложных звуковых сигналов или музыки (вспомним непрерывное «Лебединое озеро» на телевидении во время путча ГКЧП);
- ▶ обман посредством ложных, запрещенных или иллюзорных действий, включающих изменение внешнего облика человека или объекта (например, камуфляж, макияж и т.п.), обманных поступков, ложных телодвижений или мимики, имитационного поведения (например, актера на сцене);
- ▶ обман посредством изменения дорожных знаков и разметки, подмены или снятия указателей и названий, выпуска подложных и неподлинных документов (например, фальшивых денежных купюр, банковских карточек, удостоверений личности и пр.);
- ▶ путем передачи ложных цифровых данных или кодов по электронным средствам и т.п. Не сомневаюсь, что я перечислил далеко не все виды обманных действий, но и перечисленного достаточно, чтобы увериться в сомнительной подлинности всего, что нас окружает, и особенно информации, доходящей до нашего сведения.

102 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Здесь мы опять упираемся в проблему адекватного понимания самим корреспондентом сообщаемой информации. Как правило, эта информация осмысливается и истолковывается корреспондентом с позиций его личного (или коллективного, касательно его референтной группы) жизненного или социального опыта, который у каждого более или менее индивидуален, что ведет к неисчислимому разнообразию вариантов понимания, истолкования и интерпретирования любой информации. Я уже не говорю о разнице в ценностных ориентациях, которые также являются важнейшей частью социального опыта.

Таким образом, лиотаровская теория нарратива¹, гласящая, что мы ничего не знаем доподлинно, а только в виде чьего-либо рассказа (повествования) со всеми поправками на индивидуальную интерпретацию, ангажированность или ложную информированность самого корреспондента, представляется более чем убедительной. Вспомним и знаменитую поговорку «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». По существу, эта поговорка — приговор нарративу, как информации всегда заведомо неточной, субъективно истолкованной или основанной на непроверенных источниках. Тем более убедительна и бодрийеровская теория симулякра², подразумевающая то, что подавляющая часть доходящей до нас информации о каких-либо событиях и других аспектах социальной жизни является заведомой фальсификацией.

¹ Нарратив — «ценностно-оценочное суждение, ... носящее повествовательный характер». Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодерн как ситуация философствования. — СПб, 2003. С.42-43; Лиотар Ж.-Ф. Постсовременное состояние (фрагменты) // Культурология. — Ростов-на-Дону, 1995. С.527-537. «Рассказчик истории обладает компетенцией, только потому, что он был когда-то ее слушателем». Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — СПб, 1998. Гл.6.

² Симулякр — псевдовещь, пустая форма. См.: Baudrillard J. Simulakres et simulation. — P., 1981.

Культура как обман 103

ей, «пустышкой», преподносимой нам с целью манипуляции нашим сознанием. Впрочем, рассмотрим каждую из выделенных форм обмана более подробно.

1. Преднамеренный обман. Существуют тысячи причин, по которым люди идут на него, и тысячи форм в которых он совершается. Мотивации преднамеренного обмана в основном сводятся к нескольким типовым причинам:

- ▶ обман, совершаемый ради удовлетворения каких-то корыстных интересов обманщика; это могут быть и меркантильные интересы, и статусные, и конъюнктурные, и какие-либо иные;
- ▶ обман, совершаемый ради обеспечения безопасности обманщика; это и сокрытие опасной для

него информации, и представление ложной, изменение внешности, смена жилья, побег и т.п.;

► обман, называемый «ложью во спасение», когда ложная информация призвана уберечь ее получателя от нервного потрясения и прочих последствий «неудобной правды»;

► обман, совершаемый ради сокрытия чего-либо — местоположения какого-то объекта, тайника, где хранится что-то важное или дорогое, утаивания каких-либо документов и пр.;

► обман, совершаемый с игровой целью ради развлечения, как например, розыгрыш, карнавальное переодевание и т.п.;

► обман, совершаемый с целью достижения эмоционального эффекта, оглушительного впечатления на публику; такая целеустановка часто используется в искусстве, политике, религии.

Очевидно, я не перечислил и половины всех возможных целеустановок преднамеренного обмана, но,

104 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

полагаю, что названные составляют статистическое большинство случаев и в наибольшей мере распространены в социальной практике. Другие целеустановки встречаются намного реже.

2. Непреднамеренный обман, совершаемый в том случае, когда сам транслятор информации не знает подлинной правды. Можно выделить три варианта непреднамеренного обмана:

а) описанный выше случай, когда рассказчик сам обманут кем-то, но фанатично верит в правдивость того, что он рассказывает (это особенно характерно для политических агитаторов).

б) ситуацию измененного состояния сознания (ИСС), когда человек видит, слышит или чувствует информацию о том, чего на самом деле нет или не происходит в присутствии данного человека. Способов достижения ИСС довольно много, например:

► врожденное психическое заболевание, последствия черепно-мозговой травмы или специальной нейрохирургической операции (лоботомии),

► состояние старческого склероза,

► обычное сновидение,

► сильное алкогольное опьянение,

► наркотическое опьянение,

► транс одержимости (наиболее известный нам на примере шаманского камлания) или иной религиозный транс¹,

► миражи или галлюцинации, возникающие в обезвоженном мозге и другие случаи достижения ИСС, описанные наукой².

¹ Бургиньон Э. Измененные состояния сознания // *Личность, культура, этнос*. — М., 2001. — С.429-450.

² Гроф С. и К. Духовный кризис. Когда преобразование личности становится кризисом. — М., 2003.

Культура как обман 105

Во всех этих случаях человек видит, слышит или чувствует нечто, совершает какие-то действия или общается с inferнальными существами, нередко в присутствии свидетелей, утверждающих, что ничего подобного не происходило. Сам факт такого видения является обманом сознания самого испытывающего это человека, а вот, когда он начинает рассказывать про это окружающим, такую ситуацию можно назвать непреднамеренным обманом, поскольку сам рассказчик искренне уверен в подлинности сообщаемой им информации;

в) всякий текст (устный или письменный) на религиозную тему, излагаемый глубоко верующим человеком. Видимо, здесь нет нужды подробно объяснять мотивацию и такой слепой веры, и такой убежденности в истинности всего излагаемого. И здесь рассказчик вовсе не стремится кого-либо обмануть, а только убедить в подлинности предмета своей веры. Я не берусь утверждать, что всякая религия есть обман (как ученый, я этого просто не знаю), но то, что в ней ничего не доказывается рационально и упирается только в слепую веру (т.е. эмоциональное приятие данной информации) — общеизвестный факт. В этом отношении религиозную веру можно сравнить с любовью и художественными предпочтениями. Здесь тоже ничего не доказывается и строится только на эмоциональном приятии.

Закончить этот раздел я бы хотел очень значимой цитатой из Лотмана: «... потребность в информации будет развиваться, обгоняя темп нашего прогресса. Следовательно, по мере роста знания незнание будет не уменьшаться, а возрастать...»¹. Со-

¹ Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров // Человек — тест — семиосфера — история*. — М., 1996.

106 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ответственно, и число носителей неверной информации — тех самых «ненамеренных обманщиков» — тоже будет расти, как и статистика случаев «обмана по незнанию». Впрочем, это уже давно известно. Прогресс — это рост знания о том, что мы ничего не знаем (согласно классике).

3. Фантазия. Этот тип обмана используется преимущественно в искусстве и игре. При этом обман сам по себе не является самоцелью художника или играющего. Активная работа воображения, полет фантазии, придумывание каких-то поворотов сюжета или сопутствующих деталей представляется

исходным условием художественного творчества и игры.

Когда писатель или драматург создают свое произведение даже на основе реальной коллизии с реально жившими и действовавшими персонажами, когда художник-реалист пишет чей-то портрет, натюрморт или пейзаж, а скульптор ваяет памятник или бюст какого-то реального человека, они все равно изображают (словесно, живописно или скульптурно) не сам объект в его реальных чертах и характеристиках, а его художественный образ. Отличие художественного образа от его реального прообраза как раз и заключается в том, что в работу вступает фантазия автора, которая из художественных соображений так «подправляет» прообраз (или совершенные им действия), что этот прообраз, порой трудно даже узнать.

Я уже упоминал роман Толстого «Война и мир», по тексту которого читатель, знавший Наполеона лично или читавший мемуары о нем, никогда не узнал бы в описанном герое его подлинный прообраз, если бы его не звали Наполеоном, он не был бы французским императором, полководцем, победителем при Аустерлице и т.п. То есть, собрав все назывные атрибуты, ука-

Культура как обман 107

зывающие на то, что это Наполеон Бонапарт, Толстой создал художественный образ, вообще не имеющий ничего общего с подлинным историческим Наполеоном (по крайней мере, с тем образом необычайно обаятельного и остроумного человека, который демонстрируют мемуары людей, лично и близко знавших императора; а таких было немало). Отталкиваясь от образа Толстого, невозможно понять, как такого мизантропа-некрофила любили десятки женщин (а это очень важный критерий), притом, что внешне по-мужски он был совсем непривлекателен. Значит, в его личности была некая харизма, чего не разглядел Толстой. Думаю, что столь же далеки от исторических реалий и образы Александра I, Кутузова, Багратиона и других исторических персонажей романа (например, Дениса Васильева, под именем которого явно описывался поэт-партизан Денис Васильевич Давыдов).

Но перед Толстым и не стояла задача описать их всех похожими на свои прообразы. Это же роман, то есть заведомая фантазия. Спасибо, что хоть сама Отечественная война 1812 г. в романе окончилась нашей победой; Толстой, как автор, свободный в своем творчестве, стремясь достичь определенного художественного эффекта, был вправе изменить и итог войны. В качестве примера вспомним «Остров Крым» Василия Аксенова, сюжетная коллизия которого закручена на таком повороте истории, как если бы в 1920-м г. красные не изгнали бы Врангеля с полуострова, и Крым остался бы непобежденной «белогвардейской республикой».

Ложь ли это? Нет, скорее художественная фантазия. Как и «Последний день Помпеи» Брюллова, «Гамлет» Шекспира или натюрморт «Букет маков» Хачатура Есяяна, совсем не похожий на тот букет, который видел я — маленьким мальчиком присутствовавший в мас-

108 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

терской художника и наблюдавший процесс написания картины.

Даже так называемые «натуралисты», с протокольной точностью описывающие или выписывающие наиболее эпатажные детали, своим произведением в целом все равно создают фантазию, т.е. то, чего реально не было или даже не могло быть.

И это при том, что число произведений, никак не связанных с изображением реальных персонажей и коллизий, а являющихся абсолютной фантазией автора, как минимум, не уступает числу описанных.

Таким образом, я берусь утверждать, что любое произведение искусства (любого вида) есть в большей или меньшей степени фантазия, и именно это качество и делает работу произведением искусства или шедевром, если в фантазию вложен большой талант.

Впрочем, существует точка зрения, протестующая против того, чтобы делить художественную информацию на правдивую и ложную¹. Художественный вымысел предстает как промежуточное состояние между правдой и ложью. Ошибка здесь заключается в том, что подобного промежуточного состояния не может быть по определению. Полуправда — это тоже ложь, какими бы художественными задачами она не обосновывалась.

Мне представляется, что сам факт такой позиции, выводящей искусство за рамки дихотомии правда/обман, уже является подтверждением того, что художественное произведение не несет в себе социально значимой информации, непосредственно влияющей на социальное поведение людей, но зато оно весьма значимо культурно, ибо оказывает безусловное влияние

¹ Агеев В.Н. Семиотика. — М., 2002. — С.117 и др.

Культура как обман 109

на формирование системы ценностных ориентаций людей, выработке тех или иных «социальных конвенций», регулирующих их сознание и поведение, т.е. его социальное значение опосредовано культурой.

Более правдива фотография. На ней, как правило, заснято то, что реально было (если это не монтаж или не искусственно разыгранная и заснятая мизансцена). Но любой даже самый реальный

сюжет можно сфотографировать в разных ракурсах, по-разному обработать при проявке и печати; а от выбора ракурса и плана, от технических тонкостей проявки и печати в большой степени зависит общая концепция фото, расстановка акцентов, большая четкость в изображении одних деталей, и меньшая (вплоть до исчезновения) других и т.п. Т.е. фотография (особенно художественная) тоже несет в себе элементы фантазии, субъективной интерпретации, заведомо придуманной концепции и композиции и т.п.

Здесь следует заметить такую деталь. В любом произведении искусства, как и в фотографии, есть что-то основное и множество мелких второстепенных деталей. Так вот, иллюзия подлинности (похожести на реальную жизнь) в большой степени зависит от того, насколько эти второстепенные детали точно имитируют реальность. Вы можете описать, нарисовать, заснять в кино абсолютно подлинную правду, но если мелкие детали будут выглядеть не убедительно, работа в целом не будет восприниматься как реалистическая. (В юные годы, увлекаясь военной историей, я насчитал в «Гусарской балладе» Рязанова более 60 искажений в деталях военной формы). И наоборот, вы можете основную фабулу (или предмет изображения) придумать сколь угодно фантастическими, но если работу будут заполнять вполне натуральные второстепенные детали

110 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

и их будет много (эффект фотографии), мало кто усомнится в том, что в реальности так все оно и было. (Более поздний фильм Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово» при полной нелепости сюжета не содержит ни одного фактурного искажения).

В своем повествовании я еще не касался музыки. Здесь ситуация особая. В конечном счете, музыка является подражанием или изображением человеческих эмоций в их самом натуральном звуковом выражении — плаче, смехе, крике, стоне, интонаций человеческого голоса и т.п. Конечно, музыка уже первых городских цивилизаций наврядли стремилась натурально имитировать все эти звуки, она стала уже звуковым образом тех или иных эмоций; хотя в глубокой древности, по моему мнению, все начиналось именно с такой имитации. Такова, по крайней мере, антропологическая концепция, происхождения музыки.

Передает ли музыка правдивую информацию? По всей видимости, информация об эмоциональных переживаниях композитора, вполне правдива (впрочем, не будем забывать и о том, что множество произведений писалось на заказ, который мог включать в себя и описание тех эмоций, которые необходимо изобразить в звуковых образах). Но ведь мы почти никогда не слышим музыку в исполнении автора. Это Шопен и Лист (и их предшественники) были основными исполнителями своих произведений (кстати, гениальный Шопен в свое время считался сугубо салонным, а не концертным композитором; хотя современные музыковеды считают, что именно с позднего Шопена начался импрессионизм, как общехудожественный стиль). Тем не менее, мы не слышали живьем ни Шопена, ни Листа, ни Рахманинова (сейчас только Родион Щедрин изредка балует публику авторскими концер-

Культура как обман 111

тами, но он и пианист, не менее значимый, чем композитор). В большинстве случаев музыку играют или поют специальные исполнители, каждый из которых вкладывает свою фантазию в интерпретацию данного произведения. Собственно этой разницей интерпретаций исполнители и отличаются друг от друга, а лучшими мы признаем тех из них, кто предлагает нам наиболее оригинальную интерпретацию, т.е. наибольших фантазеров на заданную тему. Когда в свое время Ванда Василевска, а за ней Глен Гульд стали исполнять Баха как романтическую музыку (фактически, как Шопена), мир открыл для себя совершенно нового Баха, не потустороннего (как преподносил его Рихтер), а живого и по-человечески эмоционального. И кто скажет, где здесь правда.

В принципе то же самое можно сказать и о любом ином исполнительстве и режиссуре. Есть текст (пьеса, сценарий), а остальное — расстановка смысловых и эмоциональных акцентов, выбор ракурсов, антуража, пластики, интонаций голоса и пр. — это уже фантазии режиссера, актеров, художника, композитора, оператора (в кино) и др., т.е. — их коллективная интерпретация текста, направленная не на то, чтобы точно воспроизвести текст пьесы или сценария и авторские ремарки, а на создание художественного образа в соответствии с концепцией, задуманной, как правило, режиссером-постановщиком. То есть все то же самое, как и при музыкальном исполнении, но там в роли «режиссера» выступает дирижер.

Здесь существенно и то, насколько нарушается авторский текст. Есть ведь и определенные этические пределы такого нарушения. Насколько я знаю, все пьесы Шекспира очень длинны и в соответствии с современными нормами длительности спектакля ставятся

112 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

с большими купюрами. Интересно, как бы прозвучала симфония Бетховена с купюрами или читался бы сокращенный вариант «Евгения Онегина»? А ведь есть и такие опыты. Например, сокращенный («карманный») вариант «Войны и мира» (для чтения в метро) объемом всего в 200

страниц, репродукции фрагментов живописных полотен, некоторые «длинные» оперы традиционно ставятся с купюрами и т.п.

Теперь я перехожу ко второй области применения фантазии — к игре.

В принципе игра актера на сцене отличается от детской игры в «межзвездные войны» или «динозавров» или от игрового поведения взрослых в быту (в любовных ухаживаниях, в отношениях в семье, в поведении в присутствии начальника и пр.) очень мало; только уровнем мастерства и степенью имитации реальности. Для нас существенно то, что в основе всего этого также лежит фантазия, мистификация, имитация чего-то реального. При этом сами участники игры отдают себе полный отчет в том, что это не более, чем игра, и даже дети редко когда «заигрываются» до веры в то, во что они играют. Показательно, что в течение XX века детская игра эволюционировала от «игры в жизнь» к «игре в кино». Современные дети больше играют (т.е. имитируют) не события истории или бытовой жизни родителей, а то, что они видели по телевизору. Но фильмы жанра «фэнтэзи», которые чаще всего и становятся предметом имитации и интерпретации в играх современных детей, никогда и не претендуют на то, чтобы их воспринимали как реальность, и не пытаются ее имитировать. Так что современные дети хорошо знают, что они играют в сказку и не более того.

Это тоже нельзя назвать намеренным обманом. Это имитация реальности, совершаемая с художест-

Культура как обман 113

венной или развлекательной целью. И даже в игровом поведении взрослых, где, изначально стимулом, несомненно, является некая корыстная цель (добиться чего-либо), часто игра становится самоцелью, выходит на первый план.

Многие со мной не согласятся, но я еще раз настаиваю на том, что все искусство — это не более, чем «ложь во спасение», универсальная «жилетка», в которую могут поплакать все.

4. Гипотезы. В принципе термин гипотеза означает, в первую очередь, этап научного исследования, когда, прежде чем приступить к анализу материала, ученый теоретически предполагает и публично объявляет наиболее вероятный результат этого анализа. Сам процесс исследования уже посвящен подтверждению или опровержению высказанной гипотезы. Ученый никогда не будет исследовать то, на предмет чего у него еще не сложилась некоторая гипотеза. Собственно появление гипотезы и является стартовым импульсом для начала исследования.

Можем ли мы считать такую гипотезу обманом? Конечно, нет. Она еще не доказана, но это предположение выстраивается на основании уже каких-то имеющихся данных, которые свидетельствуют о высокой вероятности того, что гипотеза верна.

Другое значение слова гипотеза сводится к тому, что ученый предлагает наиболее вероятное, на его взгляд, объяснение тому явлению или процессу, по которому у него нет или катастрофически не хватает фактических материалов для эмпирического исследования (например про НЛО). Гипотезы этого типа обычно делятся на футурологические (предсказания будущего на основе наблюдаемых ныне тенденций развития), исторические (ретроспективное объяснение какого-то со-

114 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

бытия прошлого по аналогии с похожим или на основании известных данных о последствиях этого события) и актуальные (объяснение какого-либо явления или процесса современности, в отношении которых почти нет возможности для проведения эмпирического исследования). Самой распространенной формой футурологических гипотез является прогноз погоды, сбывающийся примерно в половине случаев; но в этом виноваты не метеорологи, а крайнее несовершенство приборов, которыми они пользуются, и сам алгоритм их прогностической деятельности. Самой распространенной темой актуальных гипотез являются рассуждения об НЛО, что, надеюсь, не требует комментариев с моей стороны.

Подобные гипотезы, как правило, строятся на основании обобщения очень незначительного объема фактического материала (в случае с прогнозом погоды обрабатывается довольно много данных, но составляющих незначительный процент от того, что требуется учесть и проанализировать) и, хотя они иногда подтверждаются впоследствии, но на самом деле здесь уже больше элементов художественной фантазии и интуитивных прозрений, чем научных оснований. Этот тип гипотез я бы уже отнес к информации, построенной на совершенно недостаточном объеме достоверных сведений, т.е. фантазиям, сопоставимыми с такого же рода журналистскими прогнозами (тоже иногда сбывающимися, но по теории вероятности примерно 7% каких угодно прогнозов сбываются; например, центурии Нострадамуса, по подсчетам британских специалистов, реализовались ровно на 7%, то же можно сказать и о других предсказаниях).

И, наконец, еще один тип гипотез, распространенных, быть может, более всех иных. Речь идет обо всей

Культура как обман 115

мировой философии (как материалистической, так и богословской). В отличие от ученого,

который что-то эмпирически изучает, философ изучает только труды других философов, и его работы представляют собой плод его вольных размышлений, основанных только на его личных представлениях о бытии, человеческой жизни, проблеме ценностей, способов познания мира и т.п. Отсюда философия того или иного автора в существенной мере определяется событиями его личной биографии и уровнем его эрудированности в мировой философской мысли. Разумеется, о каких-либо доказательствах истинности его точки зрения здесь речь не идет. Философ думает и утверждает, а не изучает и доказывает.

А отсюда его рассуждения лишь в лучшем случае являются гипотезами, а, преимущественно, фантазиями на вольную тему, хотя и разбитыми на установленные жанры: онтология, аксиология, эпистемология и т.п. Все это, естественно, не требует никаких доказательств; лучшим доказательством является авторитет самого автора и ссылки на суждения других авторитетов. В этом отношении материалистическая философия ничем не более доказательна, чем богословие или эзотерика. Все они ведут свой генезис из первобытной мифологии, когда человек действительно ничего не знал о мироздании и придумывал какие угодно сентенции на этот счет. Со временем эти сентенции разделились на теологические (признающие первопричиной всего Бога) и материалистические (считающие первопричиной процесс саморазвития материи).

Исключением является только логика, связанная с математической системой доказательств и тем самым более аргументированная в своих утверждениях.

Я понимаю, какие филиппики я вызываю на свою голову. Конечно, я как жесткий сторонник позитивиз-

116 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ма, вообще отвергающего какую-либо философию, как не науку, а размышления на отвлеченные темы (в этой позиции моими предшественниками были Г. Спенсер, О. Конт, И. Тэн, Р. Авенариус в прошлом веке, породившие Ч. Дарвина и методологию эволюционизма, а ныне представители неопозитивизма: Т. Кун — автор понятия «парадигма», — И. Лакатос, К. Поппер, С. Тулмин, К.П. Фейрабенд и др., на взглядах которых ныне строится вся современная философия познания), стою на крайних позициях. Истина, как всегда, пролегает (или поползает) где-то посередине (это ее экзистенциально зафиксированное место).

Но, тем не менее, я утверждаю: философия — это наиболее распространенная, хотя и наукообразная форма голословных и субъективных рассуждений, часто очень умных и интересных, но никак не доказуемых в своей истинности. В конечном счете, это гипотезы обо всем на свете, но основанные не на научных данных, а на мнении предшествовавших поколений философов. В этом и заключается вся доказательная часть философии.

Другое дело, что среди философов есть немало специалистов, эрудированных не только в истории философии, но и в других областях. В этой связи в недрах самой философии родилось и такое понятие как «спекулятивная философия», построенная только на процедуре философствования и не включающая никаких эмпирически доказанных данных.

Разумеется, человечество нуждается и в такой форме интеллектуальной рефлексии. Но в глазах ученого эта форма рефлексии, с одной стороны, касается самых высоких и сложных материй бытия, а, с другой — по уровню своей фактологической обоснованности, — мало чем отличается от обычной публицистики. Это

Культура как обман 117

тот случай, когда очень высокая сложность языка и формы построения рассуждений камуфлирует их полную бездоказательность.

А в соответствии с логикой нашего исследования, принятой в начале статьи: бездоказательная информация —• есть обычный нарратив, т.е. по преимуществу ложная, искаженная или субъективно проинтерпретированная информация.

5. Интерпретация. Каждый человек как личность формируется неисчислимой суммой обстоятельств. Он принадлежит к какой-то этнической и какой-то социальной культуре, его воспитывали определенные родители, учили определенные учителя, его личная биография была насыщена самыми разнообразными событиями, он читал те или иные книги, смотрел те или иные спектакли и фильмы, слушал ту или иную музыку. Его вкусы, оценки, пристрастия, ценностно-нормативные установки представляют из себя более или менее уникальную композицию. Соответственно уникальным является и его суммативный взгляд на мир, то важное и значимое, что он в нем выделяет, на чем он делает акценты при рассказе о чем-либо, а что считает несущественным.

Из этого следует, что, когда человек рассказывает нам что-то, его рассказ является уникальной интерпретацией того, о чем он рассказывает, соответствующей особенностям его личности, психического склада и т.п. Иначе говоря, показания 10 свидетелей об одном и том же будут десятью разными рассказами, построенными на десяти разных взглядах на мир и столь же разных интерпретациях увиденного.

Более того. Если эти 10 человек были не свидетелями одной и той же коллизии, а, скажем, прочли одну и ту же книгу, то и в этом случае мы получим десять

118 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

разных пониманий, оценок и опять-таки интерпретаций прочитанного текста, варьируемых суммой социального и личного жизненного опыта, которым владеет каждый из участников эксперимента. Да плюс ко всему кто-то из рассказчиков захочет произвести на вас хорошее впечатление воспитанного и интеллигентного человека, а кто-то, напротив, захочет эпатировать вас страшными деталями и т.п.

Так какой же из рассказов будет наиболее точным, соответствующим тому, что наблюдалось и было прочитано? Никакой и одновременно все десять. Мы опять возвращаемся к теории нарратива, в соответствии с которым любой рассказ о чем угодно — всегда субъективен. По нему вы скорее составите впечатление о личности рассказчика, нежели о том, о чем он рассказывает.

Следовательно всякий индивидуальный рассказ всегда более или менее недостоверен, в нем смещены акценты, детали, ракурсы и пр. в соответствии с особенностями личности рассказчика. О чем бы вам ни рассказывал человек (даже, когда он пишет учебник по сопротивлению материалов), он рассказывает прежде всего о себе (пусть даже на примере сопротивления материалов). Таким образом, составить верное и полное представление о чем-либо на основании чьего-либо рассказа практически невозможно. Нужно выслушать десятки рассказов, систематизировать их и выделить нечто общее, что присутствует во всех рассказах, отсеять индивидуальные впечатления; это общее и будет неким «словесным портретом» правды.

Следовательно, любое изложение любого текста любым человеком всегда будет содержать в себе только часть правды о предмете рассказа, со значительными искажениями, детерминированными особенностями личности самого рассказчика. Это и есть нарратив. Выше я

Культура как обман 119

уже говорил о том, что качество художественного исполнения оценивается по степени оригинальности исполнительской интерпретации (т.е. по степени нарушения авторского замысла при одновременном соблюдении корректности по отношению к авторскому тексту).

Главное, к чему мы пришли, это то, что любая речь любого человека (устная или письменная) есть либо симулякр (ложь, пустышка, фальсификация), либо нарратив (фактический рассказ о себе, на основе формального повествования о чем-либо). Конечно, есть и исключения: военные приказы, служебные распоряжения, техническая документация и пр., хотя и здесь могут встречаться элементы нарратива. Например, предвыборные речи кандидатов в президенты США специально выстраиваются так, чтобы под видом изложения своей политической программы кандидат в основном рассказывал о своих личных достоинствах. Очевидно, за всем этим стоит такая закономерность: чем бы человек не занимался, его все равно больше интересует собственная значимость в этом деле, чем дело само по себе. Отсюда и карьеризм, и служебные фальсификации.

Таким образом, мы приходим к неутешительному выводу. Практически любая информация (может быть, за исключением служебной технической), которая доходит до нас, есть обман — намеренный или ненамеренный, фантазия, гипотеза или нарратив. Соответственно и вся культура (в корпус которой не принято включать служебную техническую информацию) это набор симулякров или нарративов.

Парадоксально другое: для существования и функционирования культуры все это не имеет никакого значения. Например, что меняет в нашей жизни тот факт, что мы знаем, каким был Наполеон на самом деле, или верим эмоциональной фальсификации Толсто-

120 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

го? Существенно ли то, похожа ли Венера Милосская на свой прототип или нет? Точны ли в своем повествовании евангелисты (постоянно противоречащие друг другу) или у Михаила Булгакова история Страстей Господних изложена более достоверно? Если говорить о прошлом, то мы знаем преимущественно нарративы, а если о настоящем — то симулякры (т.е. сфальсифицированные сообщения СМИ). И, тем не менее, ничего страшного не происходит.

Наверное, в социальной жизни справедливо утверждение о том, что правда рано или поздно восторжествует или, по крайней мере, станет известна. В культуре — это совершенно необязательно, тем более, что никакой правды в культуре нет. Истина важна для науки и связанного с ней технического прогресса, а для культуры она никакого значения не имеет. Культура это мифологема, если хотите — тотальная «ложь во спасение», выполняющая по отношению к человеку очень важную психико-компенсаторную функцию; и одновременно это набор «социальных конвенций», регулирующих:

- ▶ процедуру обмана,
- ▶ порядок его восприятия, усвоения и интерпретации, в) порядок поведения в соответствии с этими ложными установками.

Теперь следует определить, к какому жанру обмана относится эта глава. Я думаю, что к «спекулятивной философии» постмодернистского направления.

В заключение осталось лишь восславить симулякр и нарратив — легендарное прошлое и светлое будущее всего человечества!

Культура как сексуальная репрессия

Мысль о том, что нормы и обычаи сексуальных отношений на протяжении всей истории являлись своеобразной репрессией по отношению к индивиду, принадлежит Мишелю Фуко («гипотеза подавления»)¹. Но он не интегрировал эту идею в общекультурный контекст и объяснял это подавление имманентной потребностью общества в проявлении власти над индивидом, особенно эффективной в сферах, где индивид не может оказать сопротивления. Сейла Бенхабиб, напротив, показала, что нормы сексуальных отношений в существенной мере лежат в основе человеческой культуры как таковой², но их ограничительный характер трактуется ей как положи-

¹ Фуко М. История сексуальности. Т. 1. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. — М., 1996. Следует отметить, что Фуко детально исследует этот вопрос, только начиная с XVII в., но контекстуально речь идет обо всей истории человечества.

² Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. — М., 2003.

124 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

тельное достижение культуры и — более того — чем больше ограничений (чем масштабней подавление), тем выше, по ее мнению, уровень культуры данного общества.

Третьим источником этой работы стала книга Энтони Гидденса¹, где он описывает процесс фактической ликвидации наиболее одиозных сексуальных ограничений в ходе «сексуальной революции» последней трети XX века, хотя — в отличие от Фуко, с которым он спорит, — Гидденс не считает эти ограничения каким-либо подавлением, а скорее наследием традиций патриархата (ведь ограничения касались преимущественно женщин), но в целом — очень важной сферой человеческой культуры in general².

Попытка синтеза этих трех интересных взглядов и стремление выявить основную целеустановку сексуальной репрессии, инструментально осуществляемой средствами культуры, стали основой этого небольшого исследования.

Итак...

Культура не живое существо и у нее не может быть собственных целеустановок. Цели есть у общества, которое реализует их с помощью разных инструментов, и одним из наиболее универсальных является культура. Но все-таки, если попытаться среди целей, реализуемых обществом с помощью культуры, выделить основные, то в число главных, несомненно, попадет и такая оригинальная сверхзадача, как избавление человека от следов его животного происхождения. Так сказать — «дезанимализация» человека, преодоление наследия того, что человек — это еще и биологическое

¹ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. — СПб., 2004.

² В наиболее общем ее понимании (англ.).

Культура как сексуальная репрессия 125

существо, а конкретно — млекопитающее (Homo sapiens), несущее в себе весь набор черт, свойственных высшим млекопитающим.

По всей видимости, такая задача стала актуальной для религий постмифологической эпохи, жестко отделивших человека от природы, а затем и культур «послеосевого времени» (с середины I тысячелетия до н.э. и далее). Недаром во все последующие века наиболее культурным и высокодуховным считался человек, полностью подавивший в себе все животные инстинкты и доведший себя до пределов физиологической аскезы. «Я мыслю, значит, я существую!» — изрек Р. Декарт¹, кстати, известный апологет возвращения к природным началам человека. Но Дарвин к тому времени еще не родился; отсюда и представления Декарта о том, к чему следует вернуться, были весьма туманны. Во всяком случае, его знаменитая сентенция означает, что биологические (то есть животные) качества человека в расчет не берутся.

Хотя вопрос о животном происхождении человека получил научные доказательства и стал доступным широкой публике только во второй половине XIX века (работа Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» была опубликована в Лондоне в 1871 г.), но и много раньше некоторыми мыслителями и Запада и Востока высказывались идеи, близкие к этому; намеки на это встречаются и в священных текстах ряда религий (преимущественно восточных). Сходство некоторых проявлений человеческого натуры с животными было совершенно очевидно для людей древней и средневековой эпох, общавшимися с животными гораздо ближе, чем современные жители мегаполисов.

¹ Декарт Р. Избранные произведения. — М., 1950. — С. 480.

126 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Проблема избавления человека от какого-либо сходства с животными стала весьма актуальной для культуры, особенно со времен распространения христианства и ислама. Назвать человека животным (ослом, собакой, змеей) или подчеркнуть какие-то элементы сходства с животным было явным оскорблением. Здесь следует обратить внимание на то, что сравнение человека с неодушевленным предметом (тверд как скала, яростен как солнце и т.п.) было формой похвалы, а сравнение с животным (элегантен как корова) — оскорблением. И это было не случайно. Потому что в этом была доля правды, явная для всех, но табуированная, запретная для публичного обнародования. Возможно, такой запрет ведет свое происхождение еще со времен первобытного тотемизма¹.

Возникает вопрос: а что плохого в нашем животном наследии? Почему этого следует стесняться и, тем более, бороться с этим? Общественное мнение ошибочно включает в перечень животных атавизмов такие человеческие качества, как агрессивность, уничтожение себе подобных, истребление природы. Но на самом деле — все это не имеет отношения к нашему животному происхождению и было приобретено уже на антропной стадии развития². Человек оказался жителем планеты Земля, на много более вредоносным, чем все другие виды. И, тем не менее, доктор биологических наук В.Р.Дольник задает более чем справедливый вопрос: «Никого из нас не заливают краска стыда из-за того, что все мы рождаемся и умираем, как животные. Отчего же стыдиться, что во многих своих

¹ Наговицын А.Е. Древние цивилизации: общая теория мифа. — М., 2005. — С. 247.

² Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? — М., 1999.

Культура как сексуальная репрессия 127

пристрастиях и поступках мы руководствуемся инстинктом?»¹

В числе же собственно биологических (т.е. животных) проявлений человека следует выделить четыре главных:

- ▶ рождение и вскармливание младенцев по модели млекопитающих;
- ▶ пополнение энергозапаса (т.е. еду и отдых);
- ▶ индивидуальную смертность;
- ▶ инстинкт размножения (сексуальность).

Отношение культуры к проблеме рождения и вскармливания детей всегда отличало то, что об аналогии с животными здесь вопрос и не ставился (хотя на самом деле, здесь наша близость наиболее очевидна), а проблема репродукции людей в максимально возможных количествах до XX века была предельно актуальна. Не забудем, что до середины XIX века медицины в современном ее понимании фактически не было, и уровень детской смертности как минимум превышал 50%, что стимулировало женщину даже в XIX веке рожать более 10 раз, а в первобытном обществе, когда женщина жила примерно 30 лет, она рожала не менее 15 раз за жизнь (т.е. фактически ежегодно; такая предельная нагрузка на организм и являлась одной из причин сравнительно ранней женской смертности). Но это было ее долгом и перед семьей, и перед обществом в целом и обсуждению не подлежало (и в иудейском, и в христианском богословии, наиболее трепетно относящихся к вопросу отличия человека от животного).

Отношение культуры к восстановлению энергозапаса человека имеет большой разброс позиций от

¹ Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. — М.-СПб., 2004 — С. 13.

128 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

крайностей эпикурейства до столь же крайней пищевой аскезы, принятой во многих религиях мира (особенно среди монашествующих), постов и прочих пищевых ограничений. В XX веке в этот вопрос вмешалась еще и медицина, которая, опираясь в основном на опыт восточных религиозных практик, предлагает свои оздоровительные диетологические системы.

Не будучи медиком, я не берусь судить, насколько пост или диета полезны для организма человека. Предположим, что полезны. А вот то, что они в большей или меньшей мере вредны для его психики — это самоочевидно. Человек, изнуряющий себя искусственными самоограничениями, сам вырабатывает в себе определенные формы психопатического отношения, к тому, чего он себя лишает. Вся психоаналитика XX века в той или иной форме свидетельствует об этом¹. Вывод самоочевиден. Если хочешь быть физически здоровым, — ограничивай себя во всем мыслимом и немислимом. Но если хочешь быть психически нормальным, — напротив, ни в чем себя не ограничивай. Вот и весь выбор.

Так или иначе, восстановление энергозапаса является необходимым условием существования человека. И сколь его не ограничивай, полное воздержание от еды и отдыха ведет к неминуемой гибели, что всегда рассматривалось и в правовой, и в гуманистической, и в религиозной мысли как преднамеренное убийство или самоубийство и этически не поддерживалось (считалось грехом). Вместе с тем, воздержание

¹ В целом, см. Фрейд З. *Психоанализ. Религия. Культура*. — М., 1992; Уэллс Г. *Крах психоанализа*. — М., 1978; Хорни К. *Культура и невроз// Психология личности. Тексты*. — М., 1981 и др.; в более популярном изложении см.: Вацлавик В. *Как стать несчастным без посторонней помощи*. — М., 1990.

Культура как сексуальная репрессия 129

до пределов, не угрожающих жизни (т.е. подавление в себе животного инстинкта к насыщению), напротив, приветствовалось как **одно** из проявлений торжества духа над плотью. С современных реалистических позиций трудно понять, какое торжество духа заключено в чувстве голода, и почему голодный — духовней сытого.

Наверное, этот вопрос лучше оставить для дискуссии философов и богословов, а сам я, как антрополог, отношусь к нему как надуманному и очень далекому от реалий повседневности. В этом отношении бытовые народные традиции, требующие прежде всего накормить гостя, гораздо ближе к жизни. Исторически выявилось лишь то, что голодный — гораздо агрессивней сытого, и гораздо дешевле его накормить, чем терпеть последствия агрессии. Кстати, на этом строятся и современные концепции классового компромисса; государству выгоднее экономически гасить недовольство неимущих путем повышения пособий по безработице и других социальных льгот, чем бороться с их насилием — революцией.

По-своему самой сложной является проблема индивидуальной смертности. Нам не известно отношение животных к этой проблеме, но, судя по развитому инстинкту самосохранения, они, безусловно, стремятся избежать преждевременной гибели. Тем не менее, животные проявляют чувство отторжения по отношению к своему умершему собрату, по возможности обходят его тело стороной, а в некоторых случаях и очищают свое жилище от мертвых тел (например, муравьи)¹.

Археология и этнология утверждают, что первый интеллектуальный и образно-символический интерес

¹ Дольник В.Р. *Указ. соч.* — С.48.

130 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

к смерти относится к эпохе существования неандертальцев¹. Им принадлежат первые захоронения и даже символическое оформление могил (условная датировка — примерно 60 тысячелетий тому назад), что трактуется многими учеными как зарождение ранних еще проторелигиозных воззрений². Впрочем, этот вопрос находится еще в стадии научной дискуссии³.

Так или иначе, но на протяжении истории именно эта проблема лежала в подоснове всякой религии: является ли смерть полным исчезновением человека и существует ли какое-то посмертие? Как известно, практически все религии в разных формах развивали теорию посмертного существования, основанную на идее души — внетелесной (и, видимо, внебиологической) составляющей человека, которая при тех или иных условиях в тех или иных формах будет существовать и после физической смерти тела. Следует сказать, что эта экзистенциальная парадигма являлась очень важной психико-компенсаторной позицией, морально поддерживающей людей; и заслуги религии, как системы психологической компенсации, особенно для людей с низкой индивидуальной конкурентоспособностью или с плохим здоровьем здесь трудно переоценить⁴.

И хотя физическая индивидуальная смертность была непреодолима, теоретически обоснованное посмертие опять-таки проводило непреодолимую грань между человеком и животным; для животных никакое

¹ Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. *История первобытного общества*. — М., 1982.

² Ламберт Д. *Доисторический человек. Кембриджский путеводитель*. — Л., 1991.

³ Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического процесса). — М., 1996; Дольник В.Р. Указ. соч.

⁴ Флиер А.Я. Религия // Флиер А.Я. Культурология для культурологов. — М., 2000. Основные понятия и категории культурологии. Тезаурус.

Культура как сексуальная репрессия 131

посмертие не предусматривалось (кроме как в теории реинкарнации, согласно которой душа умершего человека могла переселиться в любой объект, включая и животного; а значит многие животные — есть точки переселения душ некоторых умерших людей; вопрос

о наличии души у самого животного и ее реинкарнации в теории не рассматривается, что свидетельствует скорее об отрицательной позиции по данному вопросу).

Однако самым серьезным предметом социокультурной регуляции и преодоления животного наследия стала человеческая сексуальность. Причем началось это очень рано, по крайней мере, со времен кроманьонцев — т.е. самых ранних представителей вида *Homo sapiens*.

Принято считать, что в ранних родовых общинах господствовал полный ничем не ограниченный промискуитет. Но это не совсем так. Судя по некоторым этнографическим данным, уже в этот период действовал запрет на межпоколенные интимные связи, т.е. между родителями и детьми¹. Затем, когда с опытом многих поколений пришло знание об опасности близкородственной репродукции, люди перешли на так называемую дуально-фратриальную систему брачных связей. В соответствии с ней между двумя родами, живущими в реальной досягаемости друг от друга, заключался своеобразный союз, по условиям которого все мужчины рода А имели право на всех женщин рода Б и наоборот, а внутриродовые брачные связи (экзогамия), напротив, были запрещены².

При этом каждый род оставался самостоятельным хозяйственным коллективом; а поскольку установле-

¹ Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей Северно-Западной Меланезии // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. — М., 2004.

² Шнирельман В.А. Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпохи первобытной родовой общины. — М., 1996.

132 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ние персонального отцовства при такой системе было невозможным (все женщины рода А были сексуальными партнерами всех мужчин рода Б и наоборот, т.е. имела место просто ограниченная форма промискуитета), то ребенок разделял судьбу матери (т.е. относился к ее роду), и именно в этом и заключался знаменитый матриархат. Никакого социального преобладания женщин над мужчинами никогда в истории не было; это все домыслы исторических романтиков XIX века. Хотя уже через несколько поколений большинство представителей обоих родов становились отдаленными кровными родственниками, но все-таки непосредственные сексуальные контакты между родителями и детьми, родными братьями и сестрами (и рождение детей, зачатых при подобных контактах) при этой системе исключались.

Далее, с наступлением эпохи неолита (10 тысяч лет тому назад) образовалась патриархальная нуклеарная семья (по некоторым предположениям, поначалу гаремная¹). В этих новых условиях женщина стала неотъемлемой собственностью своего мужа (как сексуальной, так и хозяйственной), любые формы внебрачного секса религия объявила смертным грехом, а социальные нормы преследовали со свойственной тому времени жестокостью. Именно в это время и формируется свод нравов, запрещающих добрачные сексуальные связи (по крайней мере, для женщин), создается фольклор, воспевающий девственность как высшую добродетель, а любое проявление сексуальной свободы (опять-таки у женщин) почти всегда каралось смертью². В качестве примера вспомним евангельский

¹ Бахолдина В.Ю. Происхождение человека. — М., 2004.

² Гидденс Э. Указ. соч.

Культура как сексуальная репрессия 133

эпизод с Марией Магдалиной, чья распутность чуть было не привела к ее убийству толпой религиозных фанатиков.

Одновременно в это же время формируется и знаменитый двойной стандарт, запрещавший женщинам то, что среди мужчин формально не одобрялось, но не было категорически запретным. Т.е. мужчина по этому двойному стандарту имел, пусть неофициальное, но вполне реальное право на внебрачные сексуальные связи. Это было особенно важным для юношей, еще не имевших экономической возможности жениться, но у которых в это время (16-18 лет) возникал комплекс гиперсексуальности, что при категорическом запрете на нетрадиционные формы его удовлетворения (гомосексуализм, мастурбацию), решалось только посредством обращения к услугам проституции (в той или иной ее конкретной форме, весьма разнившейся у разных народов)¹. В аристократических семьях эту функцию обычно выполняли гувернантки или кто-нибудь из домашней прислуги.

Именно в это время профессия, легендарно считающаяся древнейшей, родилась и оказалась

социально востребованной (в предшествующую эпоху сексуальная близость была столь легко доступной, что на этом невозможно было что-либо заработать). Как правило, проститутками становились вдовы (по условной оценке историков, в варварскую эпоху почти каждая вторая женщина к 30 годам уже теряла мужа²), которые просто не имели другого способа прокормиться. На их образ жизни и промысел общество закрывало глаза, хотя к другим проституткам относилось весьма агрессивно

¹ Гидденс Э. Указ. соч.

² Уоллес Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье. 400-1000. — СПб., 2002.

134 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

и в целом отличалось приверженностью к крайним формам того самого двойного стандарта, по которому мужчинам можно было все, а женщинам — ничего¹. В это же время начал развиваться и институт рабынь-наложниц, на которых не распространялись нравственные ограничения, актуальные для свободного населения². Но рабынь нужно было еще и кормить, давать им кров и т.п., так что содержание наложниц (для себя и своих сыновей) могли позволить себе лишь более или менее состоятельные люди.

Дальнейшее рассмотрение истории сексуальных норм просто не имеет смысла, поскольку вплоть до «сексуальной революции» 1960-70 гг. отношение к сексу и сексуальной потребности человека оставалось более или менее стабильным: женская сексуальность преследовалась тотально (даже женский оргазм рассматривался как форма истерии, которую следует преодолевать³); отношение к мужской сексуальности было более либеральным, но в целом и на нее накладывалось множество ограничений, допускавших только наиболее традиционные формы ее удовлетворения, что далеко не всегда соответствовало реальным социальным условиям (например, материальным возможностям мужчины).

Возникла парадоксальная ситуация. Демографическая потребность в размножении была очень велика (особенно в периоды массовых эпидемий, которых в древности и средневековье было немало), но культура (и в первую очередь религия) накладывали на интимные отношения массу ограничений. Многодетность считалась одной из высших добродетелей,

¹ Блох И. История проституции. — М., 1994.

² Тэннэхилл Р. Секс в истории. — М., 1995.

³ Гидденс Э. Указ. соч.

Культура как сексуальная репрессия 135

а секс — одним из самых страшных грехов. Где же выход? В конечном счете, сексуальная близость разрешалась только в репродуктивных целях, в условиях семьи и в очень ограниченные временные промежутки (огромное число дней в году приходилось на религиозные праздники и другие события, во время которых близость была запрещена).

Разумеется, наиболее существенную роль здесь играли религиозные нормы. Они были по-своему наиболее жесткими в религиях «авраамического корня» — иудаизме, христианстве и исламе, по догматике которых человек стал биологическим существом только в наказание за первородный грех, любые его биологические потребности были а priori греховны и их надлежало сдерживать. Религии Востока в основном не заостряли внимания на биологической сущности человека и были более терпимы к его биологическим потребностям. Тем не менее, и здесь «правильным путем» считалась аскеза.

Продолжая эту традицию, секулярная философия Просвещения и последующих веков считала биологическую сущность человека низменной, бездуховной, подлежащей подавлению. Тем не менее, между «неолитической революцией» 10 тысячелетия до н.э. и «молодежной революцией» последней трети XX века отношение к биологической сущности человека прошло определенную эволюцию, хотя сдвиги в вопросе свободы секса (прежде всего по отношению к сексуальной самодостаточности женщин) за этот огромный исторический период были совершенно незначительными.

Разумеется, были и исторические периоды, когда нравы в большей или меньшей мере распускались: имперский период древнего Рима (I-V века н.э.), Западная Европа эпохи Ренессанса (XV век), барочная эпоха

136 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

(XVIII век), эпоха Модерна (рубеж XIX-XX веков). Но и это тоже были по преимуществу периоды более или менее откровенной распущенности мужчин. Женщина обязана была быть «сосудом невинности» (хотя без ее участия распущенность мужчин была бы малореальной). Помимо того следует помнить и о том, что в разных сословиях жесткость культурных ограничений в этой области различалась: особой нетерпимостью отличались субкультуры крестьян, городского плебса и низших слоев духовенства, при том, что аристократия и высшее духовенство (в большинстве своем — выходцы из среды аристократии) по отношению к своим собственным пожеланиям были настроены гораздо либеральней. Кроме того, не следует забывать, что в культурах разных народов сексуальные

ограничения, хотя и присутствовали обязательно, но были акцентированы на разных аспектах (например, в странах Азии к востоку от Памира практиковалась крайняя жестокость в отношении супружеских измен, но проституция расцветала вполне легально и считалась обязательным компонентом социального равновесия).

Так или иначе, нас сейчас интересуют не конкретные формы отношения к сексу в тот или иной исторический период или в культуре того или иного народа, а тот факт, что культура на протяжении всей истории человечества (начиная, по крайней мере, с верхнего палеолита) являлась сексуальной репрессией, формой ограничения естественных биологических потребностей человека. Я думаю, что причиной тому было не столько стремление коллектива продемонстрировать свою власть над индивидом, как утверждает М.Фуко¹, но в большей мере чисто идеологической установкой,

¹ Фуко М. История сексуальности. Т. 1. Воля к знанию. — С. 111-132.

Культура как сексуальная репрессия 137

особенно репрессивной в отношении женщины, как «сосуда греха», в силу своих детородных функций в большей мере ассоциировавшейся с миром животных¹. Показательно, что в процессах Святейшей инквизиции, мужчины крайне редко обвинялись в сношениях с дьяволом; это обвинение распространялось преимущественно на женщин².

Искусственное подавление природной сексуальности человека, по мнению корифеев психоанализа, являлось причиной подавляющей части психологических девиаций. Т.е. человечество на протяжении истории само себя сводило с ума, пытаясь ограничить свои естественные биологические потребности, преодолеть свое зоологическое наследие (вытравить из себя животное).

Среди животных нет сумасшедших, потому что они не ограничивают себя в удовлетворении своих биологических потребностей. (На самом деле это не совсем так; например, запрет на межпоколенные половые связи свойственен и большинству высших млекопитающих, но это совершенно незначительное ограничение в условиях многочисленной стаи.) И хотя в среде животных достаточно сильны разного рода социальные регулятивы (порой не уступающие своей категоричностью и человеческой культуре), но они не касаются процессов восстановления энергобаланса, смерти и биологического воспроизводства. Это те биологические процессы, которые регулируются индивидуально (или течением обстоятельств), а социальные нормы уже подстраиваются под них.

Для наглядности, представьте себе набор культурных или социальных установлений, которые предписы-

¹ См., например: Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. М., 1990.

² Шпренгер Я., Инститорис Г. Указ. соч.

138 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

вают человеку, как ему положено умирать. В культуре есть набор определенных установок, классифицирующих смерть как достойную или недостойную; но это в основном относится к выбору формы принятия насильственной смерти. А вот до предписаний о том, как правильно умирать от рака или от инсульта, наша культура еще не додумалась. Хотя у нее все еще впереди, доживем и до этого.

Парадокс видится в том, что человеческая культура, как способ преодоления природности человека и его биологичности, своими ограничениями (и в частности сексуальной репрессией) добилась только возникновения феномена сумасшествия (как неизбежной реакции психики на ограничения такого рода)¹. Сумасшествие — не природное свойство человеческой психики, а результат чрезмерной культурной регуляции человеческого бытия. Давайте смотреть правде в глаза. Культура — это не только высшее достижение человеческого существования; как и всякое зеркало, она имеет еще и обратную сторону. И обратной стороной культуры (или неумеренности в ее доминировании над индивидом) является сумасшествие. Фуко, переосмысляя Фрейда, считал безумие результатом доминации общества над индивидом²; но власть общества над индивидом — это и есть культура³ (в какой бы форме это не проявлялось).

Всем известна знаменитая сентенция Энгельса о том, что труд создал человека. Полтора века развития палеоантропологии, прошедшие с тех пор, полностью опровергли эту концепцию и подтвердили изначальную правоту Дарвина — человека создал секс. Т.е. не

¹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. — СПб., 1997.

² Там же.

³ Флиер А.Я. Культура как власть — в настоящем сборнике.

Культура как сексуальная репрессия 139

развитие трудовых навыков сформировало вид *Homo sapiens*, а половой отбор — отчасти адаптивный, но отчасти и случайный дрейф генов¹. Именно в силу случайности этого дрейфа человек оказался наделенным таким числом чисто биологических недостатков и, в частности, столь низкой физиологической устойчивостью (по сравнению с большинством животных).

Мне уже приходилось писать о том, что культура — это несвобода, это подминание личности коллективным интересом и набором установок, соответствующим коллективным потребностям

(характерный пример — традиции, нравы, обычаи)², что отчасти коррелирует и с «гипотезой принуждения» Фуко³. Теперь этот набор характеристик можно продолжить, утверждением о том, что культура — это главное препятствие на пути физической репродукции человека, по крайней мере, в естественных масштабах.

Вы вправе спросить, а есть ли ныне такая необходимость? Ответу: на протяжении минувших 10 тысяч лет она была, и только в XX веке численность человечества стала приближаться к пороговым значениям. К тому же человеческая сексуальность принципиально отличается от животной: она актуальна и возможна постоянно (а не только в периоды течки самок) и она необязательно связана с репродукцией (физиологическое наслаждение и обретение психологической уверенности в себе, в своей востребованности играют в ней не меньшую роль)⁴. Поэтому дело здесь не только в размножении.

Конечно, было бы нелепым сводить все проявления человеческой культуры исключительно к сексуаль-

¹ Дольник В.Р. Указ. соч., — С. 55.

² Флиер А.Я.. Культура как тюрьма — в настоящем сборнике.

³ Фуко М. История сексуальности. Т. 1. Воля к знанию.

⁴ Антонов А.И. Микросоциология семьи. М., 1998.

140 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ной репрессии. Кстати, и ее преодоление — процесс, длившийся много веков и постепенно, через множество промежуточных этапов приведший к «сексуальной революции» XX века — тоже заслуга культуры. И в этом неопределимая заслуга феминистского движения: культуру победили именно женщины. Победа, отнюдь не бесспорная по своему социальному результату (вспомним и о начавшейся репрессии в отношении мужчин — политкорректность, пока еще не очень жесткой, но будущее покажет), но ставшая хоть каким-то преодолением репрессии по отношению ко всем, с ее тяжелейшими последствиями для психики миллионов людей. Будем считать сексуальную репрессию побочным эффектом культурного развития. Но не слишком ли высока цена, и все ли в культуре развивалось в соответствии с реальными человеческими потребностями или на основе искусственных и антиантропологических установок, навязанных нам мифологией и примитивными религиями древности?

Не могу не процитировать замечательные слова Сейлы Бенхабиб: «Природа не диктует, кому с кем спариваться; однако все известные человеческие общества подвергают спаривание в репродуктивных и иных целях регулированию и создают символическую совокупность значений, на основании которых создаются родственные примеры и учреждаются сексуальные табу»¹. Вдумайтесь в сказанное просвещенной мусульманкой. «Природа не диктует...», а это значит, что все наши культурные ограничения в сфере интимных отношений, самые древние в истории и составляющие весьма существенную часть пласта культурных регулятивов — и в социальной, и в психологической, и даже

¹ Бенхабиб С. Указ. соч. Предисловие к русскому изданию. — С. XLII-XLIII.

Культура как сексуальная репрессия 141

в эстетической области, выдуманы в противоречие с природой. Они навязаны характером социальных отношений в тот или иной период истории и со сменой периодов — меняются, но в них нет ничего естественно-обусловленного. Все проходит, и даже патриархат (уж он то потерял свою социальную значимость со времен Просвещения). Т.е. многомиллионные жертвы помешательства на сексуальной почве, зверства сексуальных маньяков, спровоцированные ничем не оправданными ограничениями (я абсолютно убежден в том, что подавляющей части этих преступлений не случилось бы при наличии легальной системы публичных домов, что в советских условиях было невозможным по идеологическим причинам) — все это лишь дань архаичной традиции, которая только сейчас (и лишь в наиболее развитых обществах) поэтапно начинает преодолеваться. Не слишком ли дорогую цену мы платим за то, что никак не можем отвыкнуть от традиций варварской эпохи?

Развитие системы контрацепции освободило секс от одной тяготы — обязательной репродукции. Теперь интимные отношения в основном удовлетворяют биологическую потребность в сексуальном наслаждении и лишь при желании пары ведут к зачатию. Это очень важное достижение, поскольку раньше вероятность забеременеть (при очень высокой статистике женской смертности при родах) была почти что 90-процентная, что играло немаловажную роль в женской пассивности или нерешительности в этом вопросе¹.

«Сексуальная революция» второй половины XX века решила и еще одну проблему. Наконец, признан безнравственным знаменитый двойной стандарт,

¹ Гидденс Э. Указ. соч.

142 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

действовавший, по меньшей мере, 10 тысяч лет и ставивший мужчину и женщину в неравное

положение в реализации их сексуальной потребности. Теперь в городской среде развитых обществ женщине можно все то, что и мужчине. Одновременно был снят и вопрос о допустимости гомосексуальных связей, «французской любви», мастурбации и других нетрадиционных форм сексуального удовлетворения.

Возможно, что это не всех приведет в восторг. Но меня лично вся человеческая история до восторга не доводит. Чем глубже узнаешь ее, тем менее привлекательной (и уж совсем не романтической) она оказывается. Дюма, Вальтер Скотт, Валишевский, Алексей Толстой и Пикюль напридумывали столько исторического вранья и авторских фантазий, что нам придется разбираться с этим еще не один век.

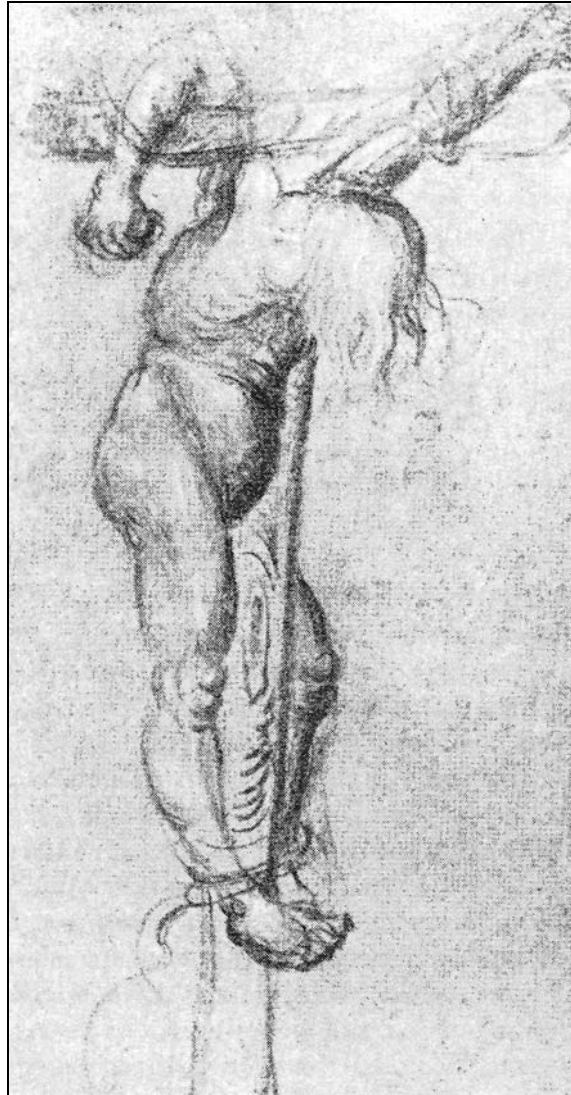
Похоже, что сексуальная репрессия — как одна из глобальных задач культуры — заканчивает свою историю. Справедливости ради, следует сказать, что антропологами, психологами и биологами уже давно поднимался вопрос о том, что этот аспект культуры по мере ее секуляризации теряет свою актуальность¹. Уже нет необходимости стесняться того, что мы животные — приматы вида *Homo sapiens*, и еще неизвестно, каким путем дальше пойдет эволюция, и останемся ли мы (именно мы) представителями высшей формы жизни на Земле.

Скромнее надо быть, уважаемые *Homo sapiens*...

И не создавать искусственных запретов на то, что нам разрешила Природа...

¹ Моррис Д. Голая обезьяна. Человек с точки зрения зоолога. — СПб., 2001; Никонов А.П. Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. — М, 2004; Дольник Б.Р. Указ. соч.

Культура как фактор национальной безопасности

В перечне проблем национальной безопасности современной России первое место занимают угрозы внутреннего характера: региональный сепаратизм, национальный, религиозный и социальный экстремизм, масштабная криминализация экономики и некоторых других в высокодоходных сферах деятельности, «просачивание» криминальных элементов в правящие элиты страны и т.п. Она из

характерных особенностей этих нарастающих угроз — то, что помимо углубления «специализированности» такого рода проявлений, «узкой профессионализации» террористов, заказных киллеров, социальных провокаторов (что вполне типично для современного мира) в России наблюдается широкая «массовизация» разнообразных форм антисоциального или социально-деструктивного поведения — рост количества и численно-

146 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

сти разного рода экстремистских организаций, квазирелигиозных сект, национально-сепаратистских движений, негосударственных военизированных структур, паранаучных обществ и «академий» и т.п. Страну охватила эпидемия массового мошенничества. И это, пожалуй, самое безобидное из всего, что происходит в обществе.

Можно привести причины, порождающие эти угрозы: рост экономического неравенства людей, социальные и национальные противоречия, несовершенство законов, слабость правоохранительной системы, неэффективность администрации, массовая коррупция чиновников, разрушение прежних ценностных идеалов людей и несформированность новых и т.п. Все эти доводы абсолютно верны, но за этим видится одна общая причина: отсутствие в стране условий, стимулов и культурных навыков для равного участия всех граждан в свободной социальной конкуренции на рынке труда и таланта. Это, в свою очередь, ведет к разочарованию существенной части населения в эффективности законных способов обретения социальных благ (материального достатка, престижного статуса, необходимых медицинских и реабилитационных услуг, уважения со стороны референтной группы и т.п.), к массовой маргинализации и криминализации людей, росту социального недовольства, носящего пока еще сравнительно неорганизованные формы, а в результате — к перечисленным выше угрозам национальной безопасности российского общества. На уровне теории хорошо известно, что честно работать, в конечном счете, выгодней и безопасней, чем воровать, но реальная практика нашей жизни пока этой теории не подтверждает. Государство еще не создало для граждан условий, при которых честная работа

Культура как фактор национальной безопасности 147

и легализация своих доходов были бы наиболее надежным способом социальной самореализации индивида.

Проблема не в том, что страной плохо управляют (можно спросить: а когда Россией управляли хорошо?), а в том, что люди лишены стимулов к честной социальной конкуренции законными способами, и власти почти ничего не делают для воспитания в населении склонности к такого рода открытому соревнованию по общепринятым и гласным правилам. Ведь основа гражданского правового общества — не рыночная экономика и демократические формы правления как таковые, а именно склонность к честной конкуренции свободных личностей, где более энергичный, трудолюбивый, способный и профессионально подготовленный человек естественным образом имеет больше шансов опередить конкурентов и заработать больший объем социальных благ. Это и является основой социальной культуры современного общества, и там, где подобная культура выше, существенно ниже уровень внутренних угроз национальной безопасности.

Как известно, все люди разные. Одни рождаются от природы более талантливыми, с повышенными энергетикой и активностью, с лучшим физическим и психическим здоровьем и интеллектуальными способностями, другие в большей или меньшей степени обделены какими-то из этих возможностей; кого-то воспитывают с детства трудолюбивыми и инициативными, иных приучают «не высовываться» и «знать свое место»; некоторые сохраняют «жизненный азарт» до конца своих дней, часть из них по ходу жизни утрачивает или не реализует врожденные задатки, теряет здоровье, энергию, уверенность в себе. Люди по-разному усваивают одни и те же знания и навыки, по-разно-

148 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

му интерпретируют один и тот же социальный опыт и, главное, по-разному применяют его в своей жизненной практике.

Все это тем или иным образом оказывает воздействие, а порой и решающее влияние на уровень фактической социальной конкурентоспособности каждого человека. Одновременно следует подчеркнуть, что высокая конкурентоспособность не обязательно означает пробивание в «звезды» в каких-либо престижных областях деятельности. Наипервейшим признаком достаточной конкурентоспособности, как представляется, служит сам факт высокой профессиональной устойчивости индивида в любой деятельностной нише любого уровня, а формальным критерием — профессиональное признание и уважение со стороны коллег. Разумеется, это не гарантирует такого профессионала от потери работы или сложностей с поиском другого места; но и в том и в другом случае он находится в более безопасной и выигрышной ситуации, нежели явный непрофессионал.

Впрочем, речь идет о социальной конкурентоспособности, которая помимо профессиональной устойчивости и способности к повышению квалификации включает также и социальную

мобильность личности: ее обучаемость, восприимчивость к новациям, способность к перемене профессиональной сферы деятельности, переход в более престижную и доходную область труда, повышение социального статуса, уровня образования и т.п. Социальная конкурентоспособность вовсе не обязательно проявляется в высоконравственных акциях. Например, морально осуждаемый «брак по расчету» может быть оценен как одно из проявлений пусть мало нравственной, но вполне реальной социальной конкурентоспособности человека, его стремле-

Культура как фактор национальной безопасности 149

ния «выкрутиться» из неудовлетворяющей его жизненной ситуации. Или карьеризм, суть которого не столько в нездоровом честолюбии и нечестных способах достижения высоких служебных должностей, сколько в нравственной позиции человека, работающего только на свои личные интересы и более или менее индифферентно относящегося к интересам дела, фирмы и пр. Карьеристы, как правило, весьма социально конкурентоспособные люди. Однако идеальный образец конкурентоспособного человека — это творческая личность, выдающая новационные идеи, технологии, продукты, произведения.

Эти люди далеко не всегда хорошо социально обустроены, но уровень их личностной самореализованности и признание со стороны значимой для них части коллег дают им самооощущение пребывания «вне конкуренции» (что нередко служит вполне объективной самооценкой, хотя обычно и не отмеченной адекватным «социальным вознаграждением»). Но это почти литературный идеал. Абсолютное большинство людей вполне социально конкурентоспособны, не будучи гениальными творцами, а просто хорошо делая то, что они делают. Как правило, общество не требует от них чего-то большего, чем просто добросовестное исполнение своей социальной роли.

Когда же речь заходит о людях неконкурентоспособных, то здесь не имеются в виду люди, утратившие эту способность по объективным причинам (здоровье, возраст, травма, положение беженца), которые должны быть объектами государственного или общественного патронажа в масштабах, способных обеспечить им достойное существование, как это принято во всех цивилизованных странах. Но мы хорошо знаем, что только этой категорией перечень конкурентоспособных лю-

150 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

дей в обществе не исчерпывается. Значительный слой составляют так называемые социальные маргиналы, те, кто по различным «благоприобретенным» (т.е. социальным, а не медико-биологическим) причинам (особенностям воспитания, неблагополучным условиям жизни в детском возрасте, отсутствию профессионального, а порой и общего образования, влиянию антисоциальной среды, общей лени, распушенности и т.п.) не испытывают особой тяги к адекватному общественным нормам образу жизни и стремятся к обретению тех или иных социальных благ различными общественно не одобряемыми способами (криминалом, попрошайничеством и пр.).

Обычно (хотя и не обязательно) существенную часть подобных социальных маргиналов составляют внешние (из других стран) или внутренние (из сельской местности или национальных анклавов) мигранты, скапливающиеся в крупных городах. Низкая приспособленность к жизни в новой для них национальной или социальной среде, в новых культурных «гипертекстах», отсутствие знаний и навыков для получения сколь-либо престижной работы в условиях мегаполисов, иные социокультурные стереотипы поведения, а нередко и язык общения, раздражающие местное население, делают этих людей социально неконкурентоспособными вдвойне. Х. Ортега-и-Гассет когда-то называл их «внешним пролетариатом» в отличие от «коренного», более адаптированного к местным условиям¹. Когда подобного «внешнего пролетариата» очень много и когда условия его жизни становятся невыносимыми, в его среде может вспыхнуть стихийный или искусственно спровоцированный бунт, вплоть до попыток захвата полити-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. — М., 1997.

Культура как фактор национальной безопасности 151

ческой власти в стране, что принято называть «социальной революцией».

Историкам еще предстоит разобраться в том, какие социальные силы совершали социальные революции Нового и Новейшего времени во Франции, в России, в Китае и т.п. или были их «ударным отрядом»; из какой среды рекрутировались фашисты Муссолини, штурмовики Гитлера, чекисты Дзержинского. Я разделяю распространенный взгляд на то, что «критическую массу человеческого материала», сокрушившую все на своем пути и приведшую к власти своих ставленников (якобинцев, большевиков, нацистов), были не буржуазия или промышленный пролетариат, а именно социальные маргиналы¹. Другое дело, что в каких-то случаях условия жизни этого слоя оказывались столь ужасны, что, возможно, захват политической власти оставался единственным способом их физического выживания. По существу, об этом и писал Ленин, характеризуя революционную ситуацию как положение, при котором «низы не могут жить по-старому»². Вопрос лишь в том, кого иметь в виду под «низами». Для квалифицированного промышленного пролетариата, да еще в период

активного индустриального роста в ходе войны это не очень убедительно, а для социальных маргиналов промышленный рост, требующий все более качественной рабочей силы, ускоренная урбанизация, война, приток все большего числа таких же неконкурентоспособных переселенцев из деревень (конкурентов за милостыней) и т.п. существенно ухудшали жизненные условия.

Более того, позволю себе высказать достаточно смелое предположение, что тоталитарные режимы лю-

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.26.

152 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

бого типа — это и есть политические диктатуры социальных маргиналов, под какими бы лозунгами они ни выступали (социальной справедливости или национального достоинства). Это «сословие», не имея шансов законным путем получить доступ к желаемому количеству и качеству социальных благ, в кризисной для общества ситуации захватывает политическую власть и методом массовых репрессий (или под угрозой таковых) эксплуатирует труд конкурентоспособной части населения, силой перераспределяя в свою пользу существенную часть произведенного национального богатства (это и есть идеальная форма трансформации власти в собственность).

В истории что-то не припоминается случаев ужасной тоталитарной диктатуры со стороны буржуазии или интеллигенции. Авторитарные режимы (по типу бонапартистского) бывали, но по методам правления и масштабам подавления гражданских свобод это далеко не то же самое, что кровавая вакханалия якобинцев, большевиков или нацистов. И вполне понятно почему. Социально конкурентоспособным сословиям не нужны устанавливать диктатуру; они могут обрести желаемые блага сравнительно легитимно, без насилия, в условиях свободного, гарантированного законом соревнования. А вот маргиналам успех на рынке труда и таланта, творческой инициативы и профессионального умения явно не светит. Их формы борьбы за социальные блага — преступность и революция.

Я не касаюсь здесь вопросов формирования маргинальных элит и выдвижения «преступных гениев» из их среды. Разумеется, среди неконкурентоспособных людей есть и свои «гении» социальной фрустрации. Это, как и проблемы маргинальной идеологии, должно быть предметом отдельного анализа. Но следу-

Культура как фактор национальной безопасности 153

ет отметить, что социальная маргинальность выражается не только с неспособности к материальному обогащению и обретению престижного общественного статуса законными способами, но и в определенной социокультурной позиции презрения к интеллектуальному и духовно-нравственному началам в человеке, к исторически сложившимся нормам общественного бытия и социального поведения, к образованности и эрудированности и т.п. Собственное невежество среди людей этого слоя превращается в предмет особой гордости (куража). «Мы университетов не кончали», — любил говаривать один советский киногоерой (эти слова нередко приписывают Сталину) и очень гордился этим фактом. Пример Геринга, «хватавшегося за пистолет при слове "культура"», столь же показателен.

Разумеется, и среди маргиналов есть специфическая культура «социального андеграунда» (в отличие от художественного андеграунда, являющегося лишь более или менее изощренной формой протеста). Ее характерные образцы: «воровской закон», тюремно-лагерные нравы, «блатной» жаргон, символика наколок и т.п. Это не какая-то «контркультура» (термин в научном плане вообще сомнительный), а самая настоящая субкультура определенного социального слоя со всеми присущими любой, даже самой «благородной» субкультуре нормами, правилами употребления, символами, семантикой, герменевтикой и пр. Следует отметить, что по устойчивости традиций, норм и образцов, бесперебойному социальному воспроизводству, нормативной жесткости и одновременно пластичности, адаптированности к меняющимся условиям существования и т.п. криминальная субкультура (включая и такие ответвления, как субкультуры бомжей, гадалок, мелких мошенников, поездных попрошайек и др.) дав-

154 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

но уже стала одним из наиболее стабильных социокультурных явлений в России.

Из этого вовсе не следует, что маргиналов нужно физически уничтожать или изолировать. Не говоря уже о сомнительной гуманности такого решения, это просто физически невозможно сделать. Маргинальный слой непременно будет воспроизводиться за счет детей с физическими и — тем более — психическими недостатками. Невозможно полностью подавить и миграцию населения, переезды людей из деревни в город, из страны в страну. При советской власти, как известно, партийная политика одно время была направлена на подавление стихийной мобильности населения, но из этого ничего не вышло. И, наконец, любой человек должен обладать правом на возможность своей социальной адаптации, иметь шанс на самореализацию в разрешенных законом формах. В конечном

счете, описанная социальная неконкурентоспособность (за исключением вынесенных за скобки медицинских и возрастных показателей) является результатом недостаточной социализации части людей в период их детского и подросткового воспитания и образования, а также социальной неадаптированности (или форм адаптированности, не отвечающих общественным интересам) во взрослом состоянии.

Комплекс мер по организации такого рода социальной адаптации и реабилитации принято называть социальной политикой государства. Как правило, она включает программы по расширению числа рабочих мест, созданию специальных сфер занятости для людей с ограниченными возможностями, системы профессионального обучения, переориентации и повышения квалификации, материальную поддержку лиц, объективно нетрудоспособных или временно

Культура как фактор национальной безопасности 155

потерявших работу, и т.п. В последние годы получила развитие и психологическая реабилитация лиц, испытавших экстремальные психологические перегрузки (войны, катастрофы, стихийные бедствия). Глобальный социально-политический смысл всех этих мер заключается в искусственном сдерживании процессов маргинализации людей, неконкурентоспособных по социальным причинам, «вытягиванию» из маргинальной или околomarгинальной среды тех, кто еще не утратил нравственной потребности в обретении полной или хотя бы частичной социальной адекватности. Это входит в систему комплекса мероприятий по «социализации личности», т.е. вовлечения человека в цепочки социального взаимодействия (и в первую очередь трудового), активизации его жизнедеятельности в приемлемых для общества формах, приучении его к нормам и стандартам образа жизни, принятого в данном обществе, и т.п. Это особенно актуально по отношению к молодежи. В принципе процессы социализации личности охватывают весь комплекс мер по включению человека в систему общественного разделения труда и общепринятый образ жизни.

Но, как показывает опыт, одной социализации личности недостаточно. Жизнь человека состоит не только из удовлетворения его утилитарных потребностей, но и из увлечения идеями и знаниями, веры, национальных и классовых чувств. Жизнь регулируется этическими и эстетическими предпочтениями, эмоциями, стремлением к самоутверждению, престижному статусу, потребностью в любви, одобрении и признании со стороны других людей, ощущением своей солидарности с ними, чувством защищенности своей общностью с другими и т.п. Все это принято

156 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

называть «ценностными ориентациями» человека (здесь перечислены только ценности сугубо социальные, хотя у человека может быть и множество интересов, не имеющих непосредственной социальной обусловленности). Эти ценностные установки в дополнение к образу жизни человека формируют и его картину мира — комплекс отчасти рациональных (основанных на достоверном знании). Но в значительной мере и интуитивных (ментальных, образных, эмоциональных, информационно-фрагментарных и др.) представлений и ощущений о сущности жизни и коллективного бытия людей, закономерностях и нормах этого бытия, ценностной иерархии его составляющих. На этом уровне экстраутилитарных интересов и потребностей личности основным регулятором ее социальной адекватности становится культура.

Под культурой современная наука понимает нормативно-регулятивное, ценностно-смысловое и символично-информационное содержание любой сферы общественно значимой деятельности людей¹. Именно с этой точки зрения обретают смысл понятия «экономическая культура», «политическая культура», «культура труда» и т.п. Ибо в отличие, скажем, от «политических технологий», преследующих цель повышения утилитарной эффективности политической деятельности, «политическая культура» выбирает из всего множества возможных технологий (способов и средств) достижения поставленных целей только те, которые являются общественно приемлемыми по социальной цене и последствиям. То же самое можно сказать и о любой иной «культуре сферы деятельности».

¹ Морфология культуры: структура и динамика. — М., 1994.

Культура как фактор национальной безопасности 157

ти», впрочем, как и о культуре обыденной жизни людей, Одна из важнейших социальных функций культуры — историческая селекция, отбор приемлемых форм и технологий осуществления деятельности и взаимодействия людей, выбираемых не только по признакам их утилитарной эффективности, но и по критериям социальной допустимости.

Я намеренно не затрагиваю здесь вопросов морали, нравственности, духовности, идеологии, патриотизма, эстетических категорий и т.п. Все это только технические средства, с помощью которых действует механизм культурного отбора, закрепления в практике и памяти людей, и трансляции следующим поколениям социально приемлемых форм и способов человеческой жизнедеятельности. Этот же механизм работает и в направлении локализации и социальной изоляции (отторжения, изгнания, вытеснения «на обочину», т.е. в маргинальное поле в дословном переводе) лиц, не

желающих соблюдать соответствующие нормы.

Культура в качестве нормативного явления, как это ни парадоксально, служит во многом психологическим аналогом правоохранительных органов, только действующим методом не силового, а нравственного одобрения и поддержки или осуждения и отторжения нарушителей. Это внутренний «страж порядка» в психологическом строе каждого человека, и чем строже и бескомпромисснее он исполняет свои обязанности, тем высококультурней (в рамках норм своей этнической и сословной культуры) проявляет себя индивид. Но «страж порядка» не возникает автоматически с появлением на свет нового человека. Культура не передается от родителей генетически, а приобретается по ходу жизни. Общество должно взрастить ее в каждом человеке, познакомить его со всем сводом норм и по-

158 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

рядков, с «правилами игры» социокультурного бытия, четко очертить границы, за которыми кончается «нормальное» социокультурное поле и начинается поле маргинальное.

Таким образом, для преодоления опасных тенденций массовой маргинализации населения требуется не только деятельность социализации людей, но и их инкультурация, т.е. введение человека в систему принятых в обществе культурных норм социального общежития и взаимодействия, иерархию ценностей, степеней допустимости тех или иных суждений и поступков и т.п., а также стимулирование в человеке мотивации к соблюдению этих норм, демонстрация и доказательство того, что, соблюдая нормы, человек имеет больше шансов достичь желаемого, нежели их нарушая. Этому, в конечном счете, и служат (с точки зрения их социальных функций) философия, религия, искусство, образование, воспитание, мораль, обычаи, ритуалы и пр. Все они так или иначе обучают человека тому, как следует, а как не следует поступать, говорить и думать, живя в обществе совместно с другими людьми и не желая эту общность разрушить.

По-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, т.е. являются культурными, а число нарушителей сравнительно невелико. Когда же число нарушителей начинает превосходить некоторый процент допустимого, такое общество трудно назвать как культурным, так и безопасным. В этом смысле архаичные традиционалистские общества, конечно же, гораздо безопаснее, более предсказуемы в поведении большинства своих членов, нежели индустриальные и постиндустриальные, где процент маргинализируют-

Культура как фактор национальной безопасности 159

ванного населения гораздо выше и соответственно ниже допускаемые и общепринятые стандарты безопасности (по крайней мере личной безопасности граждан и их имущества).

Очевидно, в современном государстве невозможно обеспечить сколь-либо приемлемый уровень безопасности только усилиями правоохранительных органов. К решению этой задачи, так или иначе, должна быть привлечена вся политика государства, в том числе культурная, координирующая усилия всех институтов по социализации и инкультурации человека. Основная цель культурной политики — трансформация норм и стандартов социальной адекватности людей в образы и образцы социальной престижности; пропаганда норм социальной адекватности как наиболее престижных форм социального бытия, как кратчайшего и наиболее надежного пути к социальным благам и высокому общественному статусу.

Для реализации этих задач требуется объединение усилий всех отраслей культуры (в ее широком понимании): образования, искусства, религии, науки, средств массовой информации, книгоиздания, собственно культурных институтов — музеев, библиотек, организованного досуга и т.п. в рамках единой государственной программы социокультурного саморазвития и самосохранения общества. Требуется и новая национально-государственная идеология, о которой много говорят с «подачи» прошлого президента, но которая вряд ли может быть «сочинена» кем-то по высочайшему указу; идеология «вымучивается» историческим социальным опытом сообщества. И хотя конкретную мысль высказывает конкретный мыслитель, выбор наиболее актуальной идеи и интеграция ее в массовое сознание происходят более или менее стихийно.

160 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Так или иначе, но функция всякой национальной идеологии — быть основой для социального партнерства сограждан, для кристаллизации неких ценностных установок в общенациональном масштабе, в том числе в области безопасности. При этом идеология — не более чем концентрированное воплощение культуры правящей элиты, системы ее ценностей.

Это позволяет сформулировать принцип культурного аспекта общественной безопасности: чем меньше средств вкладывает правящая элита в культуру и образование сегодня, тем больше она должна будет вложить их в милицию, юстицию и пенитенциарную систему завтра.

Культурные последствия информационной революции

В современной литературе принято описывать по преимуществу лишь достижения постиндустриальной стадии развития и складывающегося информационного общества¹. И это понятно. Достижения грандиозны, а те социокультурные изменения (нередко опасные), которые в последние десятилетия происходят в мире, далеко не в каждом случае выглядят как прямые последствия наступления эры глобальной информатизации или, по крайней мере, их не пытаются связать с этими событиями, рассматривая как явления более или менее автономные.

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — М., 1999; Форестер Дж. Мировая динамика. — М.-СПб., 2003; Нейсбит Дж. Мегатренды. — М., 2003; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. — М., 2004; Маклюэн М. Познание медиа. Внешнее расширение человека. — М., 2003; Информационное общество. — М., 2003 и др.

164 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Кроме того, многое из того, что оценивается технократами и футурологами с восторгом, с позиций культуролога, может получить совсем иную и далеко не восторженную оценку.

И дело не в том, что я выступаю с позиций, широко распространенных среди гуманитарной интеллигенции, которая считает, что в мире наступила эпоха культурной деградации. Я так не считаю. Культурная деградация невозможна без одновременной социальной деградации; а то, что ее нет в западном постиндустриальном мире, для всех очевидно и — более того — ее наступление в нашей стране, напротив, далеко не очевидно.

Для процесса подъема на новую, более высокую стадию социального (и, естественно, технологического) развития, который мы сейчас переживаем, характерно другое. А именно — изменение общей культурно-ценностной парадигмы, определяющей образ жизни и картину мира людей, принципы познания, систематизации и рефлексии нового знания, основные приоритеты социальных ценностных ориентаций, основания этики, эстетики и т.п.¹. Сейчас все это меняется, и в этом нет никакой исторической трагедии (античная культура уж как была хороша, но тоже однажды сменилась на другую, а человечество до сих пор живо), но это превращается в личную жизненную трагедию многих людей.

Вспомните историю падения советской власти в нашей стране. Объективно это было прогрессивной переменой, но, по крайней мере, для 30 миллионов человек (1/4 взрослого населения России — электорат Г. Зюганова в 90-е годы) эта перемена стала крушением их веры в самые светлые идеалы. Количество личных жизненных трагедий (порожденных именно куль-

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарного знания. — СПб., 1994.

Культурные последствия информационной революции 165

турно-идеологическими причинами) даже трудно счесть. То же самое происходит при любых масштабных социокультурных переменах.

Вопрос в том, кто становится «социальным заказчиком» новой культуры. Сейчас в нашей стране

они меняются сравнительно быстро. Вспомните середину 90-х годов. Музыка, которая чаще всего звучала с экранов наших телевизоров и по радиопрограммам, — песни «Beatles» и работавшей в том же стиле «Машины времени». А это значит, что наибольшую социальную активность в этот период проявляло поколение, чья юность пришлась на 60-е годы (эпоха массовой «бит-ломании»), которая имела соответствующие ностальгические предпочтения. Через десять лет уже все переменялось. Пришел другой социальный заказчик с другими вкусами и другой ностальгией, который заказывает совсем иную музыку (во всех смыслах).

Поэтому любые масштабные перемены, а уж тем более такие, как смена стадии технологического развития, замечательны с точки зрения общего прогресса, но весьма драматичны для культурно-ценностных установок значительной части населения. За все приходится платить и, как правило, нервными клетками людей, которые, как говорят, не восстанавливаются. Поколение, которое уже не помнит прежней жизни и ее культурных установок, воспринимает все новое гораздо спокойней и даже с удовольствием. Но мы-то еще живы; и мы помним прежние культурные приоритеты, которые, может быть, нам и не нравились, но были психологически привычны.

В принципе такого рода культурные последствия принято делить на:

- ▶ глобальные и долговременные;
- ▶ локальные и краткосрочные.

166 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Но кто же сейчас может провести такого рода классификацию тех явлений социальной и культурной жизни, которые будут рассматриваться чуть ниже? Кто может сказать: надолго ли вспышка исламского терроризма и массовая наркомания или это скоро пройдет. Навсегда ли развалился СССР или только на пару десятилетий? И т.п.

Поэтому я пойду по иному пути. Поскольку эти социокультурные перемены не одинаковы для разных социальных групп и нуждаются в сугубо дифференцированном рассмотрении в социологическом ракурсе, попробую проанализировать их именно с позиций интересов разных социальных групп современного российского общества.

В таком случае для всего населения первоочередной переменой стало:

▶ крушение системы мирового социализма и распад СССР. До сих пор никому не приходила в голову простая мысль о том, что причиной нашего стратегического поражения была ошибка в выборе приоритетов технологического развития, совершенная еще в 50-е годы: мы выбрали наращивание ракетно-космического и ядерного потенциала, в то время как западный мир избрал своим приоритетом развитие информационных технологий. И, согласно известной сентенции, гласящей: «Кто владеет информацией, тот владеет всем миром», Запад выиграл. Он выиграл по многим причинам, но в том числе и по недостатку информационного обеспечения социально-экономического процесса в СССР; из-за «влюбленности» советской правящей элиты в тот виртуальный мир (ту систему догматического бреда, составлявшую их собственные речи и вы-

Культурные последствия информационной революции 167

ступления), который преподносился населению как государственная идеология; благодаря умелой антикоммунистической пропаганде, ведшейся «зарубежными голосами»; развитию движения диссидентов, воспитанных на этих «голосах»; и пр. Короче, на основании всего этого и по многим иным причинам советская экономика и политическая система просто развалились. Остатки прежней советской культуры еще продолжают цепляться за жизнь, но ее поклонники и потребители уходят из жизни очень быстро, и, если коммунисты не вернутся к власти, серьезных перспектив для культуры «советского типа» я не вижу;

▶ размах терроризма. В отличие от прежнего революционного терроризма, направленного только против высокопоставленных представителей режима, которые были в хоть в чем-то виноваты, нынешний терроризм националистического и религиозного толка все больше смыкается с глобальным террором по отношению к целым народам или большим группам ни в чем не повинных людей (чем никогда не занимались собственно террористы, а только тоталитарные политические режимы по типу советского или нацистского). Опять-таки в отличие от прежних террористов, для которых конспирация и глубокая тайна были залогом их успеха, современный терроризм рассчитывает не столько на практический успех своих акций, сколько на PR, на рекламу, на публичные выступления на фоне площади, заваленной трупами, и т.п. Современная «Аль Кайда» или чеченский терроризм были бы

168 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

невозможны и бессмысленны без активной поддержки телевизионщиков, которые знают много больше, чем говорят, и, возможно, в каких-то случаях, содействуют террористам (ведь сегодня можно купить все что угодно и кого угодно). Таким образом, современный терроризм буквально «вскормлен» СМИ и их погоней за любой сенсацией.

Для группы политического истеблишмента можно выделить два последствия такого рода:

► информационная революция, которая явилась прежде всего революцией в сфере управления (во всех областях). Время, необходимое, чтобы информация о состоянии дел на каком-то участке дошла до руководителя, он принял необходимое решение и его приказ дошел обратно до этого участка, в начале XIX века составляло в среднем около часа (если речь шла об обозримом поле сражения наполеоновских войн) или нескольких недель (если речь шла о разных городах). Например, известие о смерти Александра I шло из Таганрога до Петербурга более двух недель, что чуть было не привело к государственному перевороту (независимому от движения декабристов) со стороны группы генералов — противников Николая¹. Парадоксально, но именно несогласованность в действиях генералов-заговорщиков и офицеров-заговорщиков (декабристов) и привела к провалу всей операции. Сегодня информация о том, что случилось во Владивостоке, может дойти до Президента страны за несколько

¹ Брюханов В. Заговор графа Милорадовича. — М., 2004.

Культурные последствия информационной революции 169

секунд и точно так же за несколько секунд его распоряжение дойдет обратно до Владивостока. Это, плюс максимальная автоматизация процессов управления и принятия решений в типовых случаях, явилось подлинной революцией в системе управления в любой сфере социально значимой деятельности. На самом деле компьютер изобретался именно для ускорения и автоматизации процессов управления, а вовсе не ради любителей Интернета. А современные технологии управления требуют определенной психологической привычки и сноровки, более свойственной молодым, чем старым руководителям;

► нынешние процессы глобализации являются далеко не первыми в истории человечества. В истории постоянно велась борьба между тенденциями культурной локализации (в виде автономизации каждого отдельного народа) и универсализации (в форме образования многонациональных империй) т.е. борьба процессов энтропии и негэнтропии в социальном развитии человечества. Но ныне глобализация, будучи основанной на современной научно-технической базе, при сегодняшних скоростях информационных и транспортных связей, при нынешних масштабах обмена людьми между континентами, странами, регионами и т.п., мобильности идей и технологий (т.е. научно-техническом шпионаже), а также специалистов (живых носителей уникальных идей, знаний и умений), превратилась действительно во всемирную, охватывая как политическую, так и экономическую сферы, но главное — систему массовой информации.

170 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Т.е. тенденции возрастания энтропии (падения уровня культурного многообразия) сегодня явно доминируют, (что через несколько десятилетий обязательно сменится обратной тенденцией негэнтропийной доминанты, т.е. разрастания национальной культурной самобытности). Сегодня народы уже живут не в том ограниченном информационном локусе, который им навязывают собственные правительства, а в том «широкоформатном» информационном пространстве, которое образует деятельность крупнейших интернациональных информационных корпораций. Можно перефразировать уже прозвучавшую сентенцию и сказать: «Кто эффективней навязывает свою информацию, тот и управляет всем миром». Потому что мир — это люди, которые руководствуются в своей социальной активности преимущественно поступающей к ним информацией, которую они интерпретируют применительно к собственным интересам¹.

Для группы интеллектуальной элиты становление информационного общества вылилось в формирование новой культурно-философской парадигмы — постмодернизма. Когда информация превратилась в основной продукт производства, весь универсум, естественно, стало возможным рассматривать как систему текстов, нарративов, интерпретаций и т.п. Мир виртуализировался; он исчез из сферы интеллектуального анализа как вещественная данность и превратился только в информацию о себе. Фактически процесс виртуализации начался давно — еще с формирования

¹ Маклюэн М. Указ.соч.

Культурные последствия информационной революции 171

разговорного языка и системы мифологического сознания, когда реальные вещи и события заменили их названиями и описаниями; затем расширился с изобретением письменности и развитием грамотности; а появление электронных средств коммуникации, передающих не только текст, но и звук и видеоряд, изменил всю философию мировосприятия. Закончилась не история (по Фукуяме)¹, а философское бытие материального мира (по крайней мере, как объекта интеллектуального интереса). От мира осталось только название и бесконечное число комментариев, т.е. информация; и ныне наука изучает не сам этот мир, как таковой, а тексты, написанные о нем. А с информацией (в отличие от материальных предметов, сооружений и территорий) можно проделывать все, что угодно; например, объявлять ее набором фантазмов и симулякров (что на самом деле имело место всегда, но скромно утаивалось от общественности). Очевидно, в первобытную эпоху большая часть информации, которой владели люди, была более или менее достоверной (иначе человечество просто не выжило

бы)². Но по ходу развития цивилизации и по мере развития языка культура все в большей степени превращалась в информацию (как правило, ложную), а голова человека все больше и больше заполнялась выдуманными, непроверенными, художественными сведениями, т.е. — виртуальными.

Возьмите современного человека. Кроме малюсенького сегмента узко профессиональных знаний³, вся остальная информация, которой забита его голо-

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — СПб., 1994.

² Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. — М., 1989.

³ Петров М.К. Язык, знак, культура. — М., 1991.

172 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ва — это сплошные фантазмы и симулякры, почерпнутые в искусстве, неподтвержденных сообщениях СМИ, вольных сочинениях философов и писателей, бытовых сплетнях и т.п. Вот он — подлинный размах и необъятная площадка для постмодернистских экспериментов. Нам просто не приходит в голову то, что постмодернизм работает не с культурой вообще, а с индивидуальным культурным багажом каждого из нас, при том, что сам этот багаж — по определению — набор детских сказок, сюжетов из любимых кинофильмов, субъективных повествований (т.е. книг), чьих-то частных мнений о чем-либо, художественных описаний и т.п.¹

Для представителей группы «среднего класса» результаты информационной революции сказались прежде всего на таких сторонах жизни, как:

► все более узкая профессиональная специализация. Количество информации, составляющее основу той или иной специальности, стало таким большим, что один человек уже не в состоянии удержать его в своей активной памяти. Выходом из положения стало дробление этой информации (и основанных на ней знаний и умений) на фрагменты — специализации². Теоретически мы идем к тому, что, сколько специалистов будет жить на планете, столько будет и специализаций. Каждый специалист станет уникальным носителем своего индивидуального сегмента информации, знаний и умений³. Но такая перспектива, к сожалению, уготована

¹ Орлова Э.А. Модернизация, постмодернизм и после... // Мир культуры, 2003, № 3.

² Петров М.К. Указ.соч.

³ Флиер А.Я. Социокультурный прогноз на XXI век — в настоящем сборнике.

Культурные последствия информационной революции 173

не всему человечеству, а так называемому «золотому миллиарду»¹, который, согласно предсказаниям, и составит ту новую элиту «специалистов международного класса», которая фактически и будет править миром и потреблять большую часть производимой человечеством энергии (в профессиональных и личных целях) — не в качестве деятелей политической власти, а благодаря своим уникальным знаниям и профессиональным умениям. Изменится и социальная структура человечества: отныне оно станет делиться не на буржуазию, пролетариат, крестьянство, интеллигенцию и т.п., а на представителей «золотого миллиарда» (профессиональную элиту специалистов уникального уровня в науке, медицине, образовании, производстве, менеджменте, военном деле, информатике, искусстве и пр.), политические органы управления и насилия, а далее — всех остальных (примерно 85% всего человечества). В этой перспективе утешительно лишь то, что все это произойдет не в виде одномоментного революционного переворота, а будет иметь форму постепенных социальных перемен, которые продлятся на протяжении жизни 2-3 поколений; ► доминирующая роль СМИ, которые в существенной мере вытеснили из нашего обихода все остальные источники культурного знания. Ребенок теперь воспитывается не столько родителями, сколько телевизором, учится не столько в школе, сколько по тому же телевизору, а теперь еще и посредством компьютерных игр.

¹ Hill W. An Introduction of the Modern Sociology. Glencoe, 1983. Vol. 1-2.

174 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Книги теперь читают только недобитые интеллигенты, остальные смотрят телевизор. Я не хочу обвинять человечество в интеллектуальной деградации. Просто информационные возможности телевидения и сети Интернет уже в десятки раз превосходят «классические» источники знаний по культуре. Я не затрагиваю вопроса о качестве полученных таким образом знаний, уровне социализации и инкультурации индивида, но скажем честно: объем знаний, которые можно назвать культурными и которыми обладает сейчас средний представитель «среднего класса», за последние десятилетия вырос по объему в несколько раз, хотя во столько же раз и упал качественно. Но реальная ситуация на сегодняшний день такова: мы сознательно жертвуем качеством культурной компетентности индивида во имя наращивания ее количества. Возможно, всю предшествующую историю человечество испытывало информационный голод и теперь никак не может «наесться». Конечно, есть и отдельные гурманы — любители качества, потребляющие культуру в ее «классических формах» (это в основном интеллектуальная элита и большинство интеллигенции), и они останутся всегда, но всегда будут в явном меньшинстве. По всей видимости, эта группа вообще

уйдет из числа потребителей услуг СМИ, а что станет ее специфическим источником информации, я предсказать не берусь;

► феминистская революция. Для участия в общественном производстве (любом — материальном, интеллектуальном, сфере бытового и социального обслуживания и т.п., вплоть до

Культурные последствия информационной революции 175

военной службы) потребовалось столько дополнительных голов, что за последние два десятилетия были сняты практически все «запреты на профессию» для женщин. Вопреки теоретическим предсказаниям, нормы физической нагрузки, которая может переноситься женщиной безо всякого ущерба для ее здоровья, оказалась не уступающей соответствующей мужской норме. По нашей советской практике, когда на большинстве физически нагрузочных специальностей использовался труд преимущественно женщин — опыт нам дала Великая Отечественная война — мы давно это установили, но Запад нам не верил, полагая это физиологической особенностью только русских женщин. Но проверка в американской, британской и французской армиях установила, что по физиологическим показателям просто нет воинских специальностей, недоступных для женщин. Может быть, от каких-то функций их стоит уберегать по чисто психологическим причинам (например, от функций палача-расстреливателя). Так же и от работы с ядерными материалами, поскольку это вредно для их детородных функций (о том, что это еще хуже влияет на детородную функцию мужчин, почему-то никто не беспокоился; но что поделаешь: мужчины — это вообще жертвы цивилизации). Но это — единственное ограничение. По своим интеллектуальным способностям и общим трудовым возможностям женщина, наконец, признана абсолютно равной мужчине. Это лишний раз свидетельствует о том, что в информационном обществе работают не

176 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

столько руками, сколько мозгами, в чем женщина, слава Богу, не уступает мужчине;

► политкорректность. Общество (по крайней мере, западное) стало намного толерантней относиться к тем или иным формам физического, физиологического или культурного отличия одного человека от другого, и даже перечень преследуемых проявлений девиантности существенно сократился только до проявлений, очевидных в своей социальной опасности (т.е. предусмотренных уголовным кодексом). Характерно, что при этом традиционные маркеры индивидуальной идентичности — половая, расовая, национальная, религиозная принадлежность — откровенно отошли на второй план; об этом даже неприлично спрашивать, как о сексуальной ориентации собеседника;

► реклама и PR, которые теперь выступают не только в роли двигателей торговли, но и как главные наши учителя и ориентиры в сфере образов престижности. Именно реклама вовремя подскажет нам, во что сейчас модно одеваться, чем обставлять дом, что готовить на обед, а главное — где все это взять. Т.е. реклама освобождает массу нашей умственной энергии от самостоятельного выбора того, как жить прилично (в соответствии с рекомендуемыми нормами социальной престижности). Нам уже не только не нужно выбирать наряд для официального приема или вечернего раута (все, что надо, нам расскажут по ТВ), но даже и президента страны уже можно не выбирать, а только обязательно прийти и проголосовать. Нужный выбор PR уже сделали за нас. Им виднее, кто должен стать нашим президентом на очередной срок (и попробуйте

Культурные последствия информационной революции 177

с ними поспорить). Посредством возможностей системы СМИ реклама и PR занимаются непрерывным манипулированием нашим сознанием, и видимо, не без серьезной прибыли для ее заказчиков¹;

► тенденции мультикультуральности. Свободный доступ к знаниям о любых культурах мира (посредством СМИ, туризма или специальных рекламных и популярных изданий), а так же тенденции превращения всего мира в один большой рынок породили и тенденцию постепенной синтеза элементов разных культур. Нам кажется, что мы живем в мире образцов нашей национальной культуры, но задумайтесь, сколько форм собственно русской культуры нас сейчас окружают. Хор Пятницкого? Прошу понять меня правильно. Я вовсе не отношусь к числу тех формальных патриотов, которые считают, что нашу культурную самобытность спасет отказ от использования достижений западной культуры. Тогда давайте откажемся от двигателя внутреннего сгорания и электричества (все это отнюдь не русские изобретения). Вы представляете себе современную русскую культуру без телефона, автомобиля, тепловоза, телеграфа и т.п.? Мы уже давно не замечаем, что нас окружают вещи, идеи, технические и художественные достижения как отечественные, так и западноевропейские, американские, латиноамериканские, южнокорейские, японские, китайские, порой и африканские. Как правило, мы ищем подтверждение мульти-

¹ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. — М., 2001.

178 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

культуральности прежде всего в искусстве; но здесь эта тенденция присутствовала всегда, а

сейчас, конечно, лидирует молодежная поп-культура, в которой уже перемешалось все. Но и не только в искусстве. Мультикультуральность наступила во всем, что нас окружает и чем мы пользуемся, — практически все элементы нашего образа жизни и ценностных ориентаций, воздействующие на наши предпочтения, уже стали соответствовать тому или иному международному стандарту. Для группы, которую условно можно назвать «все остальные», — неквалифицированные рабочие и работники сельского хозяйства, мелкие работники сферы обслуживания, армия, милиция, молодежь, маргиналы и т.п., изменения проявились в основном в следующем:

► сложение молодежной поп-культуры. В XX веке ее становление и массовый успех в существенной мере определялись техническими возможностями звукозаписи и трансляции через СМИ. Т.е. поп-культура — это тоже дитя развития систем информации и культурного «конфликта поколений», который обычно обостряется в эпоху перемен. В такую эпоху молодежь уже не заставишь жить в мире ценностей ее отцов. Для молодежи встает необходимость в каком-то демонстративном преодолении «культуры отцов». Первой попыткой такого «преодоления» стал рок-н-ролл. На основе рок-культуры началось формирование всей специфической молодежной субкультуры, основанной на особых «контрценностях» — в этике, эстетике, моде, образе жизни и пр.

Культурные последствия информационной революции 179

(вспомните битников, хиппи, рокеров и др.). Поскольку эта культура «контрценностей» имеет гораздо больший экономический эффект (как ни странно, но молодежь, обычно стесненная в средствах, в основном тратит на культуру, больше, чем старшее поколение), она продается значительно лучше «классики», и естественно, что именно эта «контркультура» заполняет теле- и радиоэфир, магазинные прилавки, книжные полки и т.п. Не будем забывать, что сегодня культура стала одним из элементов свободного рынка. Впрочем, и в советские времена искусство было единственной сферой, которая фактически жила по рыночным законам — купят или не купят.

► наркомания. Она началась в 60-е годы в элитной среде в форме «психоделики», но очень быстро переродилась в обычную массовую наркоманию самого низкого пошиба¹. Я думаю, что развитие наркомании (как и алкоголизма) является косвенной реакцией на возрастание потока «информационного шума», который не всякая психика в состоянии выдержать. Люди, не занятые плотно каким-либо делом, а имеющие сравнительно много свободного времени, т.е. времени на потребление информации, которая отвечает не профессиональным запросам, а скорее их бытовым интересам и заполняет все свободное время (как нередко часами смотрят телевизор от того, что просто нечего делать), нуждаются в более эффективной психологической реабилитации, которую ни естественный сон, ни медицина, ни сфера услуг пока еще предложить не

¹ Девенпорт-Хайнс Р. В поисках забвения. — М., 2003. — С.344-401.

180 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

могут. В этой ситуации уход в измененное состояние сознания, которое еще недавно служило тому, что бы превзойти себя, «подняться над собой» и своими обычными возможностями, ныне превратилось в позорное «бегство от культуры», от информации, в попытку спрятаться в замкнутом мире индивидуальных галлюцинаций (что есть на самом деле — один из путей виртуализации своего замкнутого информационного мирка);

► сексуальная революция. Показательно, что и поп-культура, и наркомания, и сексуальная революция родились почти одновременно, в 60-70-е годы (т.е. одновременно с компьютером). Конечно, с изобретением компьютера и Интернета здесь нет прямой связи; легализация «свободного секса», гомосексуализма, эротики, порнографии стали побочным продуктом доступности любой информации (в том числе и видовой), либерализации нравов в целом, политкорректности, феминистской революции. В целом это тоже можно связать с потребностью в более эффективном отдыхе, эмоциональном раскрепощении, в легализации того, что человек — это еще и животное¹ (что во все времена гневно осуждалось культурой, считалось неприличным, тайным, греховным и т.п.). Удивительно, что есть и пить — считалось приличным (это описывали в книгах и даже в кино показывали), а вот ходить в туалет и заниматься сексом (что по существу есть такое же удовлетворение биологических потребностей, как и пи-

¹ Никонов А.П. Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. М., 2004.

Культурные последствия информационной революции 181

тание) — это было уже неприлично. В культуре — это было тематикой только для анекдотов. Т.е. легализация секса — это тоже преодоление «культуры отцов» молодежью 60-70-х годов XX века, основанное на возможностях, предоставленных современными информационными технологиями;

► деградация традиционной культуры насилия, которое всегда было одной из наиболее нормативных форм деятельности. Насилие всегда делилось на две субкультуры — государственную, осуществляемую армией, полицией и силами безопасности на основании воинских уставов и иных законодательных положений, и криминальную, осуществляемую людьми, не состоящими на государственной службе, но действующими по правилам «воровского закона» и других подобных

ему норм. Обе субкультуры были полной противоположностью друг другу, как солдат и грабитель, полицейский и вор. И вдруг все смешалось. Армия и полиция стали вести себя как уголовные банды, а криминальное насилие вообще утратило какие-либо черты нормативности и превратилось в полный «беспредел». Я полагаю, что прямую ответственность за это несет телевидение, но не потому, что показывает много фильмов со сценами насилия (в кино насилие всегда наказывается), а потому что неустанно смакует ситуации безнаказанного насилия. Вот эта реклама безнаказанности действительно развращает людей, особенно страдающих неустойчивой психикой.

Я не хочу утверждать, что для группы, условно называемой «все остальные», информационная револю-

182 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ция принесла только попу, наркоманию, порнографию и преступность. Не будем забывать, что границы между средним классом и всеми остальными ныне очень условны. А это значит, что все то, что пришло в социокультурный мир среднего класса, распространяется и на «всех остальных». Вопрос лишь в том, кто и в каких объемах всем этим пользуется?

Итак, наш анализ показал, что основным источником негативных социальных и культурных последствий является не информационная революция, как таковая, а по преимуществу один ее сегмент — масс медиа, т.е. СМИ. В современных условиях СМИ фактически приняли на себя функции политических партий, как основных организаторов масс, либо главных рабочих органов тех или иных политических организаций по вопросам работы с населением. Соответственно, уровень их влияния и социальные последствия этого влияния возросли во много раз. А как насчет ответственности?

Встает вопрос: как не допускать негативных последствий? Что, СМИ должны утаивать от людей часть информации? А они и так не говорят нам всей правды; всегда ведется отбор: что сказать, а что нет. Значит проблема в другом: по каким принципам ведется эта селекция информации и на основании каких соображений что-то акцентируется, а что-то затушевывается? Боюсь, что не по самым достойным. Ведь СМИ нужны сенсации (от уровня сенсационности той или иной газеты, радиостанции или телепередачи зависят масштабы размещаемой рекламы — основного финансового источника существования СМИ). В результате масс медиа меньше всего задумываются о том социально-воспитательном эффекте, которого они достигают.

Культурные последствия информационной революции 183

Каков же выход? Ограничить свободу информации? Но слишком много свободы вообще не бывает. И, тем более, это противоречит принципам демократии, которую мы объявили. Поставить СМИ под жесткий государственный или общественный контроль? Но это то же самое, что ограничить свободу информации. Мне видится только один выход: очень жесткий отбор людей, которым доверяют информационные сообщения. Я бы ввел специальный кодекс журналиста (по типу «Клятвы Гиппократ» у врачей), в котором журналист должен принимать на себя всю полноту ответственности (вплоть до уголовной) за социальные последствия своих сообщений. Соответствующая статья должна быть введена и в уголовный кодекс.

Я понимаю, что все это — лишь благие пожелания; но не сомневаюсь, что рано или поздно человечество к этому придет. Уж больно опасным оружием стала информация вообще и особенно распространенная по каналам СМИ. В конечном счете, информации вообще не бывает. Есть конкретные люди, которые создают и распространяют ту или иную информацию (как правило, по чьему-то целенаправленному заказу), но не несут никакой ответственности перед обществом за это. А зря.

* * *

Возможно, что я что-то забыл и не упомянул всех культурных перемен, принесенных нам информационной революцией. Но это дополняют те, кто согласен со мной в приведенных выше оценках.

Наконец, самый главный вопрос, который интересует более всего: мы продолжаем жить в экзистенциальной парадигме эпохи Просвещения или уже отошли от нее? Мне кажется, что основные принципы Просве-

184 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

щения все еще продолжают действовать: установка на социальный прогресс, приоритет знания, образования и рационального переустройства мира. Все это еще актуально, социально и интеллектуально значимо и остается нашей «стратегической целью» (пусть даже сугубо виртуальной).

Если это все так, то мы — как люди, живущие в «эпоху перемен» (от чего, как известно, избави Бог всякого) — несколько преувеличиваем новационность всего того, что на нас обрушилось. Большинство явлений, описанных в статье, имели место и в прошлом, но только в нескольких других

формах и, разумеется, в гораздо меньшем объеме.

Впрочем, разве знание (или понимание) этого сильно облегчает нам жизнь?

Культура как виртуальная реальность

Позволю себе начать с энциклопедической цитаты: «Виртуальная реальность — искусственно созданная компьютерными средствами среда, в которую можно проникать, меняя ее изнутри, наблюдая трансформации и испытывая при этом реальные ощущения. Попав этот новый тип аудиовизуальной реальности, можно вступать в контакты с другими людьми и с искусственными персонажами»¹.

В принципе, это описание мало чем отличается от описаний измененного состояния сознания (ИСС), достигаемого с помощью наркотиков или в процессе шаманского камлания², только в роли «наркотика» здесь выступает компьютер. Тем не менее, отметим главную

¹ Маньковская Н.Б., Мотлевский В.Д. Виртуальная реальность // Культурология XX век. Энциклопедия, т.1. — СПб., 1998. — С.122.

² Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л., 1991; Исаев И. Врата бездны. — М., 2003.

188 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

отличительную особенность виртуальной реальности, приведенную здесь, — это пребывание в искусственно созданной и разыгранной реальности, достигаемой с помощью компьютера.

Вместе с тем, по указанию других авторов, понятие «виртуальная реальность» фигурирует в литературе, по крайней мере, со времен средневековья. В частности, «в схоластике — это понятие, обретающее категориальный статус в ходе переосмысления платоновской и аристотелевской парадигм: было зафиксировано наличие определенной связи (посредством *virtus*) между реальностями, принадлежащим к различным уровням в собственной иерархии»¹. Далее следует рассмотрение виртуальной реальности в постклассической науке, что необычайно интересно, но совсем уже уводит нас в сторону от культурной антропологии, в рамках которой мы рассматриваем данную проблему.

Итак, мы можем сделать предварительные выводы о существовании виртуальной реальности, а затем уже перейти к рассмотрению ее места в культуре. Виртуальная реальность это изменённое состояние сознания (ИСС) или игра в него, а так же все сопутствующие этому атрибуты (видения, фантастические образы, фантастические контакты, аллюзии и т.п.). Понятно, что виртуальная реальность генетически (по своему происхождению) не имеет никакого отношения к компьютеру (аналогичную роль стимулятора может сыграть и простая марихуана, и масса иных возбудителей, вплоть до самостоятельного доведения себя до состояния психического транса). Но и компьютер оказался в данном вопросе высоко эффективным стимулятором.

¹ Грицианов А.А., Галкин Д.В., Карпенко И.Д. Виртуальная реальность //Всемирная энциклопедия. Философия XX век. — М.-Минск, 2002. — С.141.

При рассмотрении виртуальной реальности следует выделить три основные формы ее воссоздания:

- ▶ манипуляция предметами, не имеющими места в реальности — псевдо-вещами, симулякрами¹;
- ▶ псевдо-манипуляция (игра) с какими угодно объектами или производство действий, лишь имитирующих реальность — т.е. симуляция², а так же любая обрядово-ритуальная и иная деятельность, изображающая что-то;
- ▶ выстраивание сюжетного повествования, заведомо выдуманного или не имеющего убедительного подтверждения своей подлинности (мифотворчество и вся последующая литература).

Теперь, как представляется, имеет смысл рассмотреть историю актов по созданию виртуальной реальности, начиная с древнейшего прошлого человечества.

Очевидно, начать придется с возникновения языка. В конечном счете, язык — это форма замещения реальных предметов и событий их символическими названиями, словами, т.е. симулякрами этих предметов и событий. Но сложность здесь видится в том, что, во-первых, на Земле обитают (и существовали в прошлом) несколько тысяч народов, почти каждый из которых имел собственный язык и обозначал одни и те же предметы или события по-разному (и лингвистически, и семантически — в зависимости от особенностей своего социального опыта). Во-вторых, даже люди, говорящие на одном и том же языке, произнося или услышав одно и то же слово — скажем, «дерево», — трактуют его тоже неодинаково, в зависимости

¹ Baudrillard J. Simulakres et simulation. — P., 1981.

² Ibid.

190 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

от глубины знакомства с данным предметом, личного жизненного опыта и т.п. К примеру, то же самое слово «дерево», произнесенное или услышанное специалистом-ботаником, знающим о внутренних процессах, происходящих в этом объекте; мастером-столяром, хорошо знающим свойства разных пород деревьев с точки зрения их механической обработки; крестьянином, растущим в плотном окружении различных деревьев и обладающим своим специфическим набором знаний о них и их свойствах; или жителем мегаполиса, который видел дерево только по телевизору и вообще ничего о нем не знает, кроме того, что онный предмет называется «деревом», — разумеется, поймут это слово в совершенно разных смысловых и содержательных объемах.

То есть мы убедились в том, что символический заменитель предмета или события — слово, — отнюдь не эквивалентно самому предмету или событию, а понимается каждым в зависимости от уровня и профиля образования, воспитания, личного жизненного опыта и т.п., т.е. оно не универсально, а, следовательно, является конвенциональной условностью, тем самым симулякром — псевдо-вещью. То же самое можно сказать и о любых других символических заменителях — изображениях, условных знаках и т.п.¹

Таким образом, виртуальная реальность ведет свой генезис отнюдь не от компьютера и даже не от схоластической философии, а из самых глубин первобытности — от начала символической деятельности человека, с создания системы символов, лишь условно и конвенционально обозначающих предметы и события — слов, рисунков, лепных и резных изображений. Раз-

¹ Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. — М., 2004.

Культура как виртуальная реальность 191

умеется, в эпоху первобытности, когда личный социальный опыт людей еще почти не различался, можно предположить большее единообразие в понимании словесных или изобразительных символов. Но с эпохи неолита здесь начался полный разброд, и любой символ, произнесенный или нарисованный одним, для другого стал лишь отдаленным намеком на то, что имел в виду автор (тем более — незнакомый).

Было бы некоторым преувеличением утверждать, что мир названий совсем вытеснил из человеческого бытия мир реальных, но то, что он существенно потеснил его — это несомненно. Во всяком случае, с каждой эпохой мир названий (символов) во все большей мере становился основным предметом интеллектуальных рефлексий (особенно в философии и гуманитаристике), художественно-образных отражений и т.п. Богословы, философы, а за ними и ученые все больше стали спорить о словах, названиях, их точности и эквивалентности, а не о сущностях, скрывающихся за ними.

Но настоящий разгул виртуализации вещного мира начался со времени сложения городских цивилизаций, сословного деления общества и т.п. Если в крестьянской среде утилитарная функция вещей продолжала доминировать над символической, то в городской среде (сначала среди аристократии, а потом и буржуазии) вещь стала признаком социального престижа. Это в равной мере касалось жилища, обстановки, домашней утвари, транспортных средств и т.п. и, может быть, более всего выразилось в моде на одежду и внешний имидж. Из каких материалов сделана вещь, сколь качественно она исполнена, сколь богато отделана, ее эстетические свойства, нужна ли она

функционально или является просто дорогой безделушкой и пр. — все это свидетельствовало о социальном статусе ее владельца¹.

Одновременно появились вещи-символы: корона, митра, ритуальное одеяние, военная и иная униформа, властная или богослужебная утварь, знаки отличия и т.п. Мир стал заполняться не только символическим обозначениями вещей, но и самими вещами-символами, номенклатура которых по мере развития цивилизации неуклонно росла. Обстановка жилища, наполненность его вещами (нередко утилитарно бесполезными), их взаиморасположение, обилие элементов чистой декорации и т.п. — все это стало элементами означения личности хозяина². Более того, даже внешний вид человека, его прическа, макияж, сочетание элементов одежды, вещей в руках — все это стало символом социальной престижности, сексуального спроса или чего-нибудь еще, относящегося к сугубо виртуальной организации социальной жизни людей. Человек постепенно превратился в носителя и пользователя сплошных симулякров, т.е. вещей, имеющих более символическое и социально-статусное значение, чем жизненно-утилитарное. Очевидно, апогеем этой линии виртуализации мира стал знаменитый труд Э. Кассирера «Философия символических форм»³.

Это вовсе не значит, что вещный мир вообще потерял какую-либо утилитарность. Он сохранил ее на двух полюсах — в макром мире экономического производства и торговли (хотя и торговля обрела свой виртуальный эквивалент в виде рекламы) и в микромире приватного потребления (в кругу семьи, а лучше, в одиночку, запершись в ванной). Но вещный мир, играющий социально показательную роль (ваш рабочий

¹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. — М., 2004.

² Бодрийяр Ж. Система вещей. — М., 1995.

³ Cassirer E. Philosophic der symbolischen Formen. Bd. 1-3. В., 1923-29.

Культура как виртуальная реальность 193

кабинет или жилище, если его посещают социально значимые для вас гости) — это уже виртуальный мир симулякров, которые вы можете демонстрировать в виде натурального интерьера или в видеофильме, на фотографиях, рассказывающего о том, как Вы живете. Кстати, ажиотаж вокруг фотографии, запечатливающей человека в престижных местах и престижных позах (скажем, мочащимся на афинский Парфенон) — это тоже характерный пример создания симулякров.

Примерно тогда же — в эпоху верхнего палеолита — возникла и процедура симуляции — имитации каких-то, видимо, сакрально значимых действий в виде обрядов и ритуалов. Со сложением государств, религиозных культов и — опять-таки — городов и сословий формы и объемы имитационного поведения столь же бесконечно разрослись в своей номенклатуре. Приоритет здесь, несомненно, принадлежит придворному и религиозному ритуалам. Несколько позднее принципы такого же ритуализованного поведения приняла на вооружение сначала высокопоставленная аристократия, а затем уже и всякий, кто желал что-либо из себя значить и выделяться среди толпы.

Характерным примером является система современных воинских ритуалов. Какая часть из них сохранила еще какие-то утилитарные функции? Отдача чести, торжественные построения, парады, подобострастное чинопочитание, выносы знамен, чины, награды и т.п. — какое все это имеет значение для обороны страны? Это поднимает воинский дух и дисциплину? Военные свидетельствуют, что в очень незначительной мере. Реальный человеческий авторитет командира заменяет весь этот неисчислимый ряд симулякров и симуляций, потому что он реален, а не имитативен.

194 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Я принципиально не хочу касаться проблемы религиозной веры и мотивации соответствующего поведения верующих, но для антрополога совершенно очевидно, что весь религиозный культ — это такая же акция демонстрации уважения к Богу, подчинения и покорности ему, как придворный этикет — акция уважения и подчинения монарху, военное чинопочитание — акция уважения и подчинения командиру и т.п.

Интереснее ритуал взаимоотношений между равностатусными особами. Несмотря на их формальную равностатусность, на самом деле каждый из них стремится подчеркнуть то, что он чем-то более значимая фигура, и вот здесь вступает в дело вся описанная выше система образов социальной престижности — вещных, имиджевых, деталей поведения и пр. Ведь то, что мы называем этикетом, — это точно такая же симуляция надлежащих форм поведения, давно уже потерявших утилитарный смысл, но иногда помогающих поддерживать хотя бы внешний социальный порядок¹.

В любом случае мы имеем дело с игрой, и феномен игры в культуре было бы интересно рассмотреть специально, совсем не в духе Й.Хейзинги, видевшем в игре универсальную форму бытия культуры², а как одну из форм виртуализации социального поведения. Прежде всего, выделим те виды действий, которые попадают под понятие игры:

► исполнение (на сцене или в салоне) какого-либо художественного произведения (музыкального, литературного, драматического) или роли в театре или перед камерой;

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — СПб., 1994. ² Хейзинга Й. Homo ludens. — М., 1992.

Культура как виртуальная реальность 195

► имитация какого-либо события или кинофильма (типичный пример, детская игра) или поведение в соответствии с задуманным сценарием, т.е. его разыгрывание (например, ухаживания влюбленного или операция по введению в заблуждение);

► соревнование между соперниками или соперничающими командами, более или менее строго подчиненное установленным правилам (например, в спорте).

Во всех перечисленных случаях мы имеем дело с имитацией, хотя и преследующей разные цели. В случае художественной игры — это вариативная интерпретация авторского текста, т.е. не буквальное его исполнение, а творческая вариация на заданную тему (о виртуальном характере самого текста мы поговорим чуть позже на примере мифа). В случаях с детской игрой или поведением влюбленного — это имитация избранного сюжета (коллизии, заимствованной из кинофильма, романа и т.п.), стремящаяся быть сыгранной как можно ближе к оригиналу; и лишь недостаток профессиональных актерских навыков мешает играющим детям или влюбленному повторить разыгрываемый сюжет достаточно похоже. Спорт (и это известно издавна) — есть форма имитации войны, во всей ее соревновательной глубине, но без реальных смертей, травм и разрушений. Парадоксально, что две играющие футбольные команды фактически разыгрывают ту же стратегию и тактику, тот же уровень индивидуального профессионального умения и импровизационных решений, что и воюющие армии. Только здесь действует непреложный закон: никаких физических увечий и строгое соблюдение правил игры. Т.е. типичная имитация, но еще и поставленная в определенные правила.

196 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Возникает вопрос: является ли этот набор имитаций формой реальной жизни или только ее симуляцией. Видимо, и исполнители и зрители (слушатели) не задумываются над этим. Но для ученого всякая имитация есть симуляция по определению; т.е. переход к сугубо виртуальным действиям. Кого-то может покори́ть это сравнение: ведь человек, симулирующий болезнь на больничной койке, не испытывает реальных болевых ощущений, в отличие от музыканта на сцене, находящегося в подлинной творческой эйфории. Я не отрицаю возможности возникновения эйфории в отдельные моменты концерта, когда что-то на удивление хорошо удалось. Собственно, это уже не эйфория, а чувство глубокого творческого удовлетворения, свойственное профессионалу. Но сводить весь концерт к сплошной эйфории — это дилетантское представление. Музыкант — прежде всего профессионал; и он выходит на сцену с настолько детально отрепетированным набором манипуляций с инструментом (или голосом), что кроме волнения по поводу возможной технической ошибки или сбоя никаких других эмоций, как правило, не испытывает (как человек, близко знавший и еще знающий многих выдающихся музыкантов — и классического направления, и эстрады — могу засвидетельствовать это с их слов). Впрочем, так же ориентирован и спортсмен: все сделать предельно хорошо, как это получалось на тренировках. Это люди, работающие на публику, и уровень их мастерства в существенной мере определяется «сделанностью» всего шоу. Для играющих детей — публика — это они же сами, они играют и сами же смотрят разыгрываемый спектакль.

Итак, игра, ритуал, обряд, этикет — это все чисто виртуальные формы поведения, симуляция некоторых

Культура как виртуальная реальность 197

знаковых функций, актуальность которых давно уже забыта (или в которую давно уже никто не верит, хотя часто и не сознается себе в этом).

Специфической формой имитации реальности является и искусственно измененное состояние сознания (ИСС), которое в последние полтора века достаточно подробно исследуется психологами, антропологами, исследователями первобытных культов¹. ИСС, как правило, принято делить на два типа: наркотический транс, вызываемый принятием каких-либо препаратов — наркотиков, алкоголя, специальных медикаментов — и транс одержимости — характерным примером которого могут служить шаманские камлания, некоторые религиозные ритуалы африканских племен и к которым близки некоторые медитативные состояния, свойственные ряду восточных религий; все это достигается путем длительного физического воздействия на организм (голода, нагревания тела, гипервентиляции легких, специальных ритмических движений, специфического музыкального сопровождения и пр.) и, видимо, благодаря не очень здоровой психике участников подобных действий². И в том и в другом случае впадение в ИСС, как правило, вызывает галлюцинации, общение с инфернальными существами, инопланетянами и т.п.³. Просто с помощью наркотиков, эти контакты инициируются проще.

¹ Элиаде М. Шаманизм. — Киев, 1998; Леви-Строс К. Печальные тропики. — Львов, 1999; Гроф К. и С. Духовный кризис: понимание эволюционного кризиса // Духовный кризис. Когда преобразование личности

становится кризисом (Тексты трансперсональной психологии). — М., 2003; Бургиньон Э. Измененные состояния сознания // Личность, культура, этнос. — М., 2001; Жилек В.Г. Измененные состояния сознания в обрядах североамериканских индейцев // Личность, культура, этнос. — М., 2001 и др.

² Бургиньон Э. Указ. соч. См. так же: Леви-Строс К. Структурная антропология. — М., 1985 и Элиаде М. Религии Австралии. — СПб., 1994.

³ Более подробно систематизация этих состояний дана в кн.: Духовный кризис. Когда преобразование личности становится кризисом (Тексты трансперсональной психологии) // под ред. К. и С. Гроф. — М., 2003.

198 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Проблема ИСС и первобытных форм виртуализации реальности выводит нас на тему мифологии, — видимо, древнейшего вида культурных текстов (в эпоху актуальности самих этих мифов — это были преимущественно фольклорные устные предания, записанные много позднее). Мифология — система взглядов, основанная на генетическом способе познания бытия и структуры мира (через теоретическое воссоздание его происхождения), а фактически — конструирования его на основаниях аналогии с человеческими социальными отношениями. Иначе говоря: это человеческий мир, опрокинутый в космос, которому придали космическую вселенскость, возведя социальные закономерности отношений в ранг космических¹. Мифология — это древнейшая форма универсального упорядочивания мира, защиты от непредсказуемости бытия посредством отождествления космоса и социума. По всей видимости, специфическая холистичность мировосприятия, на которой базируется мифологическое сознание, являлась для человека тем предельно комфортным образным упорядочением мира, которое в критических ситуациях срабатывало как последняя возможность сохранения его психического равновесия. Мифология — не только специфический тип сознания, характерный для первобытной стадии развития и раннего этапа аграрной, но сохраняющий свое культурно-регулятивное значение и позднее; в преобразованных формах мифологический тип сознания остается актуальным практически для всех эпох.

Среди характерных признаков мифологического сознания «классического типа» принято выделять такие представления, как:

¹ Близи к этой позиции Б.Л.Губман (Губман Б.Л. Миф и религия // Культурология. XX век. — СПб., 1998. Т.2) и А.Е.Наговицын (Наговицын А.Е. Древние цивилизации: общая теория мифа. — М., 2005).

Культура как виртуальная реальность 199

► универсальность существования человека в мире (человек не выделяет себя из природы, не относится к миру как к объекту познания и преобразования, а к самому себе как к субъекту этого познания, а стремится к преимущественно магическим, чувственным формам взаимодействия с миром и его процессами и др.);

► холистичность и синкретичность (доминирует нерасчлененная целостность в мироощущении, бытие практически не дифференцируется на функциональные и структурные сегменты, на прошлое, настоящее и будущее, на объект и означающий его знак или слово, на практическое действие и символизирующий его ритуал; отсутствует или является весьма смутным представление о причинно-следственной детерминации событий и явлений; преобладает хаотическое смешение в восприятии сакрального и мирского, живого и косного, человеческого и природного, реального и вымышленного, неизбежного и случайного и т.п.);

► цикличность восприятия времени и динамичность восприятия пространства (отсутствие представлений о линейном времени, что является основанием для идеи вечности, в которой пребывает мир; перемены же воспринимаются как иллюзия и носят характер неизбежного циркулярного или спиралевидного повтора событий в жизни людей, деяниях богов и пр.; структура мироздания ощущается как еще незаконченная, формирующаяся, «растущая», вращающаяся вокруг некой сакральной оси, «центра мира» и т.п., в целом космогоническое мировосприятие доминирует над космологическим).

200 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Вот вам и самая «классическая форма» виртуальной реальности, представленная древнейшими культурными текстами, попытками познать мир и построить его структуру при совершенно негодном багаже рациональных знаний и потому экстраполирующая на мир то, что наиболее знакомо — социальные отношения в сообществе. Наверное, после изобретения символической деятельности — системы симулякров и симуляций, мифология — это хронологически вторая ступень виртуализации бытия — создание всемирной иллюзии тождества космоса и общества.

Представляется, что с наступлением второго — мифологического этапа виртуальная реальность стала не просто набором симулякров и симуляций. Она еще и глобально дополнилась образом общественных отношений, опрокинутых на мир — мир, построенный (или, по крайней мере, воспринимаемый) как община, в которой я живу, и где все (включая макрокосмос и микромир) действует по тем же законам, что связывают меня с моими соплеменниками. Практически все культурные тексты последующих эпох воспроизводили эту модель (разумеется, модифицированную для разных времен) что было рассмотрено мной в специальной статье¹. Все искусство и литература

— не более, чем развитие мифологического принципа отражения бытия. Применительно к современной компьютерной виртуальной реальности эта аналогия действует очень убедительно; все действия любых виртуальных персонажей построены на чисто человеческой социальной программе жизнедеятельности.

Не будем забывать, что мифология не умирала никогда; и на разных этапах исторического развития она

¹ Флиер А.Я. Культура как обман — в настоящем сборнике.

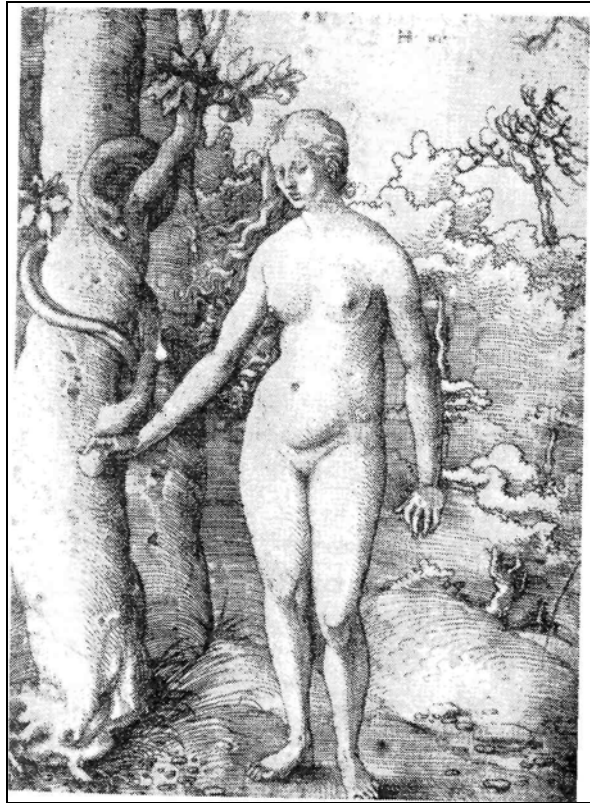
Культура как виртуальная реальность 201

находила формы своего применения (это и «синдром толпы», и экстатические формы выражения национальных, религиозных и политических чувств — революционный порыв, агрессивный национализм, массовая резня иноверцев и пр., — и повышенная массовая мистифицированность, и массовые формы веры во что угодно и поклонения чему угодно и т.п.).

Таким образом, я прихожу к выводу о том, что фактически вся человеческая культура настолько, насколько она имманентно символична, построена на принципах виртуальной реальности, воспроизводит ее в тех или иных формах, а по существу сводится к трем основным проявлениям: симулякрам — псевдо-предметам, имеющим большую или меньшую символическую значимость; симуляции — псевдо-действиям, символически имитирующим утилитарные функциональные действия; и построению мифологического мира, в котором все внутренние связи есть имитация социальных связей мира человеческого (включая описания этой псевдо-структуры в бесконечном числе культурных текстов — философских, богословских, гуманитарных, литературных, живописных, музыкальных, кинематографических, компьютерных и т.п.). Наверное, именно этой имманентной виртуальностью культура и может быть отличена от утилитарно-функциональной социальной жизни.

Так что никакой новой виртуальной реальности компьютеры нам не сочинили, ибо не они придумали культуру. Это культура изобрела их как новый канал воспроизводства все того же мифологического мира и более совершенных возможностей игры в симулякры и симуляцию.

Страсти по глобализации

В последние полтора-два десятилетия в разнообразных декларациях политиков и публицистов, в книгах и статьях некоторых ученых сферы общественных наук одним из наиболее популярных сюжетов стала глобализация, как общемировая экономическая, информационная и культурная тенденция, нивелирующая национальную самобытность исторических культур народов мира.

Можно понять озабоченность политических элит постепенной утратой контроля за информационными потоками, а тем самым — понижением эффективности средств манипуляции сознанием масс. Плюрализация информации, сравнительно свободно распространяющейся по миру, опасна для интересов национальных экономик, гражданской лояльности граждан, да и политической устойчивости сообществ в самом прямом смысле. Мы уже хорошо знаем, с каким эффектом пользуется Интернетом знаменитая «Аль Кайда». Тем не менее, данная глава пишется с целью разобраться в том, какое воздействие процесс глобализации оказы-

206 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

вает на более значимую и долговременную динамику собственно культурной жизни народов.

Прежде всего, определимся в том, что такое современная глобализация в социокультурном аспекте ее осмысления. Здесь можно выделить, по крайней мере, два фундаментальных процесса.

Во-первых, это рост числа транснациональных корпораций, действующих в сферах производства товаров и услуг массового потребления, расширение их экономического потенциала, объемов производства и рынков сбыта. Неизбежная при этом стандартизация большинства подобных товаров и услуг стимулирует заметную унификацию элементов материальной цивилизации и образов жизни существенной части населения Земли, что в свою очередь ведет к снижению культурного разнообразия жизни человеческих сообществ (по крайней мере, в материально-цивилизационном аспекте этого разнообразия).

Заметим, что номенклатура соответствующих товаров и услуг постоянно растет и включает в себя набор многообразных культурных форм от модных архитектурных и дизайнерских проектов до предметов кулинарии, личной гигиены, одежды и бытового обихода — в сфере товаров; от модных туристических маршрутов и мест отдыха до операций по изменению пола и косметического обслуживания — в сфере услуг. Все это является безусловной экспансией в сферу повседневного образа жизни человека, его сознания и подсознания, мировоззрения, идеологии, вкусов, оценочных предпочтений и т.п. Точно так же происходит «раскрутка» перспективных авторов, исполнителей и произведений искусства; оригинальных философских доктрин, эзотерических течений и «взрывов» традиционной религиозности. Все это может быть

Страсти по глобализации 207

в той или иной мере «модным», т.е. соответствовать актуальным на сегодняшний день образцам социальной престижности (разумеется, различным для разных социальных групп), пользоваться повышенным массовым спросом и приносить высокие доходы. Нет необходимости доказывать, какую существенную роль в этом процессе играют средства массовой информации (нередко, представляющие собой такие же транснациональные медиа-корпорации), стимулирующие массовый, а порой и ажиотажный спрос на те или иные товары и услуги по всему миру. Доходы от трансляции или публикации рекламы составляют существенную часть бюджетных поступлений современных СМИ.

Во-вторых, благодаря формированию общепланетарного информационного пространства, основанного на новейших достижениях средств связи, информатики и вычислительной техники (особенно в связи с массовым использованием космических ретрансляторов информационных потоков и развитием сети Интернет), наблюдается столь же жесткая экспансия со стороны производителей информации, грубо вторгающаяся в более или менее самодостаточную, а порой и самоизолированную интеллектуальную и гуманитарную культуру народов «незападной» ориентации. Как и в первом случае с чертами образа жизни, информационная экспансия ведет к унификации картин мира и образов их отражения в культуре, традиционно свойственных тем или иным народам, т.е. опять-таки несет в себе опасность понижения уровня культурного разнообразия человечества.

Казалось бы, есть все основания считать, что в культурно-цивилизационной сфере наступает такой же кризис, как и в сфере экологии; поскольку самоочевидно, что понижение уровня культурного разнообразия ведет к понижению адаптивного потенциала человечества по

208 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

отношению к многообразным и порой динамичным условиям существования, а также — снижению эффекта негантизности, поддерживаемой этим культурным разнообразием. Однако специалисты, наиболее эрудированные в данном вопросе — историки, культурологи, антропологи — сохраняют удивительное спокойствие и, более того, проявляют откровенный скепсис по поводу истерических манифестаций поборников национальной культурной самобытности. Этот скепсис строится на трезвом понимании того, что паника по поводу губительных последствий процессов глобализации для культуры базируется на двух мифологемах, демонстрирующих откровенную ангажированность и необразованность наиболее активных паникеров.

Первая мифологема строится на утверждении, что культурно-политическая экспансия идет из одного центра, а именно из Соединенных Штатов Америки. Т.е. под глобализацией подразумевается прежде всего «культурная американизация» остального человечества. Безусловно, во многих областях экономического производства (особенно военного, космического, тяжелой промышленности, энергетики и некоторых других) США занимают ведущее место в мире. Но что касается производства товаров и услуг массового потребления (наиболее влияющих на параметры образа жизни и бытовой культуры людей), то здесь США трудно назвать недостижимым монополистом. Европейское экономическое сообщество, с одной стороны, и страны Азиатско-тихоокеанского сообщества, с другой, весьма успешно конкурируют в этой области с Америкой. В этой связи представляется весьма спорным тезис о том, что производимые ими товары и услуги в своих культурных формах ориентированы именно на американские стандарты. США задают стандарты качества жизни и по-

Страсти по глобализации 209

ребления, но сами по себе культурные формы, реализованные в этих товарах (в том числе и во многих товарах собственного американского производства), имеют в основном западноевропейское происхождение. Могу привести характерные примеры: общепризнанными мировыми центрами моды на одежду, дизайн и архитектуру являются Франция, Италия и Великобритания; самые престижные автомобили — немецкие; бытовая электроника — японская и западноевропейская; главные центры молодежного имиджа — Лондон, Амстердам и Гамбург; и т.п.

Другая сторона вопроса: где расположены главные центры интеллектуально-культурного влияния на человечество? И здесь мы сталкиваемся с преимущественно европейским доминированием. На уровне «высокой культуры» — это прежде всего Франция с ее семиотикой и постмодерном; на уровне массовой культуры — Великобритания, еще в 60-е гг. ставшая главным источником новаций в молодежной поп-культуре, затем и основным «ретранслятором» восточной религиозности и эзотерики. Америка здесь лидирует только в сфере аналитической философии.

Разумеется, ни в коем случае нельзя исключать из этих процессов и сами США, почти не отстающие от своих конкурентов во всех перечисленных областях. Но нет никаких оснований приписывать именно Америке тотальную культурную экспансию в мире, хотя бы по той причине, что самим США еще очень далеко до того культурного уровня и глубины исторического опыта, который присущ народам большинства европейских стран. А главное, не следует смешивать военно-политическое доминирование США в сегодняшнем мире с культурной экспансией. Признавая

собственную культурную деградацию, обусловленную затянув-

210 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

шимся переходным периодом в развитии нашей страны, бессмысленно искать ее причины за океаном. Складывается впечатление, что некоторые политически и идеологически ангажированные деятели культуры в России, оправдывая собственную профессиональную неконкурентоспособность, искусственно формируют образ Америки-монстра, подавляющего национальное своеобразие культур других народов.

Вторая мифологема декларирует то, что глобализация в культурной области — это уникальная новация нашей эпохи. Действительно, в прежние времена таких технических возможностей массового распространения информации и манипуляции сознанием огромного количества людей одновременно не было (да и самих людей на планете жило во много раз меньше, чем сейчас). Но что касается тенденций культурной унификации и стандартизации на огромных территориях, заселенных многими десятками народов, процессов нивелирования их культурного разнообразия вплоть до полной ассимиляции в чуждой для них культуре и т.п. — со всем этим наши далекие предки эффективно справлялись без спутниковой связи и Интернета.

Пожалуй, первым исторически зафиксированным примером такого рода глобализации стали персидские завоевания середины I тыс. до н.э. Характерно, что персы на завоеванных территориях намеренно ликвидировали исторически сложившиеся границы между этносами и создавали новые административные единицы с максимально полиэтническим населением, что естественно вело к массовой ассимиляции мелких народностей более крупными.

Еще более откровенной и целенаправленной глобализацией именно в сфере культуры явились походы Александра Македонского и формирование эллинизма

Страсти по глобализации 211

как культурной системы, распространявшейся от Италии до границ Индии. Синтезация культур полутора сотен народов и племен с греческой, порой доходившая до радикального отказа от автохтонных культурных черт (как это случилось с большинством народностей Передней Азии, фактически «смытых» волной эллинизации), стала одним из наиболее значительных явлений культурной глобализации в истории цивилизации.

Римские завоевания и формирование «рах гомана» также несли в себе элементы глобализации, однако преимущественно в сфере управления (римское право и по сей день лежит в основе политико-правовых систем Европы и Америки), а так же военного дела и инженерно-строительного искусства. Вторжение в сферу обычаев, нравов, верований и тому подобных проявлений культуры завоеванных народов римлянам, как правило, было не свойственно. Напротив, они постоянно интегрировали в собственную культуру различные чужеземные образцы (особенно в сфере религии).

Многочисленные волны Великого переселения народов, продолжавшегося с разной интенсивностью на протяжении всего I тыс. н.э. и запоздалым финалом которого, видимо, можно считать монгольские завоевания XII-XIV вв., фактически не несли в себе признаков культурной глобализации. Напротив, гунны, тюрки, венгры, монголы, наступавшие с Востока, как и германцы и викинги, двигавшиеся с Севера, в большинстве своем полностью или частично ассимилировались в культуре завоеванных народов и создавали собственные синкретичные этнокультурные образования.

Вместе с тем, эпоха Средневековья ознаменовалась тремя, быть может, самыми масштабными акциями культурной глобализации в истории человечества. Речь идет о распространении трех мировых религий —

212 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

буддизма, христианства и ислама. Экспансия каждой из названных религий в разных случаях имела разные формы, но по степени унификации основных параметров культуры народов, вошедших в зону влияния каждой из этих религий, по уровню нивелирования черт местного этнокультурного своеобразия названные явления, несомненно, превосходят все аналогичные события на протяжении истории.

Разумеется, в каждом конкретном случае все было по-разному. Пожалуй, наиболее тотальным культурным обезличиванием народов стали арабо-мусульманские завоевания VII-VIII вв. В этот период на огромном пространстве от Марокко до северной Индии возобладали фактически однородная культура, различавшаяся лишь региональной типологией хозяйственной деятельности и связанными с ней чертами образа жизни крестьян-земледельцев или скотоводов. В городах даже образ жизни не отличался большим разнообразием. Представители сотен народов, переходя в ислам, отказывались даже от собственных имен, принимая арабские. Характерно, что, говоря о деятелях мусульманского мира средневековой эпохи, мы (за редким исключением) весьма приблизительно знаем, кем по происхождению был тот или иной человек: арабом, персом, сельджуком, курдом, хорезмийцем и т.п. По числу охваченных народов, глубине и масштабу их культурной унификации это была самая грандиозная культурная глобализация в истории.

Конечно, позднее, по мере распада Халифата на самостоятельные государства многие народы начали постепенно восстанавливать свою этнокультурную специфику. Это прежде всего народы Индии, Ирана и Средней Азии, африканского Магриба. Другую группу составляют этносы, принявшие ислам уже после

Страсти по глобализации 213

распада Халифата: тюркские, северокавказские, центральноафриканские. В этом случае при полном соблюдении исламских религиозных нормативов новообращенные этнические группы смогли в существенной мере сохранить свою этнокультурную индивидуальность. Тенденции этнической локализации еще больше усилились с XV в., когда лидерство в исламском мире перешло от арабов к Османской империи и отчасти среднеазиатским тюркам (Тамерлану и его наследникам). Вместе с тем, многие десятки народов ближневосточного региона в годы расцвета Халифата навсегда исчезли с этнической карты мира, войдя в состав арабского суперэтноса.

Культурная экспансия христианства была не менее масштабной, хотя и более длительной. Прежде всего, отметим, что восточное христианство, всегда существовавшее под государственным патронажем, не проявляло особенного рвения к нивелированию этнических черт обращаемых народов, напротив, стремясь пластично вписаться в местные нравы и обычаи. Так что жесткая культурная экспансия со стороны христианства характерна прежде всего для католицизма.

Но и в католицизме тенденции к тотальной нивелировке культуры всего европейского мира проявились не сразу, а лишь к X в. в связи с созданием Священной римской империи, вступившей в борьбу с папством за преобладание в западнохристианской Европе. Серьезных успехов в стандартизации этнокультурных черт народов Европы ни папству, ни Империи добиться не удалось, хотя в период крестовых походов (XI–XIII вв.) элитарная феодально-рыцарская культура большинства европейских стран находилась в процессе активной межэтнической диффузии и синтеза. Разумеется, культура духовного сословия,

214 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

по крайней мере, до Реформации и образования национальных церквей была выражено космополитичной.

«Звездным часом» католической культурной экспансии стало завоевание Южной и Центральной Америки испанцами и португальцами. Здесь «выкорчевывание» местных индейских культур и насаждение католицизма — и как религии, и как обыденной культуры, и как образа жизни — осуществлялось столь жестоко, что привело к физическому уничтожению нескольких десятков индейских народностей и еще большего числа племен. Одновременно в самой Европе свирепствовала инквизиция, которая в своей борьбе с любым инакомыслием фактически (хотя, быть может, и неосознанно) преследовала ту же цель — предельной унификации интеллектуально-образного своеобразия культур европейских народов. Общеввропейская Тридцатилетняя война середины XVII в. раз и навсегда поставила точку на попытках культурной глобализации Европы на религиозной основе.

Особым своеобразием отличалось распространение буддизма — хронологически первой из мировых религий. Буддизм также имел явные потенции к культурной глобализации, но в силу сугубо мирного и добровольного распространения оказал серьезное изменяющее воздействие лишь на культуры народов, находившихся на сравнительно низком уровне социального развития — племена Тибета, кочевников Восточной Азии и еще только формирующиеся народы Индокитая. Что касается культур более развитых народов — самой Индии, Китая, Кореи, Японии, то здесь буддизм органично «вплется» в букет разнообразных религиозных учений, уже распространенных в этих странах, не изменив существенно местную этнокультурную специфику.

Страсти по глобализации 215

С началом Нового времени тенденция культурной глобализации вступает в новый — имперский этап.

Следует заметить, что империя, как специфический тип государственного устройства и правления, является прежде всего военно-бюрократической диктатурой армии в стране с более или менее полиэтническим населением. В этнически однородных государствах режимы имперского типа возникали крайне редко (как например, в Японии). Особым типом являлись колониальные империи (Британская, Французская, Испанская и др.), где основная масса некоренного населения была сосредоточена в заморских колониях. Характерно, что в этих случаях военная диктатура осуществлялась именно на территориях колоний при том, что в самой метрополии мог иметь место гораздо более либеральный режим правления.

Аналогично практике Древнего Рима усилия по унификации культуры в многонациональных империях сосредотачиваются преимущественно на институциональных органах управления, образования, военного дела, судопроизводства и т.п. Имеются в виду такие империи как Османская, Российская (позднее СССР), Австрийская (позднее Австро-Венгерская), Германская (империя

Гогенцоллернов и Третий Рейх), Французская империя Наполеона Бонапарта, а по многим чертам и империи колониального типа. Власти подобных империй в основном не вмешивались в обыденную культуру и даже религию многочисленных национальных меньшинств или колонизованных народов, но самым категорическим образом навязывали им единый язык официального делопроизводства, армейских команд и административных распоряжений, единую систему государственных законов, суда, образования (разумеется, также на языке господствующего этноса) и пр. Та-

216 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ким образом, представители иных народов, не освоившие государственного языка и основных норм официальной культуры, практически не имели шансов на какой-либо социально-статусный рост, образование, престижную профессию и т.п. Платой за все эти блага становилась культурная ассимиляция в господствующем этносе. Конечно, это культурная глобализация особого рода — внутригосударственная (юридически, как правило, заморские колонии приравнивались к административным провинциям метрополии); но суть ее от этого не меняется. Кстати, именно по этому пути пошли и США, формируя единую американскую нацию из полиэтнического потока эмигрантов.

Наконец, XX век преподнес нам два рецидива средневекового типа глобализации, апеллирующей к идеологическим основаниям своего превосходства. Имеются в виду идея мировой революции и образование «лагеря мирового социализма», с одной стороны, и европейский фашизм и нацизм, также претендовавшие на мировое господство не только политическое, но и культурное, с другой. Нет нужды напоминать о том, что никакой мирной культурной экспансии ни у одной из сторон не получилось; по сути дела все свелось к войне и насилию как «последнему аргументу культуры». И лишь в порядке удивительного исключения, советская идеология была воспринята не только руководителями, но и большей частью населения Китая, Северной Кореи и Северного Вьетнама. Впрочем, речь идет о регионе с наиболее прочными традициями средневекового сознания.

Тот процесс, который сейчас называют «американской (или западной) культурной экспансией на Восток», безусловно, имеет место и является вполне осмысленной культурно-информационной политикой Запада.

Страсти по глобализации 217

Впрочем, разве Советский Союз не вел аналогичную идеологическую экспансию по всему миру? И чем все это кончилось? Думаю, что примерно тем же закончится и нынешняя экспансия Запада. Культуры народов, уже достигших стадии зрелых городских цивилизаций, как свидетельствует история, приобретают удивительную устойчивость, даже в ситуации принудительной диаспоры самого этноса. Помимо того следует помнить, что в отличие от Европы и Дальнего Востока с давно сложившимися и укрепившимися национальными государствами, сравнительно толерантными к чужим культурам, на территории остального мира национальная государственность еще очень юна, а порой и незавершенна в своем формировании. А это делает соответствующие общества вовсе не податливыми внешней культурной экспансии, а, напротив, — особо агрессивными в ее отторжении. Активизация исламского фундаментализма в последние десятилетия — наиболее наглядное подтверждение сказанному.

Итак, можно отметить, что как процессы этнокультурной локализации, так и процессы транскультурной глобализации являются естественными и постоянно действующими, взаимодополняющими и сбалансированными тенденциями социокультурной жизни человечества.

Процессы этнической и социальной локализации поддерживают необходимое культурное разнообразие человечества и могут быть сопоставлены с процессами поддержания видового разнообразия биосферы Земли. В этнокультурном разнообразии заложены тысячи локальных вариантов социального опыта выживания человеческих коллективов в различных природных и исторических условиях; миллионы локальных технологий удовлетворения человеческих интересов и потребно-

218 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

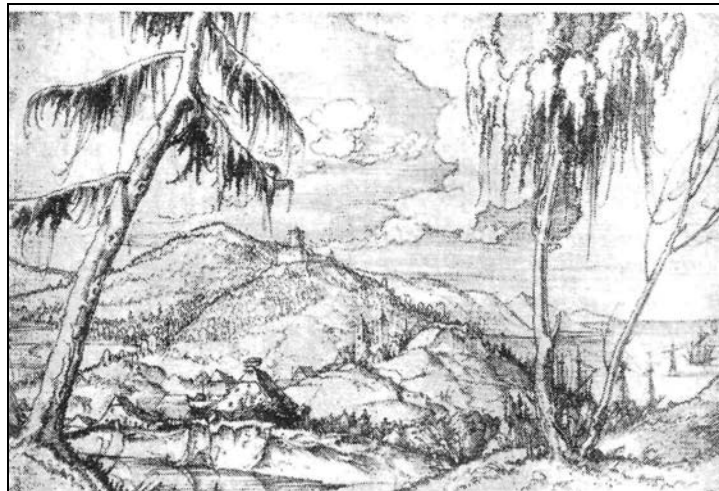
тей (как коллективных, так и индивидуальных); множество различных способов взаимодействия между людьми, познания мира, передачи информации (языков коммуникации), трансляции социального опыта от поколения к поколению и т.п. Сохранение локального культурного разнообразия является одним из самых главных условий исторического выживания вида *Homo sapiens* как такового.

Но и процессы социокультурной глобализации играют не менее важную роль в истории. Они препятствуют тенденции дифференциации человечества на бесконечное множество мелких этнических и социальных групп, демографически не способных к самостоятельному выживанию (а практика внутриэтнического размежевания на субэтноты, этнографические и конфессиональные группы, социальные страты, малые социальные группы и т.д. свидетельствует о вполне серьезной

угрозе подобного рода). Очередной волне культурных и иных «суверенитетов» приходит на смену волна объединения мелких социокультурных общностей в крупные культурно-цивилизационные или имперские образования. Со временем и они распадаются на локальные национально консолидированные общности, и все начинается сначала.

Поэтому у нас нет никаких оснований панически относиться к развалу многонациональных государств (т.е. этнокультурной локализации народов), так же, как и к глобализации (т.е. культурному сближению вплоть до слияния). Это вечное соперничество между тенденциями увеличения энтропии (деструктурирующая глобализация) и ее понижения (структурирующая локализация), благодаря которым и поддерживается социально-историческая целостность и культурное разнообразие человечества.

Массовая культура

Массовая культура, будучи одним из самых ярких проявлений социокультурного бытия современных развитых сообществ, остается сравнительно малоосмысленным феноменом с точки зрения общей теории культуры. Интересные теоретические основания исследования социальных функций культуры (и в том числе массовой) были разработаны в последние годы Э. А. Орловой¹. В соответствии с этой концепцией в морфологическом строении культуры можно выделить две области: обыденной культуры, осваиваемой человеком в процессе его общей социализации в среде проживания (прежде всего в процессах усвоения нравов и традиций, а так же воспитания и общего образования), и специализированной культуры, освоение которой требует специального (профессионального) образования. Промежуточное положение между этими двумя областями с функцией транслятора культурных смыслов от специализированной культуры к обыденному

¹ Морфология культуры: структура и динамика. — М., 1994.

222 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

сознанию человека и занимает массовая культура. Настоящая статья преследует цель углубленного размышления о социально-функциональных характеристиках массовой культуры.

Со времени разложения первобытного общества, начала разделения труда и социальной стратификации в человеческих коллективах, сложения первых городских цивилизаций и т.п. возникла и соответствующая дифференциация культуры, определяемая различием социальных функций разных групп людей, связанных с их образом жизни, материальными средствами и социальными благами, а также формирующейся идеологии и символики социальной престижности. Эти дифференцированные сегменты общей культуры того или иного исторического сообщества со временем стали его социальными субкультурами — элитарной, крестьянской, буржуазной и т.п. Одновременно происходило размежевание культуры на обыденную и специализированную.

Обыденная культура не изучается человеком специально (за исключением эмигрантов, целенаправленно осваивающих язык и обычаи новой родины), а усваивается им более или менее стихийно в процессе детского воспитания и общего образования, общения с родственниками, социальной средой, коллегами по профессии и пр. и корректируется на протяжении всей жизни индивида по мере интенсивности его социальных контактов. Обыденная культура — это владение обычаями повседневной жизни социальной и национальной среды, в которой человек проживает и социально самореализуется. Процесс овладения обыденной культурой называется в науке общей социализацией и инкультурацией личности, включающей человека не просто в национальную культуру какого-либо народа,

Массовая культура 223

но и — в обязательном порядке — в одну из его социальных субкультур, упоминавшихся выше.

Вместе с тем необходимо учитывать, что до XVIII-XIX веков ни одна из социальных субкультур, ни даже их механическая сумма (в масштабе одного этноса) не могут быть названы национальной культурой соответствующего государства. Прежде всего, потому, что еще не существовало единых общенациональных стандартов социальной адекватности и унифицированных для всей культуры механизмов социализации личности, общенациональных критериев культурной компетентности. Все это зарождается только в Новое время в ходе процессов индустриализации и урбанизации, становления капитализма в его классических, постклассических и даже альтернативных (социалистических) формах, перехода от экстенсивных (просто воспроизводящих) к интенсивным

(расширенно воспроизводящим) технологиям производства не только продуктов потребления, но и социальных отношений и структур, личностных свойств индивида и параметров его социальной конкурентоспособности, преобразования сословных обществ в национальные. Одновременно происходит и размывание сословных перегородок, разделявших людей, развитие всеобщей грамотности населения, деградация многих форм традиционной обыденной культуры доиндустриального типа, развития технических средств тиражирования и трансляции информации, либерализация нравов и жизненных укладов сообществ, возрастающая зависимость политических элит от состояния общественного мнения, а производства продуктов массового потребления — от устойчивости покупательского спроса, регулируемого модой, рекламой и т.п.

224 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Особое место здесь занимают процессы массовой миграции населения в города, массовизации политической жизни сообществ (возникновение многомиллионных армий, профессиональных союзов, политических партий и электоратов). В последние десятилетия XX века к перечисленным факторам прибавилась еще и динамика технологической революции — переход от индустриального этапа развития (интенсификации механического манипулирования рабочими органами — автоматизация станочного парка) к постиндустриальному этапу (интенсификации процессов управления — получения и обработки информации и принятия решений).

В этих условиях столь же актуальными стали и задачи стандартизации социокультурных установок, интересов и потребностей населения, интенсификации процессов манипулирования человеческой личностью, ее социальными притязаниями, политическим поведением, идеологическими ориентациями, потребительским спросом на товары, услуги, идеи, собственный имидж и т.п. В прежние эпохи монополия на такого рода управление сознанием в более или менее массовом масштабе принадлежала церкви и политической власти. В Новое время в соперничество за сознание людей вступили также частные производители информации, товаров и услуг массового потребления. Все это потребовало изменения механизмов общей социализации и инкультурации человека, подготавливающих личность к свободной реализации не только своего производительного труда, но и своих социокультурных интересов.

Если в традиционных сообществах задачи общей социализации личности решались преимущественно средствами персональной трансляции знаний, норм

Массовая культура 225

и образцов сознания и поведения (деятельности) от родителей детям, от учителя (мастера) к ученику, от священника к прихожанину и т.п. (причем в содержании транслируемого социального опыта особое место занимал индивидуальный жизненный опыт воспитателя и его персональные социокультурные ориентации и предпочтения), то на этапе сложения национальных культур подобные механизмы социального и культурного воспроизводства личности начинают терять свою эффективность. Возникает необходимость в большей универсализации транслируемого опыта, ценностей, образцов сознания и поведения; в формировании общенациональных норм и стандартов социальной и культурной адекватности человека; в инициировании его интереса и спроса на стандартизированные формы социальных благ; в повышении эффективности работы механизмов социальной регуляции за счет унифицирующего воздействия на мотивацию человеческого поведения, социальные притязания, образы престижности и т.п. Это, в свою очередь, вызвало необходимость создания канала трансляции знаний, понятий, социокультурных норм и иной социально значимой информации широким массам населения, охватывающим всю нацию, а не только ее образованные сословия. Первыми шагами в этом направлении стали введение всеобщего и обязательного начального, а позже и среднего образования, а затем — развитие средств массовой информации (СМИ), демократических политических процедур, вовлекающих в свою орбиту все большие массы людей и т.п.

Следует отметить, что в национальной культуре (в отличие от сословной) дети, скажем, британской королевы и дети рабочего-поденщика из графства Суффолк получают общее среднее образование по более

226 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

или менее однотипным программам (национальный образовательный стандарт), читают одни и те же книги, изучают одни и те же английские законы, смотрят те же телевизионные передачи, болеют за ту же футбольную команду и т.п., а качество их познаний в поэзии Шекспира или британской истории в большей мере зависит от их личных способностей, нежели от различий в программах общего образования. Разумеется, когда дело доходит до получения специального образования и профессионального жизнеустройства, возможности сравниваемых детей существенно разнятся и зависят от их социального происхождения и условий жизни. Но национальный стандарт на уровне общего среднего образования, единообразие в содержании общей социализации и инкультурации членов сообщества, развитие средств массовой информации и постепенная либерализация

информационной политики в современных странах более или менее обеспечивают общенациональное культурное единство граждан и единство норм их социальной адекватности. Это и есть *национальная культура* в отличие от *сословной*, где для разных социальных групп различались даже нормы социального поведения, законы, система наказаний и т.п.

Формирование национальной культуры не отменяет ее деления на сословные субкультуры. Национальная культура дополняет систему социальных субкультур, выстраивается как объединяющая надстройка над ними, снижающая остроту социально-ценностных напряжений между различными группами людей, задающая определенные универсальные эталоны некоторых социокультурных черт нации. Разумеется, и до сложения наций имели место явления или черты такого же рода, объединяющие разные сословия одного эт-

Массовая культура 227

носа: прежде всего язык, религия, ментальности, фольклор, некоторые бытовые обряды, элементы одежды, предметов обихода и т.п. Вместе с тем объединяющие этнографические черты уступают национальной культуре прежде всего по уровню универсальности (в силу своей преимущественной конвенциональности и отсутствия общегосударственных институтов, специально поддерживающих это единообразие). Формы этнической культуры весьма пластичны и вариативны в практике различных сословий. Нередко даже язык и религия у аристократии и плебса одного и того же этноса бывали далеко не тождественны.

Национальная же культура задает принципиально единообразные эталоны и стандарты, внедряемые общедоступными специализированными культурными институтами: общим образованием, прессой, политическими организациями, массовыми формами художественной культуры и пр. К примеру, какие-то формы художественной литературы существуют у всех народов, имеющих письменную культуру, но до исторической трансформации этноса в нацию перед ним и не стоит проблема формирования общенационального литературного языка, который существует в разных регионах в виде различных местных диалектов. Одна из наиболее существенных характеристик национальной культуры заключается в том, что в отличие от этнической культуры, являющейся по преимуществу мемориальной, воспроизводящей историческую традицию коллективных форм жизни народа, характерных для прошлого, культура национальная является прежде всего прогностической, артикулирующей скорее цели, нежели результаты развития, вырабатывающей знания, нормы, содержания и смыслы модернизационной направленности, про-

228 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

никнутые пафосом интенсификации всех сторон социальной жизни.

Однако главной сложностью в распространении национальной культуры является то, что современные знания, нормы, культурные образцы и смыслы вырабатываются почти исключительно в недрах высокоспециализированных областей социальной практики. Они более или менее успешно понимаются и усваиваются соответствующими специалистами; для основной же массы населения языки современной специализированной культуры (политической, научной, художественной, инженерной и т.п.) почти недоступны для понимания. Обществу требуется система средств по смысловой адаптации, «перевода» транслируемой информации с языка высокоспециализированных областей культуры на уровень обыденного понимания неподготовленных людей, по «растолковыванию» этой информации ее потребителю, определенной «инфантилизации» ее образных воплощений, а также «управлению» сознанием массового потребителя в интересах производителя этой информации, предлагаемого товара, услуг и т.п.

Такого рода адаптация всегда требовалась для детей, когда в процессах воспитания и общего образования «взрослые» смыслы переводились на язык сказок, притч, занимательных историй, упрощенных примеров и пр., более доступных для детского сознания. Теперь подобная интерпретативная практика стала необходимой для человека на протяжении всей его жизни. Современный человек, даже будучи очень образованным, остается узким специалистом в какой-то одной области, и уровень его специализированности (по крайней мере, в элитарной и буржуазной субкультурах) из века в век повышается. В остальных областях ему требуется постоянный «штат» комментаторов, ин-

Массовая культура 229

терпретаторов, учителей, журналистов, рекламных агентов и иного рода «гидов», ведущих его по безбрежному морю информации о товарах, услугах, политических событиях, художественных новациях, социальных коллизиях, экономических проблемах и т.п. Нельзя сказать, чтобы современный человек стал глупее или инфантильнее, чем его предки. Просто его психика, видимо, не может обработать такое количество информации, провести столь многофакторный анализ такого числа одновременно возникающих проблем, с должной оперативностью использовать свой социальный опыт и т.п. Не будем забывать, что темп обработки информации в компьютерах во много раз превышает соответствующие возможности человеческого мозга.

Эта ситуация требует появления новых методов интеллектуального поиска, сканирования, селекции и систематизации информации, «прессовки» ее в более крупные блоки, разработки новых технологий прогнозирования и принятия решений, а также психической подготовленности людей к работе с таким объемными информационными потоками. Я полагаю, что после нынешней «информационной революции», т.е. повышения эффективности технологий передачи и обработки информации, а также принятия управленческих решений с помощью компьютеров человечество ожидает «прогностическая революция» — скачкообразный рост эффективности технологий прогнозирования, вероятностного расчета, факторного анализа и т.п., хотя я и не берусь предсказать, с помощью каких технических средств (или методов искусственной стимуляции мозговой деятельности) это может произойти.

Пока же людям требуется некое средство, снимающее избыточное психическое напряжение от обруши-

230 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

вающихся на них информационных потоков, редуцирующее сложные интеллектуальные проблемы к примитивным дуальным оппозициям («хорошее-плохое», «наши-чужие» и т.п.), дающее индивиду возможность «отдохнуть» от социальной ответственности, от постоянного личностного выбора (часто очень непростого в нравственном отношении, учитывая современные технические возможности и социальные последствия реализации такого выбора), растворить его в толпе зрителей «мыльных опер» или механических потребителей рекламируемых товаров, идей, лозунгов и т.п. Реализатором такого рода потребностей и стала *массовая культура*. Нельзя сказать, что массовая культура вообще освобождает человека от личностной ответственности; скорее, речь идет именно о снятии проблемы самостоятельного выбора. В ситуации массового общества и обслуживающей его соответствующей массовой культуры структура бытия (по крайней мере, той его части, что касается индивида непосредственно) задается человеку как набор более или менее стандартных ситуаций, где все уже выбрано теми самыми «гидами» по жизни: журналистами, рекламными агентами, публичными политиками, звездами шоу-бизнеса и др. В массовой культуре уже все известно наперед: «правильный» политический строй, единственно верное учение, вожди, место в строю, звезды спорта и эстрады, мода на имидж «классового борца» или «сексуального символа», кинофильмы, где «наши» всегда правы и непременно побеждают, и пр.

Напрашивается вопрос: а разве в прежние времена не возникало проблем с трансляцией идей и смыслов специализированной культуры на уровень обыденного понимания? Почему массовая культура появилась только в последние полтора-два века, и какие культур-

Массовая культура 231

ные феномены выполняли эту функцию раньше? По-видимому, дело в том, что до научно-технического переворота последних веков действительно не было такого разрыва между специализированным и обыденным знанием (как его до сих пор почти нет в крестьянской субкультуре). Единственным очевидным исключением из этого правила была религия. Мы хорошо знаем, сколь велик был интеллектуальный разрыв между «профессиональным» богословием и массовой религиозностью населения. Здесь действительно был необходим «перевод» с одного языка на другой (причем нередко в буквальном смысле: с латыни, церковнославянского, арабского, древнееврейского и др. на национальные языки верующих). Эта задача и в лингвистическом, и в содержательном планах решалась проповедью (как с амвона, так и миссионерской). Именно проповедь, в отличие от богослужения, произносилась на абсолютно понятном пастве языке и являлась в большей или меньшей мере редукцией религиозной догматики к общедоступным образам, понятиям, притчам и т.п. Очевидно, церковную проповедь мы и можем считать историческим предшественником явлений массовой культуры.

Разумеется, какие-то элементы специализированных знаний, форм и образцов из элитарной культуры всегда попадали в народную среду и, как правило, претерпевали в нем специфическую трансформацию, приобретая порой фантастические или лубочные формы. Но это трансформации стихийные, «по ошибке», «по непониманию». Феномены же массовой культуры обычно создаются профессиональными людьми, преднамеренно редуцирующими сложные культурные смыслы к примитиву «для дураков» или в лучшем случае для детей. Нельзя сказать, что такого рода инфан-

232 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

тилизация столь уж проста по исполнению; хорошо известно, что создание художественных произведений, рассчитанных на детскую аудиторию, во многих отношениях сложнее творчества «для взрослых», а техническое мастерство многих звезд шоу-бизнеса вызывает искреннее восхищение у представителей «художественной классики». Тем не менее, целенаправленность такого рода семантических редукций является одним из основных феноменологических признаков массовой культуры.

Среди основных проявлений и направлений массовой культуры нашего времени можно выделить

следующие:

► индустрия «субкультуры детства» (художественные произведения для детей, игрушки и промышленно производимые игры, товары специфического детского потребления, детские клубы и лагеря, военизированные и иные организации, технологии коллективного воспитания детей и т.п.), преследующие цели явной или закамуфлированной стандартизации содержания и форм воспитания, внедрения в детское сознание унифицированных форм и навыков социальной и личной культуры, идеологически ориентированных миропредставлений, закладывающих основы базовых ценностных установок, официально пропагандируемых в данном обществе;

► массовая общеобразовательная школа, тесно коррелирующая с установками «субкультуры детства», приобщающая учащихся к основам научных знаний, философских и религиозных представлений об окружающем мире, к историческому социокультурному опыту коллективной жизнедеятельности людей, к принятым

Массовая культура 233

в данном сообществе ценностным ориентациям. При этом она стандартизирует перечисленные знания и представления на основании типовых программ и редуцирует транслируемые знания к упрощенным формам детского сознания и понимания;

► средства массовой информации (печатные и электронные), транслирующие широким слоям населения текущую актуальную информацию, «растолковывающие» рядовому человеку смысл происходящих событий, суждений и поступков деятелей из различных специализированных сфер общественной практики и интерпретирующие эту информацию в «нужном» для ангажирующего данное СМИ заказчика ракурсе, т.е. фактически манипулирующие сознанием людей и формирующие общественное мнение по тем или иным проблемам в интересах своего заказчика (при этом в принципе не исключается возможность существования неангажированной журналистики, хотя практически это такая же нелепость, как «ничья армия»);

► система национальной (государственной) идеологии и пропаганды, «патриотического» воспитания и пр., контролирующая и формирующая политико-идеологические ориентации населения и его отдельных групп (например, политико-воспитательная работа с военнослужащими), манипулирующая сознанием людей в интересах правящих элит, обеспечивающая политическую благонадежность и желательное электоральное поведение граждан, «мобилизационную готовность» общества к возможным военным угрозам и политическим потрясениям и т.п.;

234 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

► массовые политические движения (партийные и молодежные организации, манифестации, демонстрации, пропагандистские и выборные кампании и т.п.), инициируемые правящими или оппозиционными элитами с целью вовлечения в политические акции широких слоев населения, в большинстве своем весьма далекого от интересов политических интересов элит, мало понимающего смысл предлагаемых политических программ, на поддержку которых людей мобилизуют методом нагнетания политического, националистического, религиозного и иного психоза;

► массовая социальная мифология (национал-шовинизм, истерический «патриотизм», социальная демагогия, популизм, квазирелигиозные и паранаучные учения, экстрасенсорика, кумиромания, шпиономания, «охота на ведьм», провокативные «утечки информации», слухи, сплетни и т.п.), упрощающая сложную систему ценностных ориентаций человека и многообразие оттенков миропонимания до элементарных дуальных оппозиций («наши — не наши»), замещающая анализ сложных многофакторных причинно-следственных связей между явлениями и событиями апелляциям к простым и, как правило, фантастическим объяснениям (мировой заговор, происки иностранных спецслужб, «барабашки», инопланетяне и пр.), партикуляризирующая сознание (абсолютизирующее единичное и случайное, игнорируя при этом типичное, статистически преобладающее) и т.п. Это, в конечном счете, освобождает людей, не склонных к сложным интеллектуальным рефлексиям, от усилий по рациональному объяснению вол-

Массовая культура 235

нующих их проблем, дает выход эмоциям в их наиболее инфантильном проявлении;

► индустрия развлекательного досуга, включающая в себя массовую художественную культуру (практически по всем видам литературы и искусства, быть может, за определенным исключением архитектуры), массовые постановочно-зрелищные представления (от спортивно-цирковых до эротических), профессиональный спорт (как зрелище для болельщиков), структуры по проведению организованного развлекательного досуга (соответствующие типы клубов, дискотеки, танцплощадки и пр.) и иные виды массовых шоу. Здесь потребитель, как правило, выступает не только в роли пассивного зрителя (слушателя), но и постоянно провоцируется на активное включение или экстатическую эмоциональную реакцию на происходящее (порой не без помощи допинговых стимуляторов), что является во многих отношениях эквивалентом все той же «субкультуры детства», только оптимизированным под вкусы и интересы взрослого или подросткового потребителя. При

этом используются технические приемы и исполнительское мастерство «высокого» искусства для передачи упрощенного, инфантилизированного смыслового и художественного содержания, адаптированного к невзыскательным вкусам, интеллектуальным и эстетическим запросам массового потребителя. Массовая художественная культура достигает эффекта психической релаксации нередко посредством специальной эстетизации безобразного, вульгарного, брутального, физиологического, т.е. действуя по принципу средне-

236 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

векового карнавала и его смысловых «перевертышей». Для этой культуры характерно тиражирование уникального, культурно значимого и сведение его к обыденно-общедоступному, а порой и ирония над этой общедоступностью (репродукция «Джоконды» на дверях туалета) и т.п. (опять-таки на основе карнавального принципа профанирования сакрального);

► индустрия оздоровительного досуга, физической реабилитации человека и исправления его телесного имиджа (курортная индустрия, массовое физкультурное движение, культуризм, аэробика, спортивный туризм, а также система хирургических, физиотерапевтических, фармацевтических, парфюмерных и косметических услуг для исправления внешности), что, помимо объективно необходимой физической рекреации человеческого организма, дает индивиду возможность «подправить» свою внешность в соответствии с актуальной модой и спросом на типажи сексуальных партнеров, укрепляет человека не только физически, но и психологически поднимает его уверенность в своей физической выносливости, гендерной конкурентоспособности и т.п.;

► индустрия интеллектуального и эстетического досуга («культурный» туризм, художественная самодеятельность, коллекционирование, интеллектуально или эстетически развивающие кружки по интересам, разнообразные общества собирателей, любителей и поклонников чего бы то ни было, научно-просветительские учреждения и объединения, а также все, что попадает под определение «научно-популярное», интеллектуальные игры, в том числе и азартные, викторины,

Массовая культура 237

кроссворды и т.п.), приобщающая людей к научно-популярным знаниям, научному и художественному любительству, развивающая общую «гуманитарную эрудицию» у населения, актуализирующая взгляды на торжество просвещенности и гуманности, на «исправление нравов» посредством эстетического воздействия на человека и т.п., что вполне соответствует еще сохраняющемуся в культуре западного типа «просвещенческому» пафосу «прогресса через знание»;

► система организации, стимуляции и управления потребительским спросом на вещи, услуги, идеи как индивидуального, так и коллективного пользования (реклама, мода, имиджмейкерство и т.п.), формулирующая в общественном сознании стандарты социально престижных образов и стилей жизни, интересов и потребностей, имитирующая в массовых и доступных по ценам моделях формы элитных образцов, включающая рядового потребителя в ажиотажный спрос как на престижные предметы потребления, так и модели поведения (особенно проведения досуга), типы внешности, кулинарные предпочтения, превращающая процесс безостановочного потребления социальных благ в самоцель существования индивида;

► разного рода игровые комплексы от механических игровых автоматов, электронных приставок, компьютерных игр и т.п. до систем виртуальной реальности, развивающие определенного рода психомоторные реакции человека, приучающие его к быстрой реакции в информационно избыточных ситуациях, что находит применение как в программах подготовки определенных специа-

238 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

листов (летчиков, космонавтов), так и в обще-развивающих и развлекательных целях; ► всевозможные словари, справочники, энциклопедии, каталоги, электронные и иные банки информации, популярные собрания специальных знаний, публичные библиотеки, «Интернет» и т.п., рассчитанные не на подготовленных специалистов в соответствующих областях знаний, а на массовых потребителей «с улицы», что также развивает просвещенческую мифологию о компактных и популярных по языку изложения компендиумах социально значимых знаний (энциклопедиях), а по существу возвращает нас к средневековому принципу «реестрового» построения знания.

Можно перечислить еще ряд частных направлений массовой культуры.

Поскольку сегодня в повседневном быту люди сталкиваются с феноменами массовой культуры чаще всего в ее наиболее коммерциализированных проявлениях — в эстрадно-музыкальном, эротическом и развлекательно-игровом шоу-бизнесе, в «низких» жанрах кино и литературы, назойливой и безвкусной рекламе, низкопробных публикациях и передачах СМИ и т.п., в обществе (в частности в отечественном) сложилось несколько однобокое представление о массовой культуре как о сугубо коммерческой, безвкусной и безнравственной «контркультурной» тенденции, характерной своей откровенностью в сексуальной сфере, нездоровым интересом к проблемам человеческой физиологии и психопатологии, образам насилия, жестокости, антиэстетизма и пр., по существу

паразитирующей на всем том, что в традиционной культуре всегда считалось за-

Массовая культура 239

претным, тайным или по крайней мере не рекомендуемым к публичной демонстрации. Разумеется, все это имеет широкое распространение в массовой культуре, но отнюдь не потому, что она не способна к самовыражению в других образных системах, на других более эстетических языках.

Вспомним, что в тоталитарных обществах имеет место совершенно другая по своим формам и проявлениям массовая культура милитаристско-психопатического склада, ориентирующая людей не на индивидуализированный выбор чего-то желаемого, а на «хождение строем под барабан», на образы сексуальности не чувственно-эротического (Мерилин Монро), а военно-спортивного («девушка с веслом») типа, прославляющая тот же самый культ насилия, но не героя-одиночки, борющегося ради защиты чести и достоинства личности (традиция, идущая в западной культуре еще от средневековых саг и поэм о странствующих рыцарях: короле Артуре, сэре Ланселоте и пр., позднее продолженная образами Дон Кихота и Шерлока Холмса, а сегодня воплощаемая Джеймсом Бондом, героями А. Шварцнеггера и С. Сталоне), а героями насилия политического по отношению к «врагам народа», «иногородцам», «иноверцам» и пр. (героями-чекистами советских времен, кинопоэтизированным образом О. Скорцени и т.п.).

По существу на протяжении последних полутора веков в индустриально развитых странах шло формирование двух типов массовой культуры: рассчитанной на свободный коммерческий спрос (в обществах с более или менее либеральными установками на свободу личного выбора) и рассчитанной на жесткое навязывание гражданам стандартов социальной и идеологической лояльности (в обществах с тоталитарными поли-

240 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

тическими режимами или тяготеющими к подобной тоталитарности). В принципе различие между этими двумя типами массовой культуры имеет преимущественно стилевой и мотивационный характер. По своим социально-регулятивным функциям оба варианта более или менее сопоставимы. В одном случае свободно продающийся, а в другом — императивно навязываемый комплекс образов престижного потребления в равной мере являются для человека, приобретающего эти товары, услуги, образы поведения или стереотипы суждений, осознаваемой или латентной демонстрацией его абсолютной лояльности существующему порядку, что собственно и представляет собой некую «суперцель» любой культуры как инструмента социальной регуляции. Просто никогда еще прежде в истории масштабы такого рода проявления лояльности не обретали столь массового характера. Еще никогда миллионы людей одновременно не усаживались перед экранами, чтобы посмотреть очередной фильм, прославляющий «наш, единственно правильный образ жизни и мыслей», и не бросались в магазины, чтобы купить новейший ширпотреб, дабы ни у кого не оставались сомнения в том, что «я живу как все и ношу такие же джинсы, как мой президент и любой иной добропорядочный патриот своего отечества». Разумеется, в этих рассуждениях есть некоторый элемент утрирования, но, в конечном счете (по крайней мере, по мнению социопсихологов), дело обстоит именно так.

Таким образом, есть все основания утверждать, что массовая культура представляет собой новый в социокультурной практике, принципиально более высокий уровень стандартизации системы образов социальной адекватности и престижности, какую-то новую форму организации «культурной компетентности» современ-

Массовая культура 241

ного человека, его социализации и инкультурации, новую систему управления и манипулирования его сознанием, интересами и потребностями, потребительским спросом, ценностными ориентациями, поведенческими стереотипами и т.п., что, в конечном счете, сводится к проявлению его общей идеологической и социальной лояльности к существующему порядку.

Хотя массовая культура, безусловно, является «эрзац-продуктом» специализированных «высоких» областей культуры, не порождает собственных смыслов, а лишь имитирует явления специализированной культуры, пользуется ее формами, смыслами, профессиональными навыками, нередко пародируя их, редуцируя до уровня восприятия «малокультурного» потребителя, не стоит оценивать это явление однозначно негативно. Массовая культура порождается объективными процессами социальной модернизации сообществ, когда социализирующая и инкультурирующая функции традиционной обывденной культуры (сословного типа), аккумулирующей социальный опыт городской жизни в доиндустриальную эпоху, утрачивают свою эффективность и практическую актуальность, а массовая культура фактически принимает на себя функции инструмента обеспечения первичной социализации личности в условиях национального общества со стертыми сословно-классовыми границами. Вполне вероятно, что массовая культура является эмбриональным предшественником какой-то новой, еще только нарождающейся обывденной культуры, отражающей социальный опыт жизни уже на индустриальном (национальном) и постиндустриальном (во многом

уже транснациональном) этапах развития, и в процессах селекции ее пока еще весьма неоднород-

242 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ных по своим характеристикам форм может вырасти новый социокультурный феномен, параметры которого нам еще не ясны.

Так или иначе, но очевидно, что массовая культура представляет собой вариант обыденной культуры городского населения (и прежде всего той его части, которая относится или тяготеет к буржуазной в функциональном смысле субкультуре) эпохи «высоко специализированной личности», компетентной только в своей узкой сфере знаний и деятельности, а в остальном предпочитающей пользоваться печатными, электронными или одушевленными справочниками, каталогами, «гидами» и иными источниками экономно скомпонованной и редуцированной для автоматического восприятия информации.

В конце концов, эстрадная певица, приплясывающая у микрофона, поет примерно о том же, о чем писал в своих сонетах Шекспир, но только в данном случае, переведенном на язык «два прихлопа, три притопа». Для человека, имеющего возможность читать Шекспира в подлиннике, это звучит отвратительно. Но можно ли научить все человечество читать Шекспира в подлиннике (как об этом мечтали философы-просветители), как это сделать и — главное — нужно ли это вообще? Вопрос, надо сказать, далеко не оригинальный, а лежащий в основе социальных утопий всех времен и народов. Массовая культура не является ответом на него. Она лишь заполняет лакуну, образуемую отсутствием какого-либо ответа.

И есть подозрение, что это надолго...

Женщина как культурный текст

Признаюсь, что мыслью, подтолкнувшей меня к написанию этой статьи, стал эпизод из книги американо-турецкою культуролога Сейлы Бенхабиб «Притязания культуры», пафос которой сводится к противопоставлению культуры личности культуре общества и признанию сложной совместимости последней (как средства принуждения) с современными принципами демократии¹. Впрочем, мое внимание привлекло другое.

Рассматривая общество традиционного типа, в котором субъектом свободной воли является мужчина, а женщина — объектом многочисленных культурных ограничений, госпожа Бенхабиб пишет: «Природа не диктует, кому и с кем спариваться; однако все известные человеческие общества подвергают спаривание в репродуктивных целях регулированию и создают

¹ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. — М., 2003.

246 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

символическую совокупность значений, на основании которых создаются родственные примеры и учреждаются сексуальные табу. Женщины и женское тело — это культурно-символическая «доска», на которой человеческие общества записывают свой моральный кодекс. В силу своей способности к деторождению женщины посредничают между природой и культурой, между видами животных, к которым мы все принадлежим, и символическим порядком, который делает нас культурными существами»¹.

Итак, женщина, ее сексуальные и детородные функции лежат в основе культуры и символического поля собственно человеческого существования...

По всей видимости, приведенное мнение госпожи Бенхабиб относится по преимуществу к первобытной эпохе: поскольку уже давно установлено, что древнейшей областью социальной регуляции были именно брачные и кровнородственные отношения². Позднее ситуация и социокультурные функции женщины стали намного сложнее, и приведенная цитата, при всей ее экзотической красоте уже не отражает всего многообразия социальных ролей женщины в обществах цивилизованной стадии развития.

Разумеется, мои размышления о женщине как

► «культурном тексте» охватывают более широкое смысловое поле, нежели собственно сексуальные отношения, хотя я согласен с тем, что основу символической функции женщины составляет именно этот аспект ее бытия и положения в любом обществе, прямо или косвенно задающий и определенный социальный ста-

¹ Там же.

² Подробнее об этом см.: Семенов Ю.М. Завершение становления первобытного общества и возникновение первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. — М., 1986; Флиер А.Я. Культурогенез. — М., 1995.

Женщина как культурный текст 247

тус. По крайней мере, социальная символика (и прежде всего индивидуальный имидж) женщины всегда определялись именно этим.

В целом, если говорить о содержании подобного «культурного текста», то в его структуре можно выделить три основные функциональные позиции:

- ▶ условия доступности женщины как сексуального партнера;
- ▶ функции женщины по отношению к детям, семье, дому;
- ▶ образовательные и профессионально-статусные возможности женщины по социальной самореализации.

Хронологически до наступления постиндустриальной стадии развития, о которой будет сказано особо, можно выделить четыре условных этапа развития образа женщины, как «культурные тексты №№ 1, 2, 3 и 4», в каждом из которых социальные функции женщины были, безусловно, многообразны, но в каждом присутствовал свой ключевой функциональный эпизод:

- ▶ текст № 1 — женщина как «деторождающий агрегат» (ранняя первобытная эпоха — стадия дикости);
- ▶ текст № 2 — женщина как сексуальный объект и «хозяйственный инвентарь» мужчины (поздняя первобытная — легендарно-мифологическая эпоха — стадия варварства);
- ▶ текст № 3 — женщина как мать-воспитатель и домашний работник (аграрная цивилизация от становления первых государств до эпохи Просвещения);
- ▶ текст № 4 — женщина как специалист и высоко индивидуализированная личность (индустри-

248 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

альная цивилизация — конец XVIII — середина XX вв.).

При этом необходимо огласить несколько предупреждений о том, что:

- ▶ функции «деторождающего агрегата», матери-воспитателя и домашнего работника, а в особенности сексуального объекта присутствовали в ролевом наборе женщины одновременно и всегда, но в разные эпохи то одна, то другая из этих функций выходила на первый план, а другие отступали на вторую линию;
- ▶ начиная с периода формирования ранних этнических культур и системных религий (VI-III тысячелетия до н.э.) формы, в которых выражались те или иные функции (и соответствующие варианты «культурного текста») получали выраженную местную (этническую, религиозную или цивилизационную) специфику, что не должно камуфлировать для исследователя их сущностное единство, характерное для той или иной эпохи;
- ▶ смена одной стадии, манифестировавшаяся особым «текстом», на другую у разных народов и цивилизаций происходила в разное время, и переходные периоды порой могли длиться по несколько веков;
- ▶ в связи с упомянутым этническим, религиозным и цивилизационным многообразием я рассматриваю проблему «женщина как культурный текст» преимущественно на примере западноевропейской культуры и ее дочерних производных;
- ▶ начиная с периода активного сословного разделения общества (в основном III-II тысячелетии

Женщина как культурный текст 249

до н.э.) эти «эпохальные культурные тексты» фактически превратились в «пакеты» из нескольких самостоятельных «уставов», каждый из которых был узко специализирован для определенного сословия (например, тексты, регулировавшие жизнь крестьянки, монашки и аристократки, были, безусловно, различными). Поэтому, начиная с третьей из выделенных эпох, я буду стремиться подчеркивать эти социальные различия в нормативном поле жизни женщин разных сословий;

▶ в ракурс моего рассмотрения не попадают проститутки, куртизанки и иные женщины, для которых секс был основным источником материального существования: их жизнь регулировалась специальным «профессиональным кодексом».

▶ в ситуации постиндустриальной революции второй половины XX в. все прежние «правила игры» оказались измененными, что будет рассмотрено особо.

Итак... В первобытно-родовую эпоху (раннюю первобытность) женщина была не более, чем «агрегатом по спариванию и деторождению», т.е. предметом бытового сексуального обихода и инструментом продолжения рода. Она навряд ли котирировалась даже как одновидовое существо с мужчиной. «Культурный текст № 1», который обозначал эту ситуацию, гласил примерно следующее, каждая женщина в сексуальном плане неограниченно доступна каждому мужчине: ее функция вынашивание, рождение и вскармливание ребенка. С момента, когда ребенок начинал уверенно

ходить и реагировать на обращаемые к нему слова, его забирали у матери, и его воспитанием и социализацией занимался уже весь родовой коллектив или специально выделенные «воспитатели». Об этом, по крайней мере, свидетельствуют этнографические данные¹.

250 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Тем не менее, появление в конце верхнего палеолита ограничений на свободный промискуитет, сначала в форме дуально-фратриальной системы, а затем — в неолите — в форме нуклеарной (локализованной как хозяйственный микроколлектив) семьи (видимо, преимущественно гаремного типа), конечно, не превращало женщину в индивидуума, равного мужчине, но, по крайней мере, поначалу накладывало некоторые ограничения на свободное использование ее всеми как сексуального партнера, а потом в эпоху неолита эта тенденция получила дальнейшее развитие, когда восторжествовал наиболее жесткий в истории патриархат, и женщина превратилась в неограниченную собственность своего мужа. Таким образом, из общественного достояния женщина превращалась в личное имущество какого-то мужчины, что создавало уже несколько иной «культурный текст № 2», поначалу накладывавший некоторые ограничения на сексуальную близость с любой женщиной, а затем и провозглашавший полную неприкосновенность чужой жены.

В периоды неолита и раннего металла (по традиционной терминологии — варварская стадия развития общества), но всей видимости, на первом плане была собственно сексуальная функция женщины (ради чего она, собственно, и провозглашалась неотчуждаемой собственностью своего мужа), что вовсе не отменяло ее функций матери и «кормителя» детей, но в условиях

перехода к производящему хозяйству и устойчивому обеспечению продовольствием (а, соответственно, и снижением уровня детской смертности) эти функции становились уже «фоновыми». Помимо того в условиях нуклеарной семьи на женщину (или группу женщин, входивших в семью) были возложены и довольно обширные хозяйственные обязанности по дому, что вносило дополнительные штрихи в рассматриваемый нами «культурный текст № 2».

Более сложная эпоха наступила с активным социальным расслоением общества и переходом к цивилизации аграрного типа. Функция «женщина — домашний работник», несомненно, относилась лишь к социально низшим слоям населения; в среде аристократии женщина по преимуществу оставалась все тем же сексуальным объектом, но в этой функции приобрела уже совсем иное качество. Теперь основой ее эротизма стало не только тело и внешняя привлекательность, но в большей мере и индивидуальные черты личности, тип сексуального поведения и т.п. т.е. факторы уже не природного, а чисто культурного происхождения. Судя по эпистолярной и бытовым описаниям нравов античной эпохи, а так же по документам средневековой Священной инквизиции, сексуальная активность женщин эпохи аграрных цивилизаций мало, чем отличалась от современной, хотя и носила более скрытый, замаскированный характер. И это, несмотря на существенные религиозные ограничения, регулировавшие интенсивность и формы сексуальной жизни в ту эпоху. Возможно, именно в то время сформировался тот двойной стандарт, который не одобрял сексуальной распущенности мужчин, но и не порицал ее, между тем как женщине в этом плане было запрещено все мыслимое и немыслимое. И тем не менее...

¹ Леви-Строс К. Печальные тропики. — М., 1999; Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии // Малиновский Б. Избранное. Динамика культуры. — М., 2004.

Женщина как культурный текст 251

Женщина как культурный текст 251

Женщина как культурный текст 251

252 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Вместе с тем возросла и роль материнских функций женщины, прежде всего потому, что она стала не только роженицей, но и основным воспитателем детей (по крайней мере, до подросткового возраста, когда дети начинали осваивать какую-либо специальность). Все это формировало уже третий «эпохальный культурный текст», воплощаемый женщиной, в рамках которого она выступает уже не только как физиологическая или хозяйственная принадлежность мужчины, но и как личность, имеющая право на выбор, самостоятельные жизненные решения, что обеспечивалось появлением у нее и некоторых имущественных прав, а так же специальных законов, защищавших права женщин.

Этот «культурный текст № 3» можно восстановить как примерную целостность не основе скрупулезного анализа массы древнейших и средневековых законодательных актов, этнографических данных и литературных произведений, описывающих нравы своего времени. Но приходится учитывать и то обстоятельство, что в нравах и обычаях крестьянской среды и в «низовой» городской культуре народов, еще не прошедших буржуазной модернизации, этот «текст» оставался содержательно близким к предыдущему варварскому образцу (№ 2) и включал в себя лишь некоторые элементы «текста № 3», который был принят преимущественно в аристократической среде, а со временем распространился и на зажиточную буржуазию. Все это в существенной мере влияло на уровень местного и социального своеобразия подобных «текстов», хотя их «сухой остаток» был более или менее идентичен повсюду.

Еще более сложная ситуация наступила с эпохой Просвещения XVIII века, а особенно с середины XIX века, когда в наиболее развитых странах женщины начали получать образование (все более повышавшееся в своем уровне от поколения к поколению) и появился такой феномен, как женщина-специалист. Поначалу это были преимущественно сестры милосердия, затем сельские учительницы, но постепенно женские специальности все больше расширялись в своей номенклатуре, вплоть до академика и фабричного рабочего. Нет нужды пояснять, как это сказалось на женщине, как на «тексте № 4». Она стала полноценным соперником специалиста-мужчины, всегда отличавшегося жесткой привязанностью к сфере своей деятельности.

В этой связи нельзя не отметить, что обновление образа женщины Нового времени было неразрывно связано с процессами раскрепощения чувства любви, которая в XVIII веке уже перестала скрываться, как что-то постыдное и греховное. Важным завоеванием стало и то, что любовь после многотысячелетней конкуренции с институтом брака, наконец, к XX веку достигла фактического статусного паритета с ним. История полна парадоксов, и один из них заключается в том, что когда свободная любовь обрела полную легальность, именно женщина стала главной поборницей официального брака, несмотря на то, что брак всегда был оковами женщины, и именно легализация свободной любви больше всего раскрепостила ее социально. Но нам всегда не хватает вчерашних цепей.

Процесс легализации чувства любви оказался одной из составляющих более масштабного процесса легализации свободы личности в целом, что на деле представляло собой ряд этапов достижения компромиссного состояния между произволом индивидуального чувства и принятыми социокультурными нормами устроения

254 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

жизни¹. Трансформация образа женщины в культуре может служить наглядной иллюстрацией этих этапов и степени достигнутой на том или ином этапе свободы быть самодостаточной личностью. Перефразируя С.Бенхабиб, можно сказать, что женщина оказалась «градусником», который отмечал уровень завоеванной свободы социальной самореализации человека.

Б середине XX века наступление «информационной революции» вызвало к жизни то, чего можно назвать «молодежным переворотом в культуре» (по крайней мере, в культуре потребления и досуга). Но мнению С.Хантингтона, это явилось следствием «взрыва рождаемости», характерного для Европы и Америки первого послевоенного десятилетия: к 60-м годам это новое поколение достигло возраста тинэйджеров (от 15 до 20 лет) и заняло значительное место, как в демографической структуре западного мира, так и в когорте «массовых потребителей»². «Молодежный культурный переворот» начался с психоделики (полулегальной легкой наркомании), рок-музыки, движений битников и хиппи и, наконец, в эпоху хиппи привел к «сексуальной революции» постепенному снятию табу на гомосексуализм, проституцию, любые формы секса, эротику, порнографию, трансвестизм, операции по перемене пола, однополые браки и т.п. Женское тело, до того лишь присутствовавшее в изобразительном искусстве в более или менее ограниченных масштабах (с категорическим запретом на изображение гениталий женщины, полового акта и прочей непосредственно сексуальной атрибутики), отныне вошло в социальную культуру современности как новая «культурная универсалия», без которой уже не обходится ни одно визуальное сообщение или произведение

¹ Киселева Т.Г. Женский образ в социокультурной рефлексии. — М., 2002.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М., 2003.

Женщина как культурный текст 255

массовой культуры. Подождем еще немного, и «ню» станет непрямым атрибутом инаугурации президентов, военных парадов и т.п.

Я думаю, что в середине XX века началось написание нового уже пятого по счету «культурного текста» женщины, возобладавшей на Земле демографически, ставшей основным покупателем товаров как массового, так и эксклюзивного потребления, основным адресатом рекламы и сообщений СМИ (мужчины в массе своей предпочитают более специализированную информацию, чем болтовня журналистов), основой политического электората опять-таки потому, что менее эмоциональные мужчины индифферентней относятся к власти и процедурам ее переизбрания) и основным актором во всем остальном. Женщины уверенно пришли на производство, в науку, политику, армию. На сегодняшний день для женщин фактически не осталось ни одной «закрытой профессии».

Этот новый «текст № 5» отличается и такой принципиальной новацией, как постепенная отмена двойного стандарта, по которому сексуальная свобода мужчины во много раз превосходила соответствующие возможности женщины¹. Женщина постиндустриальной эпохи отныне пользуется такой же сексуальной свободой и может реализовывать себя в этом плане, как и мужчина. Это означает определенную потерю мужского сексуального контроля над женщиной, что, как отмечает Гидденс, ведет к росту прецедентов сексуального насилия².

В отличие от древнего матриархата, который оказался лишь фантазией антропологов-романтиков XIX столетия сейчас на нас накатывается «девятый вал»

¹ Гидденс Э. Трансформации интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. — СПб., 2004.

² Там же.

256 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

подлинного матриархата. В противовес высоко креативному, но болезненному и склонному к разным глупостям и разнообразным излишествам мужчины, ныне во власть над миром (пока еще не политическую, но, безусловно, социальную) вступает умеренно креативная, но ненасытная в потреблении жизненных благ женщина тотальный поглотитель продукции индустрии, рекламируемого образа жизни и сравнительно второсортных (по преимуществу) явлении культуры (на уровне мелодрам и латиноамериканских сериалов).

Сразу же хочу оговориться, что я имею в виду не всех женщин вообще, среди которых встречаются и выдающиеся по своему культурному уровню и потенциалу индивиды, а средний уровень «среднего класса».

Женщина, естественно, не нуждается в каких-либо оправданиях всему происходящему (когда это победитель нуждался в оправданиях?). Она уступает мужчине в непосредственной физической силе (грузоподъемности), но зато отличается гораздо лучшим здоровьем, биологической устойчивостью, долголетием и многими иными физиологическими преимуществами. С ростом числа женщин биологическое качество человечества на демографическом уровне улучшается).

В этой связи стоит помнить и о следующем. По мнению врачей, в мире наступает настоящая катастрофа со здоровьем мужчин, гораздо менее устойчивых физиологически, как правило, отличающихся пониженным инстинктом самосохранения, склонных ко многим вредным увлечениям, охотно рискующих своими жизнями и т.п.¹ К тому же именно мы — мужчи-

¹ Наркомания в России: угроза нации. Материалы парламентских слушаний «О неотложных мерах по борьбе с распространением наркомании в России». 2 марта 1998 г. // Доклад Совета по внешней и оборонной политике. — М., 1998.

Женщина как культурный текст 257

ны привели к нынешним переменам, не заметили как наш традиционный «сексуальный объект» превратился не только в основного производителя биологической, но и основного потребителя социальной жизни на планете. Кроме того, не следует забывать, что по всему миру распространено весьма агрессивное феминистское движение, а мужчины не имеют аналогичной правозащитной организации.

Таким образом, роли поменялись. «Сексуальным объектом», которого нужно найти, за которым нужно следить, ухаживать, лечить от клинических заболеваний и вредных привычек, депрессии и т.п., теперь стал мужчина.

Этот новый «культурный текст № 5» женщины постиндустриального общества пока еще находится в начальной стадии своего написания. Пока еще его условия реально охватывают не больше 20% живущих в мире женщин, а их нарастающее социальное преобладание имеет преимущественно демографические, а не статусные формы, что заметно только узким специалистам. Большинство командных постов в политике, экономике и науке еще остаются в руках мужчин, но женщины начинают наступать и здесь.

Надолго ли это? Я думаю, что демографическое преобладание женщин сохранится и даже возрастет. Точнее ситуация будет следующей: в возрасте до 40 лет число мужчин и женщин будет примерно одинаковым: а вот после 40 (и чем старше, тем больше) женщины начнут численно преобладать над мужчинами, а это значит что они останутся основными покупателями, заказчиками, пользователями товаров и услуг, культуры и информации (по крайней мере, рассчитанных на массовое потребление), то есть останутся основной массой людей, которые тратят деньги на быт и удо-

258 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

вольствия. Но это создаст и новую проблему: одинокой старости большинства женщин.

Вместе с тем, я думаю, что социальная структура большинства развитых обществ скоро переменится достаточно радикальным образом. Весь XX век шло и продолжается углубление специального образования и его дробление на более мелкие специализации. Соответственно и дифференцируются и профессиональные требования к работникам. Из поколения в поколение люди становятся все более узкими специалистами, причем нарастает число уникальных специалистов. Т.е. реализуется предсказание У. Хилла о наступлении эры «золотого миллиарда» когорты тех самых уникальных специалистов, единственных в своем роде, которые в своей деятельности будут потреблять значительную часть производимой энергии и составят новое сословие владельцев мира¹. Миром будут править ни капиталы, ни армии, ни политики, а мозги и таланты (в любой области).

Остальные же люди (менее одаренные генетически) по уровню своей квалификации останутся производителями товаров и услуг среднего и низкого качества, но зато весьма дешевых и доступных, массовый спрос на которые будет всегда.

Сословие «золотого миллиарда» будет открытым для новичков: только учись и становись выдающимся специалистом (т.е. специалистом уровня high tec — высокие технологии). Сейчас доля женщин среди специалистов такого уровня (каждый из которых — единственный в своей уникальности) очень невелика. Пока она в основном связана с искусством: точнее с отдельными его видами: вокалом, хореографией, актерским мастерством: в других видах женский вклад авторов и исполнителей мирового класса заметно уступает

¹ Hill W. *An Introduction of the Modern Sociology*. — Glencoe, 1983. Vol. 1-2.

Женщина как культурный текст 259

мужскому. Примерно такая же картина наблюдается в сферах образования, медицины, социальных и гуманитарных наук. Численно женщины заметно преобладают в этих сферах, но среди выдающихся профессионалов их пока что очень мало. А главное, что уже не сошлешься, как в прежние времена, на недоступность образования или «закрытые профессии». Сейчас для женщин и их социальной самореализации открыто все. Теперь начинается соревнование талантов.

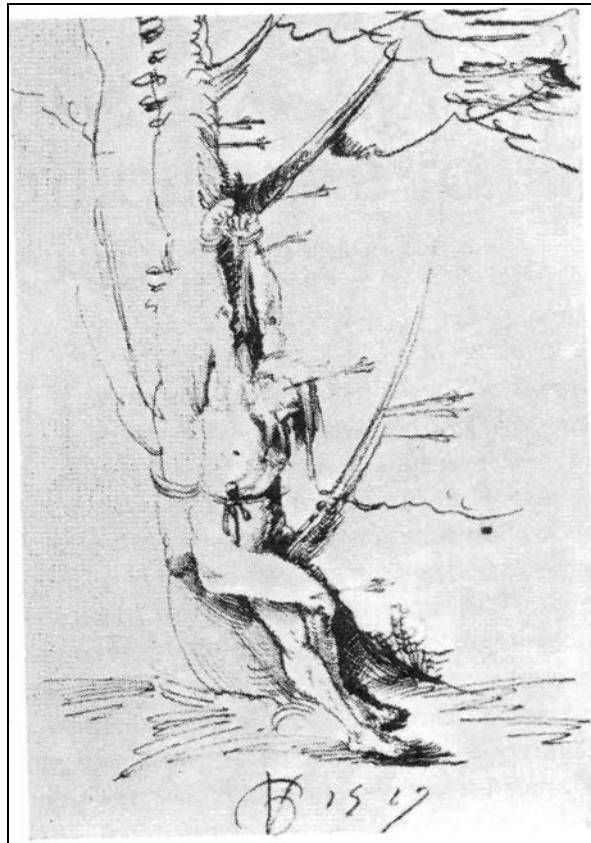
В антропологии, психологии и социологии давно уже ведутся дискуссии о том, превосходят ли мужчины женщин по своим врожденным талантам (т.е. генетически) или численное превосходство мужчин среди гениев (в любой области деятельности) — лишь результат социальных ограничений, веками и тысячелетиями накладывавшихся на женщин¹. Но по своим биологическим функциям в природе самцы, как первооткрыватели и разведчики, постоянно сталкивающиеся с различными нештатными ситуациями, в принципе должны обладать более гибким интеллектом и большими способностями к импровизации и инновативным решениям. Но это не культурное достижение человека-мужчины, а элемент генетической программы всякого самца любого вида.

Впрочем, как сказал великий психолог К. Г. Юнг за несколько минут до смерти: «Ну вот, теперь и посмотрим...»².

¹ Среди последних дискуссий на эту тему см.: Шапинская Е.Н. Проблема творчества в тендерном аспекте // Обсерватория культуры, 2004, 3 2.

² Цит. по: Борхес Л. Избранные эссе и новеллы. — СПб., 2002.

Имеет ли культура отношение только к человеку?

Латинское слово «культура», как известно, имеет сельскохозяйственное происхождение — возделанная почва. Более ранний греческий термин «пайдейя» обозначал именно культуру в почти современном ее понимании, а точнее — саму греческую цивилизацию, подчеркивая ее культурное отличие от окружающего варварства. По мере развития Рима и его контакта с греками местный термин «культура» тоже изменил сферу своего применения и стал использоваться преимущественно как характеристика человека — воспитанного, образованного, знающего местные традиции, обычаи и нравы. Все остальное — был «мир варваров» (включая классическую египетскую, вавилонскую и уж тем более — иудейскую, хеттскую и пр. — культуры). Надо заметить, что и в древнем Китае существовало такое же жесткое разделение на «мир цивилизации» — «вэн» (т.е. китайской культуры) и «мир варваров» (все остальное).

264 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

Наверное, первым отступлением от такой жесткой дихотомии стала эпоха эллинизма, когда, согласно взглядам Александра Македонского и его окружения, сначала малоазиатские культуры были включены в «мир цивилизации», а затем вавилонская, египетская и персидская (по мере расширения империи Александра), вступившие в синтез с греческой. Возможно, с этого периода культура стала восприниматься не только в единственном числе (как собственная), а получила множественное число: «культуры разных народов».

Римляне были более толерантны к чужим культурам, нежели классические греки или китайцы; они считали их варварскими, но все же культурами (по крайней мере, культуры тех народов, которые в своем развитии достигли стадии государственности — позиция, очень характерная для римского этатистского мировоззрения).

Эпоха христианизации Европы в этом отношении сделала явный шаг назад, приравняв понятие «культура» к христианскому вероисповеданию как к некоей априорной универсалии. Впрочем, до позднего Средневековья (фактически до Реформации) культурные различия между народами Европы выражались в основном в их принадлежности католицизму или православию, а этническая специфика была выражена преимущественно в обычаях крестьянства; города уже в большой мере были космополитическими образованиями и состояли из разных национальных кварталов. Аристократия делилась в основном на три группы: германоязычная (в Центральной и Восточной Европе, включая Польшу и Чехию), франкоязычная (в Западной Европе, включая Англию) и испаноязычная (в самой Испании, Южной

Имеет ли культура отношение только к человеку? 265

Италии и Нидерландах), а ее материальная культура и поведенческие стереотипы были более или менее универсальными для всей Европы (рыцарский этос как Первый Интернационал). Духовное сословие, изыскавшееся по латыни, было тем более лишено этнической специфики¹. Вот когда был подлинный расцвет тенденций мультикультуральности, чего так боятся нынешние «патриоты».

Разумеется, все это говорится о католической Европе. В зоне восточного христианства даже при наличии выраженного культурного центра — Византии — исторические условия (в первую очередь мусульманская агрессия) не позволили создать универсальной цивилизации и культуры. Впрочем, следует заметить, что после заката Античности термин «культура» вообще выходит из словарного оборота и возрождается в европейской лексике только в XVII веке.

Шли годы, и события крестовых походов, испанской реконкисты, а затем османского завоевания Византии и Балканского полуострова, волей-неволей породили близкое знакомство европейцев с миром ислама и его культурными порядками, подняли статус исламской цивилизации и уважение к ней до уровня, близкого к отношению к самим себе. Характерно, что еврейская культура, выполнявшая роль эффективного посредника в контакте между исламом и христианством и вернувшая Европе шедевры греческой философии, переведенные на латынь иудейскими раввинами Кордовского халифата, в качестве самостоятельной культуры не котирировалась,

¹ Судя по всему, с этой точкой зрения не согласен такой крупный специалист по культуре Средневековья, как Умберто Эко. В его романах «Имя Розы» и «Баудолино» разноэтничные клирики заметно отличаются друг от друга.

266 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

а считалась вредным предрассудком или, говоря по-современному, девиантностью.

Эпоха Великих географических открытий и последующая колонизация Америки, Африки, большей части Азии, Австралии и Океании столкнули европейцев с таким необъятным числом различных локальных культур народов всего света, что трактовка самого термина «культура» в массовом европейском сознании неизбежно должна была измениться. Разумеется, испанские конкистадоры в Америке, португальские первопроходцы Африки и Азии и русские завоеватели Сибири XVI-XVII веков даже не считали местное население за людей, не говоря уже об интересе к их самобытным культурам. Статус людей аборигены получали, только приняв христианство и свойственный ему культурный комплекс; при этом их культуры таким путем превращались в дочерние ответвления культур метрополии.

Тем не менее, уже в XVII веке в трудах Вико и других мыслителей слово «культура» начало употребляться во множественном числе. Просвещение XVIII века объясняло культурные различия между народами преимущественно их адаптацией к природным условиям, а эволюционизм XIX века дал уже вполне научное обоснование множественности и разнообразию культур: во-первых, из-за различия в природных условиях обитания и исторической судьбе каждого народа, а во-вторых, разными стадиями в историческом развитии тех или иных обществ. В этот период начала активно развиваться антропология, которая позволила установить, что на Земле одновременно сосуществуют культуры и верхнего палеолита (например, аборигенная австралийская), и раннеиндустриальная (например, английская). Вместе с тем, было провозглашено

Имеет ли культура отношение только к человеку? 267

и принципиальное физиологическое и психическое видовое единообразие всех людей, независимо от цвета кожи или принадлежности к развитой или отсталой культуре, что явилось очень значимым мировоззренческим достижением.

Таким образом, культур стало столько, сколько народов, а цивилизаций — по числу религий и полиэтнических империй, а потом эта классификация дополнилась еще и множеством социальных субкультур (сословных, классовых, профессиональных), политических, образовательных и т.п. В результате такой развитой классификации каждый человек стал принадлежать одновременно к нескольким культурам и субкультурам: во-первых, этнической (или национальной), во-вторых, социальной (сословной или профессиональной), в-третьих, конфессиональной, в-четвертых, политической (в смысле гражданства), в-пятых, политико-идеологической (в смысле его индивидуальной политической ориентации), в-шестых, языковой, в-седьмых, гуманитарной (в плане профиля и уровня его образованности) и так до бесконечности.

С каждым новым витком этого «заворачивания» человека в культуру происходила все более глубокое отождествление человека с его культурой (или точнее с той индивидуальной конфигурацией разных культур и субкультур, к которым принадлежал данный человек). Все это превращало процесс культурной самоидентификации индивида в совершенно ситуативное явление. В конечном счете, на вопрос: «Кто ты?» человек отвечал каждый раз по новому, в зависимости от того, кто ему этот вопрос задал и кто его в данный момент окружает. Можно привести такую схему: в окружении братьев, он определял себя Джоном, в окруже-

268 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

нии семьи Смитов — членом семьи Питерсонов, в окружении женщин — мужчиной, в окружении мусульман — христианином, в окружении фермеров — горожанином, в окружении лавочников — джентльменом, в окружении рядовых — лейтенантом, в окружении немцев — англичанином, в окружении негров — европейцем, в окружении слонов — человеком, а в окружении марсиан — землянином). Интересно, как бы он определил себя в обществе Господа Бога?

Подобная контаминация человека и его культурного комплекса привела к отождествлению человека-вообще с культурой-вообще. Характерно, что такой авторитет, как В.М. Межуев в своих последних выступлениях фактически отождествляет понятие «антропный» с «культурным».

На основании всего этого в современной культурологии сложилось такое уже общепринятое определение культуры (привожу его в изложении своего учителя — Э. А. Орловой): «культура — это искусственный мир, созданный человеком в дополнение к природному; культура не передается генетически, а осваивается только путем научения и подражания; функционально культура призвана удовлетворять потребности и интересы человека, что осуществляется им, как правило, не в одиночку, а путем согласованного и организованного взаимодействия с другими людьми¹». Исходя из собственной научной позиции, я бы дополнил это почти что исчерпывающее определение еще одним пунктом: «культура — это социальный опыт, обретенный людьми в процессе их совместной жизнедеятельности и передаваемый от поколения поколению в виде «социальных конвен-

¹ Орлова Э.А. Введение в социальную (культурную) антропологию. — М., 2004.

Имеет ли культура отношение только к человеку? 269

ций», обеспечивающих коллективный характер их бытия».

Говоря короче: не было бы человека, не видать бы нам и никакой культуры. То есть: культура равна человеку. Все произведенное человеком, и все действия, совершенные им при этом, являются культурой. И даже биологические потребности человека содержательно природны, но форма их оправления — уже культурно опосредована.

При этом я намеренно не касаюсь аксиологической стороны вопроса и даже социальной приемлемости тех или иных действий. Убийство — это тоже явление культуры, хотя оно социально неприемлемо и подлежит наказанию. Впрочем, не будем забывать, что половина того, что сегодня входит в перечень социально допустимых действий, еще два века назад (а то и два десятилетия назад) подлежало наказанию, а то же убийство в раннем Средневековье вовсе не являлось преступлением (как и сейчас, если оно санкционировано властью). «Социальные конвенции», разрешающие или запрещающие что-то — вещь подвижная, а их применение тоже весьма ситуативно.

Обобщая все вышесказанное, можно определить культуру как исключительный (эксклюзивный) способ человеческого существования, не доступный более никому.

Тем не менее, научные открытия последних двух десятилетий ставят серьезные вопросы перед этой сентенцией, превратившейся уже в философскую аксиому.

1. В палеоантропологии долгие годы кровоточила одна незаживающая рана. Если нашим «дедушкой» общепризнан один из видов питекантропов *homo erectus*, а его «внуками» считаются виды-братья *homo neandertalis* и *homo sapiens* (то есть мы — люди), то ни-

270 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ша нашего общего с неандертальцами «отца» почти полтора века оставалась никем не заполненной. Это продолжалось до 90-х годов XX века, когда к исследованиям в области палеоантропологии подключились генетики, а метод радиоуглеродной датировки поднялся на новый уровень точности и дополнился рядом дополнительных (проверочных) способов атрибуции. Все это позволило установить следующее: те костные останки, которые традиционно определялись как ранние неандертальские, равно как и ранние артефакты археологической культуры мустье, сопрягаемой с жизнью и деятельностью неандертальцев, оказались принадлежащими другому виду гоминид, названному *homo helmei*, которые в эволюционной цепочке и оказались тем самым не найденным до последнего времени поколением наших «отцов», а культура мустье оказалась именно их изобретением¹. Позднее она была усовершенствована поколением «детей» — сначала неандертальцами, а позднее и людьми, преобразовавшими ее в верхнепалеолитический культурный комплекс (культуры граветийская, ориньякская, мадлен и др.).

Современные методы датировки и новые открытия в Южной Африке позволили «состарить» *homo sapiens* примерно на 100 тысяч лет и установить возраст этого вида примерно в 130-150 тысячелетий². Тем не менее, неандертальцы остаются нашими «старшими братьями» (они старше нас примерно на 50 тысяч лет и сошли с исторической арены тоже примерно 40-50 тысячелетий тому назад, предположительно, будучи истребленными и съеденными своими млад-

¹ Оппенгеймер С. Изгнание из Эдема. Хроника демографического взрыва. — М., 2004.

² Оппенгеймер С. Указ. соч.; Бейджент М. Запретная археология. — М., 2004.

Имеет ли культура отношение только к человеку? 271

шими братьями *homo sapiens*¹), хотя и ведут свое происхождение от тех же *homo helmei* (поэтому в

ряде изданий 70-х — 80-х годов минувшего века их называют *homo sapiens neandertalis*, подчеркивая, что неандертальцы — это уже люди, только другого вида). Может быть, это первородство и стало причиной того, что неандертальцы физиологически были гораздо более похожи на *homo helmei*, чем люди современного типа, и унаследовали культуру мустье, что и привело к столь долгой путанице и трудностям атрибуции *homo helmei* среди многочисленных останков *homo neandertalis*.

В этой связи следует подчеркнуть один очень важный факт. Хотя археологи активно используют термин «культура» для локализации продуктов жизнедеятельности тех или иных видов гоминид, но до появления *homo helmei* и культуры мустье, все предшествовавшие им археологические культуры являлись по существу локальными индустриями камнеобработки. И только культура мустье оставила нам помимо каменных орудий такие артефакты, как ритуальные захоронения, использование искусственных красителей, символические изображения, нацарапанные на скалах, камнях или костях². Причем следует особо отметить то, что эти артефакты встречаются не только в позднем периоде мустье (т.е. культуре неандертальцев), но их следы обнаруживаются и среди памятников раннего мустье, т.е. в эпоху *homo helmei*³. То есть образ жизни и деятельности *homo helmei* уже вполне соответствует тому определению человеческой

¹ Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического процесса). — М., 1996.

² Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. — М., 2004.

³ Оппенгеймер С. Указ. соч.

272 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

культуры, которое декларировалось несколькими страницами ранее.

Таким образом, археология ставит нас перед фактом того, что культура старше *homo sapiens*; она родилась примерно на 100-150 тысячелетий раньше.

2. Следующие открытия ставят нас перед еще более сложной мировоззренческой проблемой.

Как известно, в последние десятилетия радикально усовершенствовались средства дальнего оптического наблюдения и кино съемки (с искусственного спутника Земли уже можно разглядеть и заснять марку на почтовом конверте), а также радиоэлектронные и иные датчики, позволяющие следить, слышать и косвенно наблюдать за событиями, происходящими в дебрях непроходимого леса, горных пещерах или в глубинах мирового океана. Этими техническими достижениями активно пользуются этологи и социобиологи, изучающие поведение животных в естественных для них условиях и особенно их социальное поведение. На стыке общей этологии и зоологии даже сложилось специальное направление — социальное поведение животных.

Новейшие исследования в этой области с использованием высоко эффективных технических средств позволили прийти к выводам, еще более эпатажным, чем то, что было описано выше. А именно: социальное поведение животных оказалось функционально гораздо ближе к человеческой культуре, чем это могли предположить даже самые смелые фантасты. Особенно это касается высокоразвитых млекопитающих (как наземных, так и морских)¹.

¹ Моррис Д. Голая обезьяна. Человек с точки зрения зоолога. — СПб., 2001; Никонов А.П. Агрессия обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. — М., 2004.

Имеет ли культура отношение только к человеку? 273

Если отталкиваться от известной философской позиции Э. Кассирера, определявшего культуру как систему символической деятельности¹ и еще более радикального взгляда Л. Уайта, назвавшего культуру «индустрией символических форм»², то по сравнению с людьми жизнь и поведение животных во много раз более символичны³.

По мнению этологов, большую часть времени, проводимого в своем социальном окружении (в стае) животное занято чисто символической или точнее символично-коммуникативной деятельностью: производит сигнальные телодвижения или занимает сигнальные позы, занято сигнальной мимикой или издает сигнальные звуки, в ином случае просто метит территорию, что тоже является символической активностью. Зоологи, изучающие непосредственно приматов, полагают, что подавляющая часть этой символической деятельности прямо или косвенно связана с сексуальной жизнью обезьян⁴. Если это так, и это наблюдение можно распространить и на других животных, то напрашивается параллель с известной сентенцией Зигмунда Фрейда о том, что большая часть культурно обусловленной (т.е. символической) деятельности человека детерминирована сексуально⁵.

Но даже, если отвлечься от символической теории культуры, то и с позиций ее социально-регулятивной доминанты, и коммуникативной, и теории накопления социального опыта, и теории комплементарности

¹ Cassirer E. Philosophic der symbolischen Formen. Bd. 1-3. — Berlin, 1923-1929.

² White L.A. The Concept of Culture // American Anthropologist. — Washington, 1959. Vol.61.

³ Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). — М., 1994; Плюсин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции. — Новосибирск, 1990; Никонов А.П. Указ. соч.

⁴ Моррис Д. Указ.соч.

⁵ Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. — М., 1989.

274 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

и взаимоподдержки, и способностей к обучению, и даже в эстетическом плане поведение животных обнаруживает гораздо большую близость к человеческой культуре, чем это казалось нам до сих пор.

К примеру, мы полагали, что среди животных поют только птицы. Парадоксально, но птицы вообще не поют, а лишь «разговаривают» на своем особом птичьем языке, т.е. обмениваются сигнальной информацией, не имеющей никакого эстетического характера. Точно так же бывает в конюшне, когда заржет одна лошадь, и в ответ ей начинают подавать голоса остальные. Но это не более, чем сигнал о своем присутствии. Но зато оказываются весьма склонными к вокалу (причем групповому) обезьяны и некоторые другие млекопитающие. А особенно водные млекопитающие: дельфины, киты, морские коты и пр. Разумеется, тональный диапазон каждого вида весьма специфичен и далеко не всегда различим человеческим ухом; скажем, пение дельфинов фиксируют только специальные приборы. Но, тем не менее, исследователями зафиксированы множественные случаи, когда стая тех или иных животных собирается вместе и начинает вокализовать в рамках своего диапазона, иногда последовательно, чаще хором¹. По мнению этологов, эта процедура является одной из форм грумминга — особого типа социального контакта в группе, во время которого животные специально собираются, чтобы продемонстрировать друг другу свое взаиморасположение (комплиментарность)². Разумеется, грумминг имеет и множество других

¹ Никонов А.П. Указ. соч.

² Бутовская М.Л. Современная этология и мифы о нарушенном балансе агрессии-торможения у человека // Общественные науки и современность, 1999. № 4

Имеет ли культура отношение только к человеку? 275

форм; но для нас важен сам принцип: они собираются вместе, чтобы продемонстрировать свое хорошее отношение друг к другу.

И после этого кто-то будет утверждать, что у животных нет своей культуры?

Одно время в литературе активно обсуждался вопрос: есть ли у животных разум¹. Традиционное утверждение о том, что животные вообще лишены проблесков абстрактного мышления и их поведением руководят только врожденные и приобретенные инстинкты, в последние годы вызывает все более осторожное отношение. Во всяком случае, это нельзя утверждать с полной уверенностью до тех пор, пока мы не найдем способа проинтервьюировать хоть одно животное. Выводы, сделанные на основании одних только наблюдений за их поведением, конечно, очень содержательны и порой остроумны, но, увы, неполны и малоубедительны. Активные адаптивные способности животных, их способность к обучению, подражанию, способность делать осознанный (т.е. логически объяснимый) выбор в многовариантной ситуации — свидетельствуют скорее в пользу наличия разума. В последние годы все чаще встречаются параллели, проводимые между исследуемыми обезьянами (с которыми проводятся довольно сложные эксперименты по обучению некоторым формам человеческого поведения и мироощущения), антропоидными предками человека (культура которых реконструируется на основании

¹ Фишель Ф. Думают ли животные. — М., 1990; Рьюз М. Философия биологии. — М., 1977; Хайнд Р. Поведение животных; Синтез этологии и сравнительной психологии. М., 1975; Лоренц К. Эволюция ритуала в биологических и природных сферах // Природа, 1969, № 11; Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм и коэволюция // Природа, 1989, № 4; Шрейдер Ю.А. Ритуализация поведения и формы косвенного целеполагания // Психологические механизмы регуляции социального поведения. — М., 1979 и др.

276

А. Я. Флиер. Культура как репрессия

археологических находок) и маленькими детьми¹. В их поведении и степени развития разума ученые находят много общего, что является косвенным свидетельством в пользу того, что животным присущи, по крайней мере, эмбриональные формы разума и абстрактного мышления.

Еще один аргумент. Культура человека не передается генетически, а усваивается только в процессе обучения. То, что животные обладают неординарными способностями к обучению, перемене стереотипов поведения под влиянием изменившихся условий и т.п. — в очередной раз свидетельствует о том, что все природные способности, которые можно назвать культурно-креативными, порождающими культуру, у животных имеются.

Конечно, социокультурные проявления животных существенно отстают от человеческих (особенно у тех видов, которые относятся к низшим ступеням эволюционного развития), и даже у высших животных (к примеру, млекопитающих) эти проявления по сравнению с человеком можно назвать эмбриональной, но все-таки культурой.

3. Я сознательно не затрагиваю вопрос о существовании внеземных цивилизаций и о том, можем ли мы называть совокупность принципов, по которым они живут, культурой. Наука не занимается

тем, что еще не открыто и никак не поддается наблюдению, измерению, анализу. Например, доказательством бытия Божьего, не потому, что этого не может быть, а потому, что это не поддается непосредственному исследованию средствами науки.

Я — о другом. Предположим, что культура равна человеку. А с чего это мы взяли, что мы и есть те са-

¹ Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Указ. соч.

Имеет ли культура отношение только к человеку? 277

мые люди? Кто доказал, что биологическая эволюция жизни на Земле заканчивается на виде *homo sapiens*? Если взять за основу продолжительность видового существования наших ближайших родственников *homo helmei* и *homo neandertalis* — примерно 200 тысяч лет, то *homo sapiens* просуществовал уже около 70% отведенного ему срока, и эдак через 50-60 тысяч лет возможно наступление следующей фазы эволюции, а с точки зрения интересующей нас проблемы — возникновение новой «постсапиентной» культуры.

Будем надеяться, что базой для дальнейшей эволюции послужим мы. Но это вовсе не обязательно. История эволюции полна парадоксами и самыми неожиданными поворотами. Возьмем за основу следующее обстоятельство: эволюция разумной жизни продвинулась по линии приматов потому, что они обладали самым высоким уровнем соотношения объема и веса мозга по отношению к объему и весу тела¹. Но почти такими же показателями обладают дельфины и вороны². Так что теоретически вполне возможно, что эволюция в эпоху «post-homo» пойдет по другой линии, скажем вороньей, а бывшие сапиенсы будут порхать с березы на осину.

Но главное не это. Главное в том, что я привел три вполне серьезных аргумента против того, чтобы считать культуру равной человеку или какой-то эксклюзивной модальностью его жизни (по известному выражению Г. С. Кнабе). Суммируя все сказанное, я бы определил культуру (в свете последних научных открытий) как содержательное основание коллективного

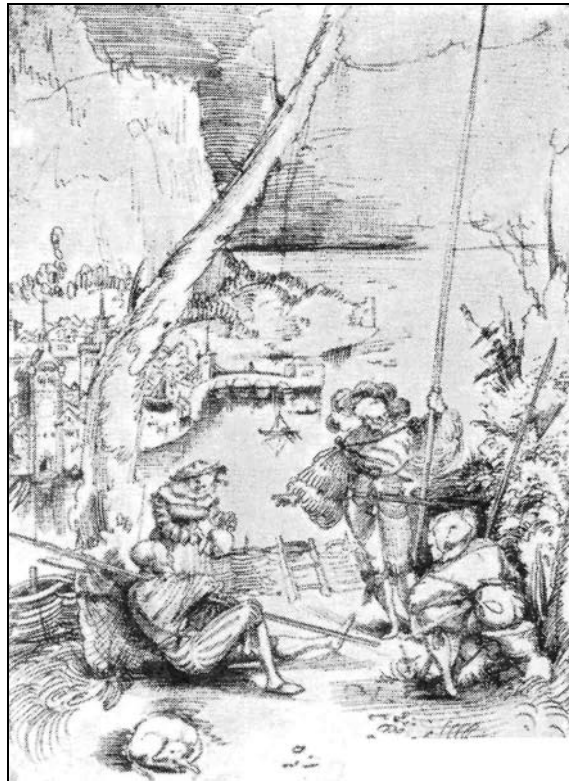
¹ Ламберт Д. Доисторический человек. Кембриджский путеводитель. — Л., 1991.

² Плюснин Ю.М. Указ. соч.

278 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

сосуществования и взаимодействия биологических видов, населяющих Землю (в том числе и людей, хотя и не только). Я подчеркиваю, что речь идет именно о содержательных основаниях, а формами пусть занимаются социологи.

Постмодерн как поиск новой культуры

Постмодерн — это очень сложное и многоаспектное направление мировосприятия и мироотражения, проявляющее себя в философии, искусстве, гуманитарных и социальных науках, публицистике и др., которое содержательно можно свести к новому ракурсу понимания феномена культуры, новому методу ее структурирования и выстраивания ее функций, новому осмыслению ее роли в жизни человека. По существу вся эта книга посвящена именно этому — взгляду на культуру с непривычной стороны.

Термин «постмодерн» представляет собой одновременно и обманку и двусмысленность. Для российского культуропотребителя, воспитанного на том, что культура=искусству, слово «постмодерн» неразрывно связано с понятием «модерн» — художественным стилем рубежа XIX-XX вв., отрицавшем классические каноны искусства и искавшим новые

282 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

формы и смыслы его проявления. Тот прежний модерн еще не был новым мировоззрением (по крайней мере, на рефлексированном уровне), и только сейчас начинает осмысливаться в этом масштабе¹. И хотя основные идеи, приведшие к рождению нового мировоззрения, — теория относительности А. Эйнштейна, психоанализ и либидозная теория З. Фрейда и, возможно, лингвистическая философия Л. Витгенштейна, — зарождались именно во времена модерна, но фактический переход к новому взгляду на мир, на космическое и земное бытие человека пришелся на период после окончания I мировой войны и русской революции. Собственно модерн к этой смене парадигм мироощущения имеет весьма косвенное отношение и как художественный стиль еще не отразил ее.

В этом отношении нынешний постмодерн — явление совершенно иного порядка. Это именно новое мировоззрение, сформировавшееся в ходе культурной бифуркации 1960-70-х гг. Хотя постмодерн тоже имеет свое художественное выражение, но, по моему субъективному мнению, оно качественно уступает научно-философскому. При всем моем уважении к прозе У. Эко и М. Павича, архитектуре Р. Вентури и др., я полагаю, что только фильмы англичанина Питера Гринуэя можно качественно поставить в один ряд с научными работами Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Дерриды, М. Фуко, Ж. Бодрийяра и прочих постмодернистов-ученых и философов.

В отличие от нашего, для западного культуропотребителя никакой связи между художественным мо-

¹ См., например: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. — М., 2003; Он же. Модерн — незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы. — М., 2005; Козловский П. Миф о модерне. — М., 2002 и др.

Постмодерн как поиск новой культуры 283

дерном столетней давности и нынешним постмодерном в осмысленном виде не существует. Для западного человека постмодерн — это именно «постсовременность» (postmodernity). И вот здесь начинаются вопросы. Где пролегают границы между прошлым, современностью и постсовременностью? Что такое постсовременность как таковая? На первый из них ответить несложно. Прошлое заканчивается каким-то последним исторически важным событием. Например, для России — это было падение Советской власти и распад СССР в начале 1990-х гг. (т.е. нашей современности только 15 лет). Для Запада, очевидно, — это изобретение компьютера, изменившего всю систему информационных взаимосвязей и процессов управления, «молодежная революция», радикально либерализовавшая нормы современной демократии, и переход к постиндустриальной стадии развития. Все это произошло на рубеже 1960-70-х гг., и с этого времени начинается западная современность, которой примерно 35 лет. Если наше прошлое заканчивается перестройкой М. С. Горбачева, то западное — «битломанией».

А с чего начинается постсовременность и вообще, что это такое? Система прогнозов на будущее? Но постмодернисты этим не занимаются. Зона их интересов — это средневековое (У. Эко) и барочно-классицистское (М. Фуко и Ж. Делез) прошлое или актуальное настоящее (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Лакан, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр и др.). Прогнозами на будущее занимаются в основном ученые, поддерживающие идеи глобализации (С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, З. Бжезинский, Э. Тоффлер и др.) или критикующие их (Э. Гидденс, З. Бауман и пр.).

Термин «постмодернизм» впервые был употреблен в работе Р. Паннвица «Кризис европейской культуры».

284 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ры» в 1917 г.¹ В 1947 г. А. Тойнби в своей знаменитой книге «Постижение истории» придает термину «постмодернизм» культурологический смысл: для Тойнби постмодернизм означает конец западного господства в религии и культуре (т.е. то, что ныне называется мультикультурацией)². Однако широкое распространение этого понятия начинается с рубежа 1960-70-х гг., когда, возникнув как обозначение стилевых изменений в архитектуре, постмодернизм все чаще применяется для характеристики новаций в мировоззрении новой «интеллектуальной элиты» (скорее научной, чем художественной). Ведущие западные социологи (Д. Белл, З. Бауман, Э. Тоффлер) понимают под постмодернизмом просто культуру постиндустриального общества, выразившуюся во всеобщем конформизме и эклектизме³. И действительно, характерный для постиндустриальной стадии феномен развития массовой культуры некоторые авторы рассматривают как побочное дитя (или плод аборта) постмодернизма⁴.

Но я полагаю эту точку зрения несостоятельной. Во-первых потому, что своим рождением постмодерн не имеет никакого отношения ни к «информационной», ни к «молодежной революциям» рубежа 1960-70-х гг. Они просто совпали по времени. Во-вторых потому, что постмодерн является одним из самых сложных интеллектуальных течений XX в. и не несет в себе никаких проявлений конформизма. Напротив, он является одним из наиболее острых

¹ Маньковская Н.Б. Постмодернизм // Культурология. XX век. Энциклопедия, т.2. — СПб., 1998.

² Тойнби А. Постижение истории. — М., 1991.

³ Маньковская Н.Б. Указ. соч.

⁴ Шапинская Е.Н. Массовая культура и постмодерн. Учебная программа курса для студентов-культурологов. — М., 2002.

Постмодерн как поиск новой культуры 285

проявлений культурного неконформизма наших дней (в отличие от массовой культуры). И с основными социальными проявлениями постиндустриальной стадии развития (политкорректностью, феминизмом, мультикультурализмом, глобализацией, «сексуальной революцией» и т.п.) он никак не связан. И, наконец, в-третьих, постмодерн не имеет ничего общего с массовой культурой, будучи субкультурой интеллектуальной элиты, совершенно непонятной для массовой культуры откровенно малообразованных слоев (социальных низов), и ни с какой стороны на нее не влияет. Постмодерн — это философия и парадигма мировосприятия, как всегда на несколько десятилетий упреждающая развитие социальной практики и уж тем более культуры трудящихся масс.

Так, что же такое «постсовременность»?

Я полагаю, что реально речь идет о новом понимании феномена культуры вообще и новой интерпретации, отвергающей ее как форму подавления коллективом личности, т.е. как демократию постлиберальной эпохи¹. Ведь культура — это прежде всего «социальные конвенции», определяющие, что и как можно, а что и как нельзя. Интересы индивида при этом в расчет не берутся. Все строилось (и строится до сих пор) только на интересах коллектива. Даже культура либерализма. Т.е. культура, знакомая нам по истории, — это доминанта интересов коллектива, практически по-

¹ Фуко М. История сексуальности. Т. 1. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. — М., 1996. Он же.

Ненормальные. — М., 2004; Он же. Рождение клиники. — М., 1998; Он же. История безумия в классическую эпоху. — СПб., 1997; Делез Ж. Скаладка. Лейбниц и барокко. — М., 1998; Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. — М., 2000; Он же. Символический обмен и смерть. — М., 2000; Он же. К критике политической экономии знака. — М., 2003;

286 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

давящего интересы индивида. Индивид обязан подчиниться общественному интересу; и именно на этом принципе во все века строилась культура. Но к концу XX века это уже вошло в противоречие с новой трактовкой демократии и роли индивида в процессе общественного развития, и это породило постмодерн.

Означает ли это, что культура как инструмент поддержания социального порядка, себя уже исчерпала? Я бы не ставил вопрос столь категорически, но вечно закрывать глаза на то, что элементы традиционной культуры уже совершенно не совместимы с демократией, тоже нельзя. Об этом пишет и С. Бенхабиб¹. Культура во все времена была достаточно пластичной и умела адаптироваться к новым условиям. Но местная культура. А в условиях массовой иммиграции традиционалистски настроенных жителей Юга и Востока на Запад, эта проблема начинает обретать все более драматический характер.

Именно в этом и весь пафос постмодерна. Культуре пора перемениться и адаптироваться к новым историческим условиям. Это перемена прежде всего в осмыслении пределов демократии, достаточности (или недостаточности) принципов классического либерализма, допустимых форм самореализации индивида и тех форм культуры, которые ее выражают. Классическая демократия — это взятая определенные рамки охлократия — власть толпы. Сейчас ситуация меняется. Реальная власть переходит в руки совершенной иной группы — специалистов высоких технологий, и просвещенческие принципы демократии уже теряют свою актуальность. Пока эти новации проявляются только

¹ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. — М., 2003.

Постмодерн как поиск новой культуры 287

в победах феминизма и гомосексуализма. Но это отнюдь не самые болевые точки в развитии человечества. Недаром стремление к переменам совпало по времени с общим разочарованием в актуальности идей Просвещения¹.

С историко-социальной точки зрения постмодернисты критикуют культурную традицию как исторически сложившийся механизм подавления свободы и человеческой индивидуальности во имя общих интересов (главный принцип классической демократии — безоговорочное подчинение меньшинства большинству при гарантированном учете особых интересов меньшинств). Но особые интересы индивидуума при этом вообще в расчет не принимались. Судя по всему, время настало. Во всяком случае — это уже технически посильно в современном информационном обществе.

Исторически культурная доминанта интересов большинства, всегда была сильнее, нежели политико-идеологическое подавление в интересах правящего меньшинства (это проявлялось латентно и в культуре аграрных обществ, и было провозглашено как принцип в ходе буржуазных революций). Если идти на конфликт, то костра Инквизиции еще можно было как-то избежать, но последствий нарушения культурных норм, фиксируемых соседями и всеми окружающими, избежать было уже нельзя. Это не всегда вело к костру, но уж изгнанию — обязательно. Отсюда уже и «гипотеза сексуального подавления» М. Фуко и проблема «торжества слова над делом» в интерпретации Ж. Деррида и его же призывы к деконструкции текста (точнее

¹ Грей Д. Поминки по Просвещению. — М., 2003; Валлерстайн И. После либерализма. — М., 2003; Бауман З. Индивидуализированное общество. — М., 2002.

288 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

всей системы культурных текстов, которые сковывают личность своей нормативностью). Классическая для постмодерна проблема «смерти автора»¹ — это смерть культурного насильника.

Таким образом, теоретики постмодерна поднимают вопрос об освобождении личности от давления общества, от норм языка, культуры, художественных эталонов и т.п. Уместно говорить о новой философии — отказа от «организованной свободы» в формах классической демократии и перехода к свободе, высоко индивидуализированной в своих новых формах (по крайней мере, на интеллектуальном и художественном уровне).

Но я полагаю, что было бы ошибкой рассматривать постмодерн как примитивную идеологию анархии. Во всяком случае, анархисты понимали под свободой отмену прежде всего социальных и политических ограничений². А постмодернисты — культурных. Как ни парадоксально, но именно культура, оказалось не собранием художественных шедевров, а самой жесткой социальной несвободой³. Постмодернизм — это выход на новый, более сложный уровень понимания свободы личности и ее творческой самореализации, нежели предполагалось классической демократией эпохи Просвещения.

После освобождения от пут социальных и идеологических ограничений, принесенного нам

буржуазными революциями и Просвещением, постмодерн призывает к освобождению от «культурных ограничений», но не путем отказа от культуры вообще,

¹ Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994.

² Бакунин М.П. Государственность и анархия. — СПб., 1973 и др.

³ Об этом подробнее см.: Флиер А.Я. Культура как тюрьма — в настоящем издании и другие статьи.

Постмодерн как поиск новой культуры 289

а посредством переосмысления многих ее установлений, перехода к более либеральной (или, напротив, уже постлиберальной, т.е. основанной уже не на экономическом, а на познавательном интересе личности) модели ее интерпретации и освобождению от «авторитета текста», играющего решающую роль в реализации нормативных функций культуры. Именно этот авторитет текста (традиций, норм, нравов, обычаев, обрядов, ритуалов, бытовых и религиозных ограничений, лингвистических норм языка и т.п.) делают человека бесконечно несвободным, подчиненным общественным установлениям и диктату со стороны общества. По мнению постмодернистов, социальные и политические ограничения — это уже производный результат принципиального настроя культуры на несвободу, на диктат общества над личностью.

Пока нам трудно понять, в каких организационных формах может воплотиться этот новый уровень индивидуализации сознания и норм поведения отдельного человека. Те формы, в которых это реализуется сейчас, подвергаются самой жесткой критике¹. Они ведут к замыканию людей в своем индивидуальном культурном мире (социальной индивидуализации), а так же к разрастанию насилия со стороны тех, кто был ущемлен прежними нормами. Впрочем, это характерно для всех революций. Сейчас женщины, гомосексуалисты, инвалиды, цветные — все, кто чувствует груз исторической несправедливости, вымещают свои обиды тем, кто их ущемлял в прошлом, т.е. белом гетеросексуальном мужчине. Сейчас в США быть белым нор-¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. — М., 2002; Гидденс Э. Ускользающий мир. — М. 2004; Никонов А.П. Конец феминизма. — М., 2005.

290 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

мальным мужчиной — самое опасное занятие¹. Это означает, быть объектом претензий со стороны всех. Гомосексуалиста, на которого вы не так посмотрели; инвалида, которого вы пожалели; женщины, перед которой вы по привычке открыли дверь или уступили место в метро (теперь это трактуется как сексуальное домогательство), и т.п.² Пора отказываться от вредных привычек: ни на кого не смотреть и не проявлять знаков уважения к старшим, к женщинам и пр. Все это — основания для судебных исков в нарушении политкорректности³. Слава Богу, что в России еще можно смотреть на женщин, влюбляться и даже ухаживать за ними. В США — это уже наказуемое поведение. И как они собираются размножаться?

Но я боюсь, что решение этих проблем — на несколько порядков сложнее, чем кажется воинствующим феминисткам и педерастам. Это вопрос о том, как сочетать интересы индивида с коллективными интересами общества. И пока этого никто не знает. Постмодернисты только озвучили эту проблему, но реальных путей выхода из нее не предложили. Впрочем, решение любой проблемы должно начинаться с ее легализации. На протяжении 10 тысяч лет, это решалось просто: личность не была столь социально ценна, чтобы была нужна с нею считаться (хотя мудрейшие люди всех эпох — Конфуций, Заратуштра, Христос, Спиноза, Руссо, Кант, Вашингтон, Бонапарт и др. — предупреждали, что возвращение к этому вопросу неизбежно).

Ленин считал, что он этот вопрос снял. Индивидов — вырезать как класс. Пусть останутся только массы. Но ведь масса и самых неразвитых людей состоит

¹ Никонов А.П. Указ. соч.

² Irigaray L. This Sex Which Is Not One. — N.Y., 1993.

³ Никонов А.П. Указ. соч.

Постмодерн как поиск новой культуры 291

из индивидов со своими индивидуальными интересами. До этого и Ленин, и его последователи как-то не додумались; на чем и провалилась вся идея социализма. Накормить каждого по индивидуальному заказу оказался в состоянии только капитализм.

Но вот настала эра социально-экономического преобладания индивидов — специалистов high tec. Масса технических исполнителей уже ничего не решет; ее можно пригласить и из Южной Америки, и из Азии, и из России (внешний пролетариат, по Ортегге-и-Гассету). А как насчет выдающихся специалистов high tec? Напевать и забыть? На Элвина Хаббла, Билла Гейтса, Маршала Маклюэна, Никиту Моисеева и т.п. Их всех не пригласишь повсюду. Их нужно выращивать самим.

Поиск нового пути интеллектуального развития, судя по всему, был спровоцирован идеями Римского клуба и работами А.Печчеи, нежели различными «культурными революциями» 1960-70-х гг. Они решали по существу те же самые проблемы, но на уровне практического упразднения прежней культуры и ее системы ограничений. Была предпринята тотальная акция и против особой роли интеллектуалов в определении путей развития. В конечном счете «молодежная революция»

1960-70-х гг., кроме сексуальной свободы, преследовала и цель освобождения от влияния интеллектуалов. Таким образом, оснований для какой-либо связи массовой культуры (даже в ее высших проявлениях) с постмодерном нет никаких.

Наиболее общим для различных вариантов постмодерна можно считать его отвержение «зарегулированности» социальной жизни культурными нормами (воплощенными в культурных текстах), отстаиванием идеи «энтропийного» характера социальных процес-

292 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

сов, призывом к деконструкции культурных текстов и эклектичному смешению художественных языков, отвержением доминирующих представлений об истории и социальной реальности, как набора заведомых нарративов и симулякров. В постмодерне преобладает стремление включить в современную культуру весь опыт мировой истории путем ее ироничного цитирования (как заведомо недостоверной информации, выдумки писателей-романтиков); стремление превратить культурный хаос путем игрового освоения в специфичную среду обитания современного человека.

Другая сторона обманки заключается в том, что постмодерн постоянно апеллирует к семиотике и вроде бы в основном работает на ее материале. Это иллюзия. Под видом словесной формы постмодерн исследует культуру в целом, а — главное — уровень ее принудительности. И здесь не важно, исследуется ли лингвистическая или социальная сторона жизни. Лингвистическая — не более чем частная форма манифестации социальной. А цель — заставить индивида не только подчиниться обществу, но и поверить в то, что такое подчинение неизбежно, подавить его эталонами разрешенных форм культурных проявлений: в области секса, питания, в наборе вещей повседневного потребления, в критериях девиантности, в нормах написания текстов.

Неприлично цитировать самого себя, но я позволю себе эту бестактность: «Кто постановил, что корова пишется только через "о"?»¹. Культура! Как механизм всеобщего подавления и принуждения. А если я захочу писать корову через «а»? Меня убьют? В прошлом бы и убили. Сейчас же я буду только культурно отвержен-

¹ Флиер А.Я. Культура как тюрьма — в настоящем издании.

Постмодерн как поиск новой культуры 293

ным, как неграмотный. А судьи кто? Кто и на каких основаниях смеет решать, грамотный я или нет? Люди, аргументирующие к учебникам (эталонному своду норм). То есть самый страшный инструмент культурного принуждения — это учебник, словарь, эталон.

Парадокс в том, что большинство подобных норм не имеет под собой никакого объективного обоснования. Просто так сложилось исторически (в культуре данного народа). А в культуре другого народа это же сложилось иначе. Столь же случайно. Получается, что мы рабы случайных сочетаний факторов и обстоятельств, которые сформировали нашу культуру именно такой, а не какой-либо иной.

Если бы Александр Невский в середине XIII в. не признал бы монгольскую неволю, а по совету своего старшего брата пошел на церковную унию с Римом и инициировал бы общеевропейский антимонгольский крестовый поход (к чему имелись самые реальные возможности), то мы бы сейчас были нормальной западноевропейской страной, входили бы в НАТО и корова писалась бы у нас совершенно по-другому. Если бы у Петра Великого нашлись достойные продолжатели его реформ, мы к концу XVIII века уже обошли бы Англию по экономическому развитию и при наших неограниченных природных запасах (англичанам пришлось ради этого завоевывать половину Азии и половину Африки), стали бы лидером научно-технического прогресса во всем мире. А так все уплыло в Америку вместе с лучшими мозгами, самыми образованными учеными и конструкторами, еврейским капиталом и менеджментом (самым эффективным в мире) и т.п. Сейчас мы боремся с нашими олигархами, которые даже в российской неразберихе умудрились что-то украсть (обратите внимание, что другие оказались не

294 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

способными даже на это). Конечно, быть обворованным, обидно. Но и воровство выявляет таланты (если мы не в состоянии выявить их другим способом). Я отнюдь не поклонник Ходорковского и Березовского. Но они, безусловно, талантливые люди. Сейчас опять происходит отстрел талантов и замена их отставными генералами и работниками КГБ. Поэтому и корова у нас все еще пишется через «о».

Именно с этим и борется постмодерн. С подобной тотальной зависимостью общества от исторически унаследованной культуры и ее традиций, являющихся плодом решения проблем совершенно другого времени. Жизненные обстоятельства меняются, а культура меняется гораздо медленнее, в меньшем объеме и глубине.

Так или иначе, но мы приходим к глобальному вопросу: а нужна ли культура вообще? Как ни парадоксально, но ответ на этот вопрос историчен. Как инструмент социальной регуляции культура была необходима в первобытном обществе, как единственное средство наведения порядка. Ее

функции несколько сократились в эпоху аграрных цивилизаций, когда появились параллельные инструменты поддержания порядка — политика, религия. В индустриальную эпоху многие традиционные функции культуры и религии перешли к науке. В постиндустриальную эпоху функции культуры в существенной мере свелись к поддержанию порядка среди маргиналов. Т.е. значение культуры как механизма социальной регуляции в жизни общества исторически падает. Сама культура не делается хуже. Просто ее нормативы и целеустановки со временем устаревают. Отсюда я прихожу к выводу, что и функции культуры в обществе по ходу истории меняются. Если в прошлом она была пре-

Постмодерн как поиск новой культуры 295

имущественно механизмом социальной регуляции, то ныне начинают преобладать ее креативные (творческие) функции. Из механизма управления индивидом (сверху) культура должна стать (в идеале) средством его социальной самореализации (снизу).

Постмодерн и стал поиском обоснованного места культуры в современном обществе. Понятно, что просвещенческие парадигмы о торжестве разума оказались весьма поколебленными. Примерно половина населения Земли показала себя генетически неспособной к торжеству разума. Значит, несмотря на все успехи глобализации, придется делить *Homo sapiens* на способных и неспособных. Принципы универсальной культуры для всего человечества не состоялись. Готтентоты и при кембриджском образовании предпочли остаться готтентотами. Еще сложнее с европейскими и американскими (по культуре, а не по этническому происхождению) интеллектуалами. Принципы индивидуальной социальной и культурной свободы, разработанные Просвещением, американской конституцией, британским либерализмом, Гражданским кодексом Наполеона и т.п., уже не удовлетворяют потребности в интеллектуальной свободе высоко образованных людей.

Парадокс в том, что теперь их сдерживают культурные нормы, которые всегда считались непоколебимыми, главным основанием любой национальной идентичности (и в частности интеллигентской). Значит и национальная идентичность как фактор уже отмирает (я, естественно, не имею в виду исламский мир и другие зоны торжества традиционализма, включая Россию). Постмодерн ищет какую-то иную культурную идентичность (в анархических концепциях ризомы, в эклектике исторических форм, глум-

296 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ливых построениях пастиша), но пока еще не находит ее. Современный интеллектual нуждается в статусе гражданина мира, не ограниченного никакими этно-национальными культурными нормами, в статусе интеллектуала-космополита¹. На Западе так оно и происходит. Никого не интересует, где территориально живут Пол Маккартни, Юлия Кристева или Владимир Шляпентох. Они граждане человечества. А вот для нас принципиально важно, где скрываются Гусинский, Березовский и т.п. Это только подтверждает тот факт, что в России еще до сих пор не поняли самоценности таланта и того, что не нужно ему мешать. Рано или поздно он принесет пользу (те же Ходорковский, Гусинский и Березовский). Наворует и начнет работать на страну, порядок в которой ему выгоден для сбережения его капиталов (вспомним Меньшикова, Бирона, Потемкина). Это еще мог понять Ельцин. Толпа нынешних бесталаных правителей органически не в состоянии понять даже самого элементарного.

Игра в постмодерн в России (В. Руднев, Д. Галковский, Т. Толстая и др.), по меньшей мере, смешна, поскольку наш преобладающий уровень интеллекта уже уступает китайскому (число китайцев — докторов наук по западным стандартам — уже существенно превышает число русских или русскоязычных). Конечно, свою роль здесь играет и двойной стандарт. Наше образование в определенных аспектах эффективнее западного, и они боятся конкуренции со стороны наших специалистов. Но интеллектуалов, способных сравниться с элитой французского постмодерна, британской и американской социологии и аналитической фи-

¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть, в 2 тт. — М., 2002-2005.

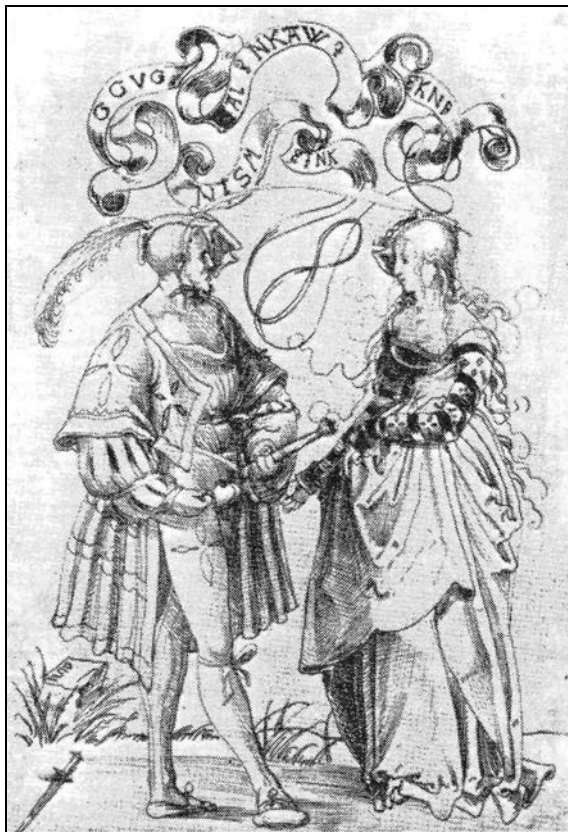
Постмодерн как поиск новой культуры 297

лософии, у нас нет. Учили не тому. А главное, мы до сих пор стонем от недостатка культуры, а постмодерн — это реакция на ее переизбыток, уже мешающий жить и чувствовать себя свободным.

По большому счету постмодерн тоже не дает реального выхода из описанной ситуации. Это только гипотеза о том, каким путем можно было бы пойти. Ее недостаток не в неэффективности, а в том, что она не может быть реализована подавляющей частью человечества, а только изолированной группой интеллектуалов.

Впрочем, поживем — увидим.

Социокультурный прогноз на XXI век

1.

Наступивший XXI век будет характерен развитием ряда социокультурных тенденций, направленность которых уже более или менее ясно просматривается сегодня¹. Разумеется, речь идет об общемировых тенденциях, касающихся прежде всего высокоразвитых стран. Эти тенденции отразятся на России по-своему специфично, хотя надеяться на то, что они в принципе минуют нашу страну, было бы весьма наивным. К сожалению, мало надежд и на то, что намечающиеся социокультурные тенденции приведут к объединению всего человечества на гуманитарных основах, как это прогнозировалось философами-просветителями еще в XVIII веке и идеологами гума-

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. — М., 2003.

302 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

низма последующих столетий. До этого мы еще не дожили.

Напротив, скорее нам следует ожидать нового раскола вида *Homo sapiens*, но уже не по национальным, религиозным, политическим или экономическим основаниям, как в прошлом, на протяжении всей Истории, а преимущественно на базе размежевания высокообразованной, конкурентоспособной (как в собственно профессиональном, так и в общесоциальном смысле) международной элиты «спецов» и малообразованной, почти неконкурентоспособной массы «рядовых людей». Различные варианты подобного сценария в принципе предполагались еще фантастом С. Лемом¹, а в последующем Д. Беллом, И. Валлерстайном, Э. Тоффлером и др.², но прежде всего У. Хиллом в его знаменитой концепции «золотого миллиарда»³. Разумеется, продолжающаяся информационная революция и массовая компьютеризация существенной части населения отчасти сгладят остроту намечающихся социальных кризисов, создадут виртуальную иллюзию единого культурного и образовательного пространства для всех⁴. Однако эта иллюзия будет во многом лишь психологической компенсацией для тех, кто терпит поражение в реальной конкуренции за уровень образования, профессиональную востребованность, социальный статус и объемы потребляемых социальных благ. В конечном счете, это станет одной из сторон того варианта глобализации, которого боятся все⁵ (хотя возможны и другие варианты).

¹ Лем Ст. Сумма технологий. — М., 1968.

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — М., 1999; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — М., 2001; Тоффлер Э. Третья волна. — М., 2002.

³ Hill W. An Introduction of the Modern Sociology. — Glencoe, 1983. Vol. 1-2. ⁴ Кастельс М. Информационная

эпоха. — М., 2000.

⁵ Бауман З. Индивидуализированное общество. — М., 2002.

Социокультурный прогноз на XXI век 303

В числе тенденций наиболее вероятного сценария мирового социокультурного развития можно перечислить:

► нарастание социально-демографических проблем перенаселенности Земли на фоне усиливающихся экологического и энергетического кризисов. По подсчетам специалистов стратегические запасы нефти на планете будут исчерпаны к 2008 г. (по другим прогнозам — к 2010 г.) и, если к этому времени не будет найдена удовлетворительная энергетическая альтернатива, начнется деградация современной цивилизации, основанной на неограниченном доступе к источникам энергии; аналогично истощение кислородовыделяющей биомассы (сокращение площади лесов), начало радикального потепления и таяния арктических льдов, т.е. поднятие уровня мирового океана почти на 10 м. ожидается в районе 2015 г.; превышение критической численности населения (15 миллиардов), которое может быть прокормлено в земных условиях также относят приблизительно к середине второго десятилетия этого века. Одним из результатов этого станет «переструктурирование» социальной организации человечества на иных, нетрадиционных основаниях, формирование новой социально-культурной стратификации основной массы населения планеты. Такие социальные регуляторы, как этническая, сословная и религиозная принадлежность человека, разумеется, сохранят свою значимость, но преимущественно на приватном, микросоциальном уровне жизни при том, что макросоциальный уровень будет регулироваться главным образом транснациональ-

304 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

ными социально-функциональными объединениями (можно называть их «концернами»), концентрирующими в своих руках такие важные функции управления глобальными процессами бытия человечества, как энергетику и информацию, а отчасти и собственно политику¹;

► несмотря а энергетический кризис, в ближайшие десятилетия ожидается существенное возрастание интенсивности материального и интеллектуального производства (возможно, основанного на других энергетических источниках, скажем, ядерном), а также социального управления на основе, во-первых, общего научно-технического развития (прогресса) цивилизации и, во-вторых, на путях дальнейшей дифференциации и углубления узкой специализированности всякой профессиональной деятельности; т.е. наступления эпохи абсолютного доминирования «сверхузких» специалистов. Эта общемировая тенденция разделения труда, наблюдающаяся на всем протяжении истории (начиная с эпохи неолита), в XX веке получила особенно интенсивный характер. Ее показательным примером является актуальная дискуссия о преимуществах маленькой армии квалифицированных профессионалов над многомиллионной толпой плохо обученных призывников, типичной для войн первой половины столетия. На самом деле — это дискуссия не об армии, а о выборе пути развития: интенсивном методе high tec (высоких технологий), экономящем ресурсы и достигающем

¹ Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм и коэволюция // Природа, 1989, № 4; Markarian E. Capacity for World Strategic Management. — Erevan, 1998.

Социокультурный прогноз на XXI век 305

поставленных целей за счет более совершенных технологий, эффективного инструментария, высокого качества подготовки и лучшего использования людей, или экстенсивном методе прямого воспроизводства традиционного образа жизни и деятельности, базирующемся на механическом увеличении объемов низкокачественных ресурсов и числа плохо обученных людей. Интенсивный путь требует постоянного переобучения, повышения квалификации и все большего сужения специализированности исполнителей (в истории человечества практически все инновации порождались только узкими специалистами¹);

► существенное «уплотнение» информационного поля, в котором живет человек, обретение новых принципов и способов упорядочивания и систематизации возрастающих потоков информации. Вполне вероятно, что вскоре будут найдены и возобладают принципиально новые способы систематизации и аккумуляции знаний и соответственно достигнут прогресс в эффективности передачи и усвоения информации, в технологиях управления интересами и потребностями миллиардов людей²;

► радикальное упрощение содержания массового среднего образования, сведение его к уровню освоения элементарной «картины мира», простейших средств коммуникации и инфантилизированных смыслов массовой культуры, при одновременном сокращении его сроков и переходе на автоматизированные и преимущественно дистантные технологии обучения. Параллельно этому

¹ Флиер А.Я. Культурогенез. — М., 1995.

² Луман Н. Реальность массмедиа. — М., 2005.

306 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

будет сопутствовать нарастание уровня «элитарности», сложности и специализированности (вплоть до реальной индивидуализации) отдельных областей профессионального знания, доступ к которым будет все более затруднен;

► формирование крупной элитарной прослойки высококлассных специалистов международного уровня числом до нескольких сотен миллионов человек (вместе с семьями) — тот самый «золотой миллиард» У. Хилла — в самых различных областях высоко специализированной деятельности (сферах применения «высоких технологий»). Эти люди будут отличаться высоким культурно-образовательным уровнем, будут всегда обеспечены спросом на их профессиональные услуги, потреблять энергию в работе и личном быту в сотни раз больше, чем рядовой житель Земли, фактически не иметь постоянного дома, родины, родной культуры и т.п. (или менять их десятки раз в течение жизни), а следовательно отличаться высоким уровнем мультикультурности (культурного космополитизма), говорить на десятке языков при одновременном «стирании» национальных границ в сфере их личностной культурной самоидентификации и т.п. (английский социолог З.Бауман, остроумно перефразировав известную сентенцию Ф. Фукуямы о том, что наступает конец истории, заметил, что с глобализацией наступает конец географии¹ — конец государственных границ, национальных экономик и территориальной привязки специали-

¹ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. — М., 2004.

Социокультурный прогноз на XXI век 307

стов high tec). Интернациональной корпорации подобных специалистов, по всей видимости, и будет принадлежать фактическое установление и поддержание социального порядка на планете, к чему фактически призывает наш известный культуролог Э. Маркарян¹;

► в условиях резкого спада культурно-образовательного уровня и общей социальной конкурентоспособности остальной части населения Земли (80-90%), в ее среде неизбежен существенный рост тех или иных проявлений охранительного традиционализма, экстремизма и т.п., что будет подавляться с должной жестокостью, т.е. будет иметь место постоянная вялотекущая «третья мировая война» между элитой техногенной цивилизации и социально неконкурентоспособным «внешним пролетариатом» и т.п.² Одной из форм проявления подобной «перманентной войны», возможно, станет предрекаемый С.Хантингтоном «конфликт цивилизаций»³, в котором наиболее вероятными сторонами станут экономически развитой Запад и традиционалистский Юг и Восток. Типичным примером этому являются комплексы арабо-израильских и американо-мусульманских войн и конфликтов последних десятилетий.

Основной причиной весьма вероятного «культурного апокалипсиса» XXI века станет не чья-то злая воля, а прежде всего такие явления, как:

¹ Markarian E. Op.cit.

² Валлерстайн И. После либерализма. — М., 2003.

³ Хантингтон С.. Столкновение цивилизаций — М., 2003.

308 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

► стихийный характер развития социокультурных процессов на планете;

► наличие и все увеличивающийся разрыв в уровнях развития различных обществ (модернизированных с углубляющимся разделением труда и традиционных с низким уровнем специализированности большинства населения);

► демографический кризис, сопутствующий планетарному экологическому кризису, резкая ограниченность реально используемых энергетических источников, а также радикальное нарушение природных процессов естественного отбора в человеческой среде, благодаря вмешательству медицины;

► массовая деградация человеческого генофонда в условиях экологических бедствий, «эпидемий» алкоголизма, наркомании, СПИДа и т.п., фактический рост числа людей, биологически не способных к какой-либо социальной конкуренции;

► исчерпанность «просвещенческой» картины мира и иллюзии общего процветания человечества на основе всеобщей просвещенности и гуманизма¹;

► экстенсивный характер воспроизводства гуманитарной культуры и отсутствие программы ее экспансии как нового способа самоорганизации человеческого общества, в условиях продолжения традиционных процессов самоорганизации и деятельности на основаниях, не учитывающих личностно-психологические факторы социального бытия людей, и т.п. Собственно философия постмодерна и является одной из таких про-

¹ Грей Д. Поминки по Просвещению — М., 2003.

Социокультурный прогноз на XXI век 309

грамм гуманитарной экспансии, учитывающей индивидуальный уровень интересов; но

масштаб ее влияния на процессы развития пока что очень невелик.

Уже сегодня адекватно темпам научного и технико-технологического прогресса и социальным трансформациям общества возрастет динамика порождения социокультурных инноваций, изменение действующих социокультурных норм, традиций, культурных мотиваций социальной активности и т.п. Возрастают социальные и информационные нагрузки на человеческую психику; люди начинают утрачивать системный характер своих ценностных ориентаций, социальной адекватности и культурной компетентности. Происходит то, что принято называть «культурной коррозией»; и хотя подобная «коррозия» пока что касается лишь форм «классической» гуманитарности, это вовсе не гарантирует от ее распространения и на иные сферы культуры¹.

2.

Особенности перечисленных опасностей для России, как представляется, связаны даже не с тем, что нам угрожает массовая «утечка мозгов», т.е. отъезд той элитной части специалистов, которые во все большей мере становятся «становым хребтом» современной цивилизации, гигантский приток эмигрантов из мусульманских и дальневосточных стран и ускоренные темпы вымирания христианской части населения (более подверженной эмоциональным стрессам и вредным формам их компенсации) и т.п., что приведет в ближай-

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество.

310 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

шие десятилетия к заметному изменению состава всей великорусской популяции. Главной опасностью для России представляется прежде всего интеллектуальный кризис в сфере национального самосознания и полная неадекватность понимания самого феномена культуры и ее социальной роли в сохранении общественной стабильности.

Весьма показательно уже одно то, что под культурой мы (как-будто все еще живем в XVIII веке) продолжаем понимать какие-то шедевры духа и творчества, а не принятую во всем мире социальную солидарность людей, совокупность исторического опыта их коллективного бытия, специфическую модальность группового человеческого существования, наиболее общую форму осуществления человеческой социальности и т.п. Боюсь, что наши социальные науки (интеллектуальная потенция) погибли от простого истощения категориального аппарата познания (как это уже происходит в существенной мере с традиционной гуманитаристикой), которым мы оперируем и который уже давно не отвечает социальным реалиям наших дней.

Мы отчаянно «ломаем копыя» в абсурдных дискуссиях о русской «духовной культуре». Где мы набрались этой глупости? В философском дилетантизме «серебряного века», когда клерикально-шовинистическая идеология возводилась в ранг «национальной идеи»? Или имеется в виду судьба православия в России, которое собственно и есть наша «духовная культура» в прямом и непосредственном смысле слова? Только при подобной трактовке категория «духовности» получает право быть элементом профессионального дискурса, но какое отношение все это имеет к тому, что нас ждет в наступающем столетии? Так или иначе, на сегодняшний день в нашем распоряжении нет эффективной

Социокультурный прогноз на XXI век 311

(сплачивающей массы) и операциональной (технически осуществимой) идеи национального выживания и развития. Принцип агрессивного национализма уже не сработает (этого нам не позволят наши соседи — США, Европа, Китай, Индия, а без тесного взаимодействия с ними мы просто умрем с голода). Восстановления нормального капитализма не допустит наше собственное население (оно слишком избаловано режимом социального патронажа времен Советской власти; на что у государства уже нет средств).

Наша страна всегда отличалась нетрадиционно высоким уровнем гуманитарной эрудированности населения (по крайней мере, его образованной части), сопровождавшимся крайне низким уровнем социокультурной и экономической эрудиции. Это уже привело к тому, что население не позволило руководству довести до конца необходимые реформы Е. Гайдара («нас грабят!»), что отбросило Россию на уровень стран «третьего мира». Дальше будет хуже. Под лозунгом «нас грабят» консервативные тенденции начнут все больше и больше овладевать общественными настроениями и зависящим от них руководством, и мы постепенно вернемся к социалистическому мироустройству (может быть, к социализму без коммунистов), как к общественному идеалу, но уже не располагая теми неограниченными запасами полезных ископаемых (особенно нефти) и той грандиозной армией, которая позволяла держать в повиновении десятки миллионов людей. Т.е. «мобилизованного общества», характерного для режима социализма, уже не получится. В этих условиях территориальный распад России на более мелкие и более жизнеспособные государственные

образования представляется высоко вероятным.

312 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

3.

В свете перечисленных перспектив социокультурного развития человечества гуманитарная общественность ЮНЕСКО и других организаций планирует свой комплекс ответных шагов, способных, если не предотвратить, то, по крайней мере, существенно смягчить воздействие наступающего «экологического, экономического и культурного апокалипсиса». Эти контрмеры требуют прежде всего массированного развития и популяризации наук о культуре, способных раскрыть базовые закономерности социокультурного развития общества и разработать на основе этого знания технологии проектирования, планирования и управления подобным развитием. Однако наука в этом процессе явится лишь теоретическим основанием; полем «генерального сражения», безусловно, станет сфера образования, где и развернутся главные «битвы» между культурой и социальной деградацией.

В числе наиболее актуальных вопросов, подлежащих безотлагательному исследованию **культурологической наукой**, можно назвать:

- ▶ изучение процессов и технологий накопления специфического для разных обществ и эпох (цивилизаций и наций) набора принципов социальной консолидации людей, аккумулирующих исторически обретенный социальный опыт их коллективного существования, выражающийся в формах социокультурной организации, регуляции и самоидентификации, принятых в данном обществе;

- ▶ исследование и систематизация основных приемов манифестации такой солидарности и иден-

Социокультурный прогноз на XXI век 313

тичности в разнообразных «культурных текстах» и иных продуктах социальной деятельности, формах и результатах поведения людей, что, как правило, обретает некоторую наблюдаемую внутреннюю системность и семантическую однородность, называемой «культурной самобытностью»;

- ▶ особый упор на изучение работы механизмов трансляции исторического типа солидарности и идентичности следующим поколениям средствами социализации и инкультурации личности методами традиций, обычаев, нравов, образцов и т.п., а также воспитания, образования, искусства, религии, идеологии, политики и пр., обеспечивающих социальное воспроизводство данного общества как устойчивой культурной целостности.

Что касается содержания программ культурного развития индивида в обществе методами воспитания, образования и просвещения, средств массовой информации и т.п., то думается, что в современных условиях приоритетное внимание следует уделить изучению и пропаганде таких социокультурных тенденций, как:

- ▶ выработка принципов и норм социальной солидарности и культурной идентичности неконфронтационного типа, разработка самой теории и структуры такого типа солидарности и идентичности;

- ▶ разработка технологий мягких социальных взаимодействий и пропаганда их в качестве преобладающих форм социальных отношений на современном историческом этапе развития общества;

314 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

- ▶ аккумуляция и систематизация социокультурного опыта человечества в целом, формирование общепланетарного культурно-информационного поля и развитие способов его национального и транснационального опосредствования, развитие мультикультуральности и выявление ее пределов в области культурной толерантности и синкретичности, разработка более или менее универсальных критериев социальной приемлемости разнообразных культурных проявлений;

- ▶ выработка представлений о культуре как об особом типе социальной эрудированности и адекватности личности, владения ею языками, кодами и каналами современной социальной коммуникации, ее уровне социальных притязаний и специфике оценочных критериев, в которых достигается компромисс между общепринятыми нормами (конвенциональным и институционализированным социальным опытом данного сообщества) и их индивидуальной интерпретацией личностью; пропаганда посредством каналов социализации и инкультурации (воспитания, образования, системы учебников и иной литературы, работы культурно-просветительских институтов, государственной культурной политики и т.п.) характеристик актуальной культурной компетентности личности, основанной на этих принципах;

► ведение пропагандистско-воспитательной и образовательной работы, направленной на формирование нового типа социальной идентичности личности, в рамках которой традиционные идентифицирующие признаки (сословно-классовые, расовые, этнические, конфессиональные,

Социокультурный прогноз на XXI век 315

обрядово-этнографические, политико-идеологические, цивилизационные, семейные, гендерные и т.п.) постепенно вытеснялись бы в область приватной (домашней) жизни индивида, и уравнивались (взаимокомпенсировались) своей множественностью (идея В.Гавела); в то же время основными критериями социальной оценки и идентификации личности постепенно становились бы: глубина ее специализации в общественном разделении социальных функций, уровень врожденных интеллектуальных и художественных способностей, а также степень их развитости (характер и уровень образования), объективно оцениваемый уровень работоспособности (психоэнергетики), инициативности, обучаемости данной личности, степень дефицитности специалистов такого направления и класса в общечеловеческом масштабе, динамика повышения профессиональной квалификации и должностного роста, склонность к социальной мобильности и другие характеристики, свидетельствующие о степени общечеловеческого спроса на данного специалиста и личность и т.п.;

► разработка определенных высоко пластичных критериев социального рейтинга современной «высоко специализированной личности», которые в идеале и должны становиться основой его социально-личностной самоидентификации в современных условиях (разумеется, при этом не должны обходиться вниманием врожденные и приобретенные ограничения на развитие этих характеристик и адаптивные меры, связанные с этим фактором);

316 А. Я. Флиер. Культура как репрессия

► развитие технологий социокультурной прогностики как на потребностном, так и интеллектуально-чувственном уровнях;

► развитие процессов управляемой локализации исторических традиций (этнических, конфессиональных, микросоциальных и др.) в нишах их «приватного» функционирования и их толерантного сопряжения с модернизационными тенденциями общества; развитие процессов освоения национального культурного наследия как фундамента культурной компетентности личности;

► кристаллизация основных параметров психосоциальной адекватности и социально-функциональной конкурентоспособности индивида в новых условиях полиэтнических мегаполисов, с их системами образов социальной престижности и норм культурной компетентности в постиндустриальной социокультурной и информационной реальности;

► плюрализация процессов порождения культурных инноваций, расширение рамок и критериев социальной приемлемости индивидуальной интерпретации культурных образцов, совершенствование механизмов социального воспроизводства общества и личности.

XXI век не обещает нам легкой жизни¹. И, хотя многие из прозвучавших в этом тексте прогнозов, действительно относятся к пессимистическому сценарию (процессы культурной глобализации ведь могут пойти

¹ Своеобразную трактовку грозящих нам опасностей, но основанную на естественнонаучном и технико-технологическом анализе, дает академик Н.Н. Моисеев. См.: Моисеев Н.Н. Быть или не быть человечеству? — М., 1999.

Социокультурный прогноз на XXI век 317

и по другому пути), и можно ожидать, что некоторые из предсказываемых сложностей «утраются» и сбалансируются в силу естественной исторической инерции (лично я, как историк, фанатично верю в действие исторической инерции и стремление людей к экономии личных энергозатрат, т.е. в неистребимую ленность рода человеческого), но наука не имеет права надеяться на лучшее в процессе стихийного саморазвития событий. Как и высшие военные руководители государства, которые по определению не имеют права быть оптимистами и обязаны предвидеть худший из возможных сценариев развития событий, ученые поставлены примерно в такие же долговые условия перед человечеством.

Мы обязаны обрисовать основные черты предстоящего Апокалипсиса и дать рекомендации по возможным способам его предотвращения или смягчения; а случится он или нет, зависит от такого неисчислимого сочетания различных обстоятельств, подсчитать которые не в состоянии никакая наука. Иначе она бы уже дано научилась предсказывать будущее, лишив тем самым человека свободы воли, а саму себя — интеллектуальной свободы, права на гипотезу и описание мира в вероятностных категориях, что сегодня, может быть, и является единственно интересным, что осталось науке...

Оглавление

Введение.....	3
Культура как власть	11
Культура как идеология	33
Культура как тюрьма.....	49
Культура насилия.....	73
Культура как обман.....	95
Культура как сексуальная репрессия.....	123
Культура как фактор национальной безопасности.....	145
Культурные последствия I информационной революции.....	163
Оглавление 319	
Культура как виртуальная реальность ...	187
Страсти по глобализации.....	205
Массовая культура.....	221
Женщина как культурный текст	245
Имеет ли культура отношение только к человеку?.....	263
Постмодерн как поиск новой культуры ..	281
Социокультурный прогноз на XXI век ...	301

Андрей Яковлевич Флиер

КУЛЬТУРА КАК РЕПРЕССИЯ

В авторской редакции

Главный редактор *Л. Л. Геращенко*

Научный редактор *М. А. Полетаева*

Дизайн обложки *Я. С. Новожилова*

Компьютерная верстка *В. Б. Знамеровский*

Подписано в печать 17.01.2006 г. Формат 84х108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ.

л. 10. Тираж 3 000 экз. Заказ № 2709

Издательский дом «Диаграмма»

119619, Москва, ул. Авиамоторная, д. 6, корп. 2

Ид. № 03706 от 09.01.2001 г.

Отпечатано в ОАО

«Можайский полиграфический комбинат

143200 г. Можайск, ул. Мира, 93